

НА ГРАНИ БЕЗУМИЯ

СЕРИЯ «НА ГРАНИ КРАХА #2»

КАЙЛА СТОУН

Разрушительный электромагнитный импульс. Пропала энергия. Нет связи. И никакой помощи...

В пятилетнюю годовщину исчезновения своей жены Ханны помощник шерифа небольшого городка Ноа Шеридан берет своего маленького сына Майло с собой на местный горнолыжный курорт, чтобы провести время, столь необходимое отцу и сыну.

Внезапно отключается электричество. Как и новые генераторы курорта. Ноа и Майло оказываются в ловушке на кресельном подъемнике на высоте тридцати футов над землей.

Помощь ждать неоткуда. Наступает ночь, а вместе с ней и убийственный холод. Спуститься вниз до наступления переохлаждения — это только начало...

Когда надвигающаяся снежная буря отрезает город от остальной цивилизации, Ноа потребуются все силы, чтобы сохранить жизнь своей семье и друзьям. Опаснее гнева матери-природы только отчаянные люди, готовые на все, чтобы выжить.

Не пропустите вторую книгу из захватывающей серии постапокалиптических триллеров об ЭМИ «На грани безумия».

Перевод: MonaBurumba

Вычитка: MonaBurumba

Русификация обложки: Heksany

Предисловие

Большая часть этой истории происходит в юго-западном Мичигане. В интересах истории я изменила некоторые аспекты и позволила себе несколько вольностей в отношении одного или двух реальных городов. Заранее благодарю вас за понимание творческой воли автора.

«Мужество, это когда продолжаешь, хотя сил уже нет».

Теодор Рузвельт

Глава 1

Ноа

День первый

— У нас труп.

Тридцатилетний Ноа Шеридан крепче сжал телефон. От слов звонившего у него по позвоночнику пробежал холодок.

— Что?

Его друг и коллега по полиции Фолл-Крик, Джулиан Синклер, прочистил горло.

— Сегодня утром позвонил любитель покататься на снегоходе. Жертву нашли у реки, рядом с трейлерным парком. Белый мужчина, около двадцати лет, известный наркоман с

послужным списком длиной в милю. В основном аресты за наркотики и мелкие преступления.

— Причина смерти?

— Забит до смерти, множественные повреждения. Десятки сломанных костей.

Ноа сдвинулся с места, забыв, что на нем все еще лыжи, и чуть не упал.

— Думаешь, это связано с другими делами?

— Пока рано говорить.

Как и в любом маленьком городке, в местечке Фолл-Крик на юго-западе Мичигана случались бытовые ссоры, иногда нападения и облавы на наркоманов, но убийств совершалось немного. Последнее произошло четыре года назад в результате драки в баре.

Однако в соседних округах за последние несколько лет зафиксировали несколько тревожных убийств. Все жертвы были наркоманами или отъявленными преступниками. У всех убитых обнаружены десятки сломанных костей.

Но ни одно из них не коснулось Фолл-Крик — до сих пор.

— Шеф Бриггс вызывает всех, — сказал Джулиан. — В канун Рождества, не иначе.

Повисла тишина. Ноа взял выходной, чтобы побыть с сыном. Он всегда брал выходной двадцать четвертого декабря, несмотря ни на что.

Никто в отделе не осуждал его за это. Все знали, почему.

Сегодня — пятая годовщина исчезновения Ханны. Пять лет с тех пор, как мир Ноа перевернулся и его жизнь разлетелась на куски прямо на глазах.

Все эти годы ушли на то, чтобы снова собрать себя и Майло воедино.

— Ты не обязан, — быстро, слишком быстро проговорил Джулиан. Джулиан Синклер был лучшим другом Ноа, почти братом, самым близким человеком среди всех, кто у него остался.

Они дружили в начальной школе, вместе играли в футбол в старших классах, и именно Джулиан побудил Ноа стать сотрудником правоохранительных органов и поступить на службу в полицейский департамент Фолл-Крик.

Джулиан понимал, через что пришлось пройти Ноа, и поддерживал его во всем.

Ноа посмотрел на своего сына Майло. Восемилетний мальчуган стоял рядом с ним на лыжах, терпеливо ожидая очередного заезда по трассе для новичков *Apple Blossom*.

— Я буду, — сказал Ноа.

Майло уставился на него, его глаза стали большими и круглыми от разочарования. Чувство вины кольнуло Ноа в сердце, но он ничего не мог с этим поделать.

— Это правильно, брат, — заявил Джулиан, его голос повеселел. — Я отработаю твою смену на Рождество, чтобы ты мог побыть с сынишкой. Это прогресс, Ноа. И это для тебя хорошо. Пора перестать томиться по прошлому и начинать жить заново.

Ноа сглотнул комок в горле. Возможно, Джулиан прав, но он не мог заставить себя согласиться с этим вслух. Он посмотрел в полные мольбы глаза сына.

— Мы возвращаемся. Я найду няню.

Закончив разговор, он проверил время, сунул телефон в карман куртки и натянул кожаную перчатку. Было 12:10 дня. По крайней мере, им удалось провести вместе несколько часов. Они все утро катались на трассах *Sweetpea* и *Apple Blossom* и тренировались в ландшафтном парке.

Еще рано утром они отправились на север, на горнолыжный курорт Биттерсвит в Отсега, штат Мичиган, что в часе езды от их дома в Фолл-Крик на ежегодную лыжную

прогулку отца и сына. Ноа не мог спокойно сидеть дома, позволяя годовщине съесть его изнутри.

День выдался пасмурным, холодный воздух жалил щеки и нос Ноа. С каждым вдохом он выдыхал клубы пара.

Почти каждый день в декабре они страдали от рекордно низких температур. И еще одна снежная буря ожидалась сегодня вечером.

— Мы и так отлично повеселились, — попытался успокоить сына Ноа. — Ты прошел трассу *Birch* просто великолепно.

— Мы еще даже не пообедали в кафе, — возразил Майло.

Взгляд Ноа устремился к ближайшему склону, тщетно ища что-нибудь, что могло бы загладить его вину. Более двадцати различных трасс разной сложности кружили вокруг одного большого холма, а на склоне рядом со стоянкой находился коттедж.

Несколько подъемников несли жаждущих катания лыжников к очередному большому спуску. Лыжники спускались по различным трассам, имеющим категорию от новичка до эксперта.

Хрустящий воздух звенел от смеха и радостных криков. Из жестяного динамика звучала песня «Все, что я хочу на Рождество».

Позади них располагался коттедж, украшенный рождественскими огнями. В нем находились лыжный магазин, комнаты отдыха, бар и кафе с фирменными горячими напитками и огромными, только что из печи, печеньями с арахисовым маслом размером с голову Майло. Любимое печенье его сына.

Майло потер покрасневший от мороза нос тыльной стороной руки и фыркнул.

— Можно нам хотя бы подняться к *Rocket Launcher*?

Взгляд Ноа задержался на самом высоком участке холма, возвышавшемся вдали, зарослях сосен, кленов и елей, окаймлявших склон по обе стороны. В прошлом году курорт привлек специалистов по земляным работам и создал свою самую длинную и крутую трассу — *Rocket Launcher* со средним рейтингом.

Майло любил подниматься на подъемниках не меньше, чем кататься на лыжах. Скоростной четырехместный, трехместный или двухместный кресельный — он любил их все.

Ноа не любил ни один из них. Бугельный подъемник или даже чудо-коврик вполне устраивали его, спасибо большое.

Но ради своего сына? Возможно, ему придется смириться с этим.

— Хорошо. Давай сделаем это.

Глаза Майло стали огромными.

— Серьезно?

Ноа ненавидел высоту. Это давно не секрет. Майло, с другой стороны, походил на свою мать.

Маленький, тихий и серьезный, он выглядел как ребенок, который всего боится, но это совсем не так. Он любил американские горки и выбирал самые страшные аттракционы на ярмарке в округе Берриен каждое лето. Чем выше и быстрее, тем лучше. Именно Ноа всегда испытывал страх от подобных развлечений.

— Уверен, папа? — спросил Майло. — Ты не испугаешься?

Грудь Ноа сжалась при мысли о нежном сердце сына, о его детской заботе.

— Не волнуйся за меня. Я буду храбрым, только в этот раз. Но мы не будем спускаться

на лыжах. Только поднимемся на кресельном подъемнике на вершину. Вот и все. Потом мы вернемся вниз.

— Я знаю, знаю, — пообещал Майло, выразительно кивая своей маленькой головкой. — Никакого нытья, клянусь.

— А затем мы купим горячий шоколад и целый пакет печенья с арахисовым маслом для поездки домой. Что скажешь?

Такая блестящая улыбка. В его глазах светился восторг. Сын не обиделся. Он в порядке.

Пять минут спустя они сидели в кресельном подъемнике, страховочная планка опущена, металлическое сиденье холодит задницу и бедра Ноа даже сквозь зимние штаны. Сотрудник подъемника — парень лет двадцати с длинными светлыми волосами — помахал им рукой.

Они не успели преодолеть и сорока футов, как кресло покачнулось. Из погрузочного терминала донесся скрежет.

— Ой, держитесь, — крикнул парень сзади.

Ноа обернулся, его внутренности сжались. В кресле позади них ехали два человека, но оператор подъемника остановил линию, не позволяя никому другому сесть.

— Все в порядке? — крикнул Ноа в ответ.

Оператор подъемника показал ему большой палец вверх и помахал рукой. Подъемник продолжил движение, но качающиеся за ними кресла оставались пустыми.

— Отлично, — пробормотал Ноа, оборачиваясь назад, его желудок нервно делал сальто-мортале. — Просто отлично.

— Что случилось, папа?

— Ничего, я уверен. Просто небольшая неполадка, которую они проверяют, прежде чем пустить кого-то еще. Когда мы доберемся до вершины, они возможно закроют подъемник, пока устраняют проблему.

Они покачивались на высоте двадцати с лишним футов над землей, направляясь к вершине, размахивая лыжами. Ноа старался не смотреть вниз. Старался не представлять, как отцепляется трос и их кресло падает на твердую, неумолимую землю под снегом.

Операторы подъемника прошли обучение. Они знали, что делают. Электрические двигатели, колеса, терминалы, башни — все проверялось и обслуживалось.

— Смотри, папа! — Майло крутился на своем сиденье, указывая на основание склона, где десятки лыжников в разноцветных пальто и шарфах казались все меньше и меньше.

— Не могу сказать, что мне очень хочется смотреть прямо сейчас, сынок. — Ноа вцепился пальцами в перчатках в скользкую перекладину безопасности, его тревога нарастала. Он делал это ради своего ребенка. Конечно, это того стоило.

Ноа пытался сосредоточиться на своем сыне, но он уже думал о часовой дороге домой, о том, как найти няню в последнюю минуту в канун Рождества.

Сняв кожаные перчатки, он достал телефон из кармана на молнии и просмотрел базу контактов. Может быть, его соседка, миссис Гомес, будет дома.

Телефон пикинул.

Кресельный подъемник резко остановился.

Ноа стиснул зубы от разочарования. Что теперь?

— Мы остановились. — Майло облокотился на металлическую перекладину и покачал лыжами. Кресло покачнулось.

Свободной рукой Ноа вцепился в воротник куртки Майло. Его посетило видение —

Майло переваливается через борт и падает на замерзшую землю внизу.

— Так, приятель, сиди спокойно.

— Почему он остановился? Он сломался?

Волна головокружения накрыла Ноа. Он на секунду закрыл глаза, а затем снова открыл их.

— Уверен, что они запустят его через минуту.

Он посмотрел на свой телефон. Тот больше не пищал. Экран был черным.

Нахмурившись, он постучал по нему пальцем правой руки. Ничего не произошло. Он потряс его, снова провел по нему пальцем. По-прежнему ничего.

Возможно, здесь нет связи, но телефон не должен был разрядиться.

Он снова потряс телефон. Несколько раз нажал на кнопку питания. Странно. Несколько минут назад заряд батареи превышал пятьдесят процентов.

Ноа беспокойно покрутил обручальное кольцо. Холод пронзил его голые пальцы.

Он натянул перчатки, сунул телефон в карман и потер руки. Уселся поудобнее, чтобы спокойно ждать. Ноа смотрел прямо перед собой. Они добрались почти до вершины.

— Просто будь терпелив, — сказал он скорее себе, чем Майло. — Скоро все закончится.

Бум! Позади них раздался громкий треск.

Кто-то закричал.

Глава 2

Ноа

День первый

Ноа и Майло крутились в кресле подъемника, их ноги все еще свисали с передней части, а кончики лыж были направлены в небо. Ноа придерживал Майло одной рукой, чтобы тот не упал, пока они оглядывались назад.

Вдалеке, у основания холма, сотрудник курорта, управлявший ратраком, очевидно, потерял контроль над машиной и врезался передней частью в кучу сосен.

Передняя часть ратрака превратилась в сплошное месиво. Из огромного разбитого снегохода валил черный дым и спиралью поднимался в серое небо.

Гости, лыжный патруль в красных жилетах и сотрудники курорта бежали к месту аварии. С высоты они казались размером с зубочистку.

— Кто-то должен позвонить 911! — крикнул парень с кресла перед ними.

— Наверняка уже сообщили, — сказала девушка рядом с ним, хотя парень уже достал свой телефон. Молодая белая пара — оба студенческого возраста, одетые в модную снежную экипировку, со сноубордами, свисающими с их ног.

— Эй! — Парень потряс своим телефоном. — Мой телефон не работает.

— Мой тоже! — воскликнул старик в кресле позади них. Рядом с ним сидела девочка-подросток с синими волосами и скучающим, угрюмым выражением лица.

Юная, лет пятнадцати-шестнадцати. Пожилому мужчине рядом с ней, вероятно, за семьдесят. Она каталась на сноуборде — он был на лыжах.

Девушка пристально смотрела на Ноа. Одна бровь проколота, глаза подведены черным карандашом. Ее блестящие, прямые волосы сияли синим цветом и рассыпались по плечам. Челка цвета морской волны завершала образ. Эмо — или как они там это называют в наши дни.

Она выглядела знакомой. Они оба.

— Мой экран черный, — сказал парень-студент. Пряди отбеленных светлых волос торчали из-под шапочки, покрывавшей его голову. У него было узкое лицо, все еще усыпанное прыщами, и козлиная бородка. — А телефон полностью заряжен.

— У меня тоже. — По позвоночнику Ноа пробежала мелкая дрожь беспокойства. Обычно у него с собой имелась рация, выданная департаментом. Но не сегодня. Сегодня у него выходной.

— Почему мы не двигаемся? — Девушка тоже светловолосая, как и ее парень, была одета в ярко-розовую куртку, с таким же розовым мехом на капюшоне. — Что происходит?

— Может, что-то случилось с электричеством, — предположил пожилой джентльмен. Его голос звучал глубоко и грассирующе, и он говорил с акцентом, который Ноа не мог определить. Он выглядел филиппинцем или, может быть, вьетнамцем. — Но у них же есть дизельные генераторы.

— Уверен, они быстро разберутся со всем. — Ноа контролировал свой голос, сохраняя его спокойным и ровным. Он привык разряжать напряженные ситуации, успокаивать расшатанные нервы во время автомобильных аварий и уговаривать пьяниц, жаждущих подраться в баре. — Генератор заработает, и мы снова начнем движение. Я уверен, что персонал просто отвлекся на аварию.

Сидящие перед ним студенты кивнули и откинулись в креслах.

Дым от разбившегося ратрака донесся до них, обжигая ноздри. Ноа задрожал. Температура падала. А может, просто казалось, что здесь, над деревьями, под открытым небом, холоднее.

Странный туман стелился между соснами на хребте под ними. Вдали, с запада, над горизонтом клубились темные тучи.

Метель, похоже, опережала график.

— Я знаю ее, — прошептал Майло. — Девочку с синими волосами. Она живет в конце нашей улицы, папа. Я иногда вижу, как она садится в машину и выходит из нее. Или стрижет газон летом.

Теперь, когда Майло сказал это, Ноа понял, что сын прав. Он тоже узнал бабушку девочки. Он несколько раз разговаривал с ним во время вечерних прогулок с Майло, на единственной в городе заправочной станции или в очереди в хозяйственном магазине.

— Она — Райли, — тихо сказал Ноа. Он не знал хорошо ни деда, ни внука, но взрослая дочь, Октавия Райли, слыла нарушительницей спокойствия. Он учился с ней в школе и не раз арестовывал.

Ноа изучал то, что мог разглядеть на фоне кресел впереди. Следующая башня находилась после пары студентов в кресле впереди них, а за башней располагались шесть или семь пустых кресел и то, что казалось вершиной холма и терминалом.

За ним сидели девочка Райли и ее бабушка, а затем вереница пустых кресел до самой погрузочной зоны у подножия холма. Что бы ни проверяли, о какой бы неисправности ни беспокоились, сотрудники не пускали никого на подъемник.

Кажется, это не очень хороший знак.

— Папа, — позвал Майло.

— Да?

— Смотри.

Что-то прозвучало в его голосе, намек на опасение, нотка страха, и именно это привлекло внимание Ноа.

— Что такое?

— Там, — просто ответил Майло.

Майло больше не смотрел вниз на склон. Он поднял голову к небу. И указал.

К северо-востоку от огромного коричневого коттеджа с зеленой крышей, парковки и ленты шоссе и леса, над верхушками сосен появился небольшой черный объект.

Вертолет. Но он летел совершенно не так, как любой вертолет, который Ноа раньше видел.

Вертолёт летел низко, едва касаясь деревьев. Под странным углом, лопасти вращались лениво, почти медленно, и при этом не раздавалось ни стука, ни грохота, ни рева двигателя.

— Папа! — Майло закричал.

Ноа схватил его за руку.

Они с ужасом смотрели, как вертолет бешено, словно пьяный, крутится. И вот он упал. Крошечные люди бежали во все стороны, разбегаясь, как муравьи из разоренного муравейника.

С жутким металлическим визгом вертолет врезался в коттедж. Он провалился сквозь крышу, лопасти вращались, пробивая дерево и стекло.

Ошеломленный, Ноа смотрел на происходящее с открытым ртом.

Густой черный дым клубился в небе. Крики и вопли боли и ужаса эхом отдавались в холодном воздухе. Пламя вырывалось сквозь крышу здания, и все больше людей высыпало из дверей, отчаянно пытаясь спастись.

— Что только что произошло? — кричала девушка в розовой куртке. — Этот вертолет — он просто упал! Прямо с неба! Он просто разбился!

— Вот дерьмо, — выдохнула девочка Райли.

— Я хочу домой! — дрожащим голосом заявила девушка-студентка, вытирая глаза. — Я хочу слезть с этой штуки. Прямо сейчас, черт возьми!

— Сначала кресельный подъемник, — со страхом в голосе пробормотал студент. — Телефоны. Потом ратрак. А теперь вертолет.

— Что-то не так, — проговорила девочка Райли. — Очень, очень неправильно.

Глава 3

Квинн

День первый

Квинн Райли фыркнула и прижалась к холодному металлическому сиденью кресельного подъемника. Она дрожала, ее зубы стучали. Она не могла припомнить, чтобы ей когда-нибудь было так холодно.

А ведь сегодня как-никак ее шестнадцатый день рождения.

Дедушка привез Квинн сюда из желания повеселить. У ее матери редко находились деньги на такие вещи в эти дни. Она тратила их на другое, например, на очередную дозу метамfetаминa и своего парня-наркомана Рэя Шульца.

Возможно, именно поэтому дедушка так сильно хотел забрать Квинн. Чтобы загладить свою вину перед ней или вроде того. Квинн отличалась прямоотой и не скрывала своих чувств, но даже она не могла отказать дедушке, когда он что-то затевал.

И вот она здесь, замерзает на дурацком подъемнике на идиотском курорте в дебильном Мичигане — вместо того, чтобы провести день вдаль от других людей, читая научно-фантастические романы или рисуя фреску на стене своей спальни.

Но тут ее старый, треснувший телефон «Самсунг» перестал работать. Огромный ратрак разбился о кучу деревьев. И вертолет, врезавшийся в домик вот так...

Все вокруг напоминало сюрреализм. Как что-то из ее любимых научно-фантастических романов. Она прочитала всю классику, какую только могла — «Я, робот», «Игра Эндера», «1984», «Снежная катастрофа», «451 по Фаренгейту». Она даже читала некоторые из этих безумных книг о конце света с Амазона.

Волоски на затылке зашевелились. Она откинула голубую челку и уставилась на коттедж — дым, огонь, черные и скрученные лопасти, торчащие из крыши, как клешни скорпиона, — пока ее глаза не затуманились.

Пульс участился. Это оказалось почти захватывающим. Наконец-то в ее глупой скучной жизни произошло что-то сумасшедшее. Она всю жизнь прожила в Фолл-Крик, крошечном городке с населением менее тысячи человек, расположенном в юго-западном углу штата Мичиган в округе Берриен.

Фолл-Крик окружали озера и реки, фермы, сады и леса, а пляжи озера Мичиган находились всего в двадцати минутах езды.

Здесь никогда ничего не происходило. Во всяком случае, ничего интересного. В Фолл-Крик не было даже «Тако Белл».

— Может быть, это та штука, которая уничтожает все технологии, — громко сказала она, удивив даже саму себя.

— О чем ты говоришь? — с сомнением спросил студент.

— Электромагнитный импульс. ЭМИ. Или массивный шторм на Солнце, который создает супервспышку. Это называется корональный выброс массы. Они оба выводят из строя энергосистему. Надолго.

Дедушка положил свою рукавицу на ее руку.

— Квинн. Хватит об этом, — сказал он строго, но мягко. — Не нужно пугать людей.

— Может, им стоит испугаться. — Квинн указала вниз по склону на черный дым, валивший с полуразрушенной крыши коттеджа. — Это происходит не в моей голове.

— Давайте не будем делать поспешных выводов, — проговорил темноволосый полицейский, сидевший в среднем кресле, рядом с ним находился его маленький сын. Она сразу узнала их. Они жили на Тэнглвуд-Драйв, на той же улице, что и бабушка с дедушкой в Фолл-Крик. Странное совпадение.

Полицейский был мужем той женщины, которая пропала пять лет назад. Она все еще помнила имя женщины из газет: Ханна Шеридан.

Не каждый день в крошечном городке Фолл-Крик пропадали женщины. Не говоря уже об исчезновении в день рождения Квинн.

Она пожалала плечами, нахмурившись, хотя и не отдернула свою руку.

— Просто говорю. Что еще могло вывести из строя все телефоны? В этом нет смысла. Армагеддон может произойти прямо у нас под носом. — Квинн бросила взгляд на мальчишку и усмехнулась. — Может, они там уже превращаются в зомби.

Полицейский нахмурился.

— Давай не будем всех пугать, хорошо?

— Я не боюсь, — быстро сказал парнишка.

— Послушайте, меня зовут Ноа Шеридан, — объявил полицейский. — Это мой сын, Майло. Я офицер полиции из полицейского управления Фолл-Крик в округе Берриен. В таких местах, как это, всегда готовятся к чрезвычайным ситуациям. Они включают генератор в

любую минуту. Аварийные службы уже в пути.

Квинн сомневалась в этом. Чем больше она думала, тем больше сомневалась. У нее пересохло во рту. Она пожалела, что не взяла с собой бутылку с водой.

— Без возможности их вызвать? Я так не думаю.

Дедушка покачал головой.

— Офицер Шеридан просто пытается успокоить нас. Какая польза от паники сейчас?

Дедушка был хорошим человеком. Она любила его больше, чем когда-либо позволяла себе признаться вслух. Он отличался мягким сердцем, не такой жесткий и язвительный, как бабушка, как сама Квинн. Обычно при нем она старалась сдерживать свой острый язык, хотя это давалось ей нелегко.

— Ладно, дедушка, — сказала она с неохотным вздохом. — Я поняла. Никто никогда не хочет, чтобы я оказалась права.

Он подмигнул ей.

— Определенно не в этот раз.

— Меня зовут Фиби, — сообщила блондинка в розовой куртке. — Это Брок.

— Дайонг Вэн Дйнг, — с гордостью сказал дедушка, назвав свою фамилию. — Вы можете называть меня мистер Дйнг. Это моя внучка, Квиантесса. Мы зовем ее Квинн.

Квинн не помахала рукой, только нахмурилась. Она ненавидела это имя, и ненавидела их всех прямо сейчас — даже дедушку за то, что он притащил ее сюда в день ее рождения, в любой другой день.

Она еще больше съежилась на своем сиденье, пытаясь устроиться поудобнее. Ничего не получалось. Эти дурацкие подъемники рассчитаны на несколько минут сидения, а не на несколько часов.

Прошло пятнадцать минут. Потом тридцать. Они сидели в креслах. Подъемник не двигался.

Сосны вдоль холма слегка шелестели. Красная гибкая ограда, опоясывающая территорию трассы *Rocket Launcher*, колыхалась на ветру. Стало еще холоднее.

Все лыжники на вершине трассы *Rocket Launcher* спустились со склона. Сквозь сгущающийся туман она едва могла различить следующий кресельный подъемник на противоположной стороне склона, только видела работников лыжного патруля, окружавших терминал, которые работали над тем, чтобы спустить людей с подъемника.

Хорошо. Значит, это просто вопрос времени.

Внизу, в коттедже, крики и вопли продолжались, крошечные люди бешено носились по нему. Но она не слышала шума моторов, не видела мигающих огней.

Внизу не видно никаких транспортных средств.

В обычных условиях в службу 911 уже поступила бы сотня звонков. Даже если бы у всех остальных возникла такая же проблема с неработающими телефонами, у сотрудников горнолыжного курорта наверняка есть доступ к стационарному телефону или рации.

Даже если бы у них его не оказалось, кто-нибудь сел бы в машину и доехал до ближайшего полицейского или пожарного участка. Они же не находились в глуши.

Странное, нервное чувство внутри усилилось. Беспокорство смешивалось с мрачным волнением. Конечно, Квинн не хотела, чтобы люди пострадали, но это точно не было скучно.

Белокурая цыпочка — Фиби начала плакать и тереть глаза.

— Что, если они забыли о нас? Мы должны позвать на помощь. Мы должны сделать так,

чтобы они нас услышали.

— Хорошая идея, детка, — сказал Брок. Его зубы выглядели такими белыми и ровными. Просто ненормально.

— Помогите! — крикнула Фиби.

Остальные присоединились. Даже Квинн поддакнула и крикнула несколько раз. Почему бы и нет? Она замерзала. Уши щипало, а задница онемела. Рядом с ней дрожал дедушка. Он слишком стар, чтобы торчать здесь на холоде.

Ветер уносил их голоса. Казалось, что они кричат в белую пустоту небытия.

— Пожалуйста! — плакала Фиби. — Кто-нибудь, пожалуйста, помогите нам!

Но помощь не приходила.

Прошло еще больше времени. Квинн не видела солнца сквозь тяжелые серые облака, но казалось, что уже далеко за два, может быть, три часа. Она просто гадала.

Она не носила часы. Ей они не требовались, так как телефон всегда рядом. До сих пор.

Ее желудок голодно урчал. Холод пробрался под шарф, проложил себе путь в перчатки и ботинки.

— Ты хорошая девочка, Квинн, — сказал дедушка тихо, чтобы слышала только она. — Ты знаешь это?

Она взглянула на него. Он дрожал сильнее, чем она. Квинн вдруг осознала, насколько старым он выглядит — десятки мелких морщинок, покрывающих его обветренное коричневое лицо, обвисшая кожа вокруг добрых темно-карих глаз. Он казался измученным.

В свои семьдесят три года он значительно ослаб после последнего сердечного приступа. Он не катался сам, а поднимался на подъемниках вместе с ней, а потом спускался обратно, пока она съезжала на сноуборде.

— Ты в порядке, дедушка?

— Нормально, нормально. — Он пытался не дрожать, но ее это не обмануло. — Не беспокойся обо мне, *con gáí*.

Он часто называл ее так — дочка. Квинн так много времени проводила в их доме, спасаясь от собственной матери, что вполне могла быть ею. Бабушка и дедушка всегда принимали ее с распростертыми объятиями и даже выделили спальню, которую она могла украсить по своему усмотрению.

Это гораздо больше, чем она могла сказать о дрянном трейлере, в котором жила ее мать.

Квинн нахмурилась и с беспокойством потрогала пирсинг над бровью. О матери ей сейчас хотелось думать меньше всего. У нее и так достаточно забот.

Например, как выбраться с этого адского подъемника.

Дедушка похлопал ее по руке.

— Думаю, я просто закрою глаза ненадолго.

— Хорошо, дедушка, — согласилась она, ее грудь сдавило.

Глава 4

Ноа

День первый

Ноа сильно продрог. У него болели уши и нос. Майло тоже замерз, но он не жаловался. К счастью, Ноа позаботился о том, чтобы они оба оделись в плотную одежду.

Он затянул шнурки капюшона Майло и убедился, что шарф закрывает нижнюю половину его лица.

Ветер набирал силу, хлестал по деревьям, раздувал свежую порошу и слегка раскачивал кресла. Скрипели тросы. Чтобы поговорить друг с другом, им приходилось повышать голос.

Беспокойство, которое он ощущал раньше, переросло в настоящую тревогу.

Стояла жуткая тишина. Из коттеджа у подножия холма не доносилось ни звука. Только завывающее дыхание ветра, да редкий стук снега, падающего с веток.

Этого не должно было произойти. Все складывалось совсем неправильно. Когда что-то шло не так — катастрофа, несчастный случай, преступление — на помощь приходили десятки, сотни подготовленных к чрезвычайным ситуациям людей.

Он знал. Он сам один из них.

Где все? Что, черт возьми, случилось?

— Папа, я хочу пить, — сказал Майло.

Из кармана Ноа достал маленькую бутылку воды, купленную по смехотворной цене в кафе ранее. Она оказалась на три четверти полной. Он протянул ее Майло вместе с батончиком мюсли, который лежал у него в кармане. У него также имелась фруктовая пастила и пакетик с орехами.

Когда-то давно он плохо запоминал подобные вещи. Теперь нет.

Майло отпил немного и протянул обратно. Ноа облизал пересохшие губы. Его мучила жажда. И голод тоже. Но он должен сохранить все это для своего сына.

Ноа сжал плечо Майло.

— Помощь скоро будет здесь. Медики спасут всех, кто пострадал. И лыжный патруль приедет за нами. Нас спасут, и у нас будет отличная история, чтобы рассказать дяде Джулиану, когда мы вернемся, слышишь?

Майло торжественно кивнул, его глаза казались большими и темными на маленьком лице.

— Как мы будем спускаться?

Несколько лет назад Ноа участвовал в учебной тревоге в Биттерсвит в рамках протоколов готовности к чрезвычайным ситуациям в их регионе. — При обычном отключении электричества это довольно просто. У них есть дизельные двигатели для резервного питания. На новых подъемниках снегоходы могут зацепиться за систему шкивов и медленно тащить каждое кресло вниз по склону, пока не станет безопасно выходить.

— Что, если снегоходы и резервные системы не работают?

— Ну, тогда лыжный патруль придет нам на помощь, они начнут с вершины подъемника и будут спускаться вниз в составе команд. Патрульный заберется на башню подъемника и закрепит веревку на тросе подъемника с помощью так называемого Т-образного сиденья, которое представляет собой стул без ножек, рассчитанный на одного человека. Патрульный спустится по перекладинам башни и подтащит кресло к нам. Они закрепят пассажиров по одному в Т-образном кресле и спустят их на землю с помощью релейной системы. Они могут использовать ремни безопасности вместо Т-образного сиденья, но все равно спустят всех, даже если кресла застрянут над такими опасными местами, как у нас.

— Хорошо, — ответил Майло, дрожа.

Ноа изучал Майло, проверяя его жизненные показатели, ища симптомы стресса. Это давно стало привычным делом, хотя лекарства Майло в основном позволяли ему быть обычным ребенком.

Примерно через месяц после того, как Майло начал ходить в детский сад три года

назад, он начал жаловаться на боли в животе, потерял аппетит и слишком уставал, чтобы играть с друзьями. Затем у него появились темные пятна на локтях, коленях и задней части шеи.

Когда желудочная инфекция быстро переросла в сильную рвоту, обезвоживание и колющие боли в животе, Ноа срочно отвез его в отделение неотложной помощи.

В больнице провели ряд анализов на уровень кортизола, калия, натрия и АКТГ, прежде чем поставили диагноз «болезнь Аддисона». Надпочечники Майло не вырабатывали достаточно кортизола самостоятельно. Поскольку кортизол регулирует реакцию организма на стресс, пожизненное лечение для восполнения этого гормона было крайне важно.

Серьезные осложнения становились более вероятными, когда Майло находился в состоянии физического стресса. Несчастный случай или болезнь могли быстро перерасти в адреналовый криз — опасную для жизни ситуацию, которая могла привести к почечной недостаточности, шоку и смерти.

Майло принимал таблетки гидрокортизона три раза в день по графику, имитирующему нормальные двадцатичетырехчасовые колебания уровня кортизола в организме. Он носил браслет медицинского оповещения и держал при себе карточку с описанием своей болезни, расписанием и дозировкой лекарств.

Они также хранили экстренную дозу инъекционного глюкокортикоида в сумке, которая всегда была с ним или в машине. В сумке дополнительно хранились таблетки, и закуски с высоким содержанием соли и сахара, а также электролитный напиток, так как уровень натрия и калия у Майло снижался во время стресса; оба эти вещества критически важны для работы его сердца.

— Скажи, твои руки и ноги не устали и не затекли? — спросил его Ноа. — Болит живот? Головокружение?

Майло покачал головой.

— Просто очень, очень холодно.

Ноа кивнул, почувствовав облегчение. Майло принимал свои таблетки каждый день, как по часам. Ноа дал ему дневную дозу в полдень.

— Сообщи мне, если тебе станет плохо.

Ноа еще раз проверил свои куртку и шарф. Он прикрылся настолько, насколько мог. Но этого все равно недостаточно. Ноа размотал свой шарф и обернул им голову и лицо Майло, создав двойной слой защиты. Только темные глаза сына смотрели на него.

Ноа внешне походил на своего отца, американца ирландского происхождения, с темно-каштановыми волосами и светлым цветом лица. Майло унаследовал оливковый оттенок кожи бабушки-венесуэлки, с вьющимися черными волосами и огромными темными глазами, способными проглотить человека целиком.

Сын больше походил на Ноа, чем на свою мать, и все же Ноа видел проблески ее лица в его озорном выражении, в том, как он наклонял голову или покусывал нижнюю губу. Его манеры казались настолько похожими, что иногда у Ноа начинало болеть в груди.

В голове промелькнуло воспоминание. Последний день, который они с Ханной провели вместе, случился на горнолыжном курорте Биттерсвит пять лет назад — в день ее исчезновения.

Он хотел бы сказать, что в тот день они были счастливы. Но между ними уже назревала ссора, Ханна держалась напряженно, а Ноа замкнулся в себе. Но они радовались за своего сына. Все эти несчастные бессонные ночи он цеплялся за эту истину.

Они улыбались и смеялись, пили горячий шоколад и ели теплое липкое печенье из бумажного пакета, пухлое лицо Майло было измазано арахисовым маслом и шоколадом.

Они познакомили Майло с его первыми лыжами и склоном под названием «*Дыхание младенцев*», где он падал снова и снова, а его залиvistый смех служил клеем, скреплявшим их хрупкую связь.

Фотография Ханны — та, что он тогда сделал на свой телефон, последняя ее фотография. Фотография, которую СМИ распространили по всему телевидению и интернету, фотография, которую Ноа напечатал на плакатах «Пропала без вести» и прикрепил на каждом телефонном столбе в тридцати милях.

Она выглядела такой красивой. Снежинки, запутавшиеся в шоколадно-коричневых прядях волос, обрамляющих ее нежное лицо, розовые от холода щеки, изумрудно-зеленые глаза в тон темно-зеленой замшевой куртке, которую он купил на их первое совместное Рождество, когда она еще любила его.

Ноа сделал все возможное, чтобы на смену плохим воспоминаниям пришли новые, хорошие, как для себя, так и для Майло. Они пережили вместе пять лет ада — оба были потеряны, одиноки, и цеплялись друг за друга, как тонущие моряки.

— Папа?

Ноа стиснул зубы, чтобы они не стучали.

— Да, дружище?

— Мне нужно в туалет.

— Хорошо, я помогу тебе.

— И я хочу домой.

— Я знаю, сынок. Скоро, обещаю.

Глава 5

Квинн

День первый

— Я... я не очень хорошо себя чувствую. — Дедушка дрожащей рукой снял капюшон и шапку и потер лысую голову. Он не стал надевать шапку обратно.

— Дедушка, — позвала Квинн. Исчезли обычная язвительность и сарказм — ее привычное отношение. В голосе чувствовалось настоящее беспокойство. — Что случилось?

Мороз становился все крепче. Серый день стремительно темнел. Начал падать снег. Он падал с серо-шиферного неба, с каждой минутой все гуще и быстрее, пока не закрыл им обзор на все, что находилось внизу холма.

Они больше не видели ни коттеджа, ни возгорания, ни разбитого снегохода, ни людей. Казалось, что все сбежали с горнолыжного курорта и просто бросили их. Такое ощущение, что они полностью отрезаны от цивилизации.

Дедушка повернулся к ней, его движения сделались медленными и вялыми. Кожа приобрела нездоровый серый оттенок, глаза запали. Он прижал обе руки к груди.

— У меня кружится голова. Как будто я сейчас потеряю сознание. Болит плечо и рука.

У него уже было три сердечных приступа. Он слишком упрям, чтобы слушать кого-либо, даже врачей.

Бабушка настаивала, чтобы он лучше питался, но он покупал конфеты и шоколад и прятал их. Добавлял масло в спагетти и равиоли. Пил слишком много виски. Во Вьетнаме он рос в скромных условиях; дедушка всегда говорил, что так любит Америку, что не

собирается упускать ни одного из ее удовольствий — особенно еды и алкоголя.

— Это твое сердце, — категорично заявила Квинн.

— Оно бьется о мои ребра со скоростью миллион миль в минуту и не останавливается.

Квинн разразилась целым рядом красочных ругательств.

Ноа закрыл уши сына ладонями.

— Следи за языком.

Она закатила глаза и не потрудилась извиниться. Ее собственное сердцебиение участилось. В животе заурчало беспокойство.

— Дедушка?

— Трудно дышать.

Она снова посмотрела на Ноа обвиняющим взглядом.

— У него кардиостимулятор.

Квинн знала, что, если бы этот электромагнитный импульс действительно вывел из строя кардиостимулятор ее дедушки, это само по себе не вызвало бы сердечный приступ. Кардиостимуляторы помогают сердцу не биться слишком медленно, но они не поддерживали биение сердца.

Но в сочетании с невероятным стрессом и жестоким холодом... его сердце попросту слишком слабо, чтобы справиться с нагрузкой.

Интерес и волнение, которые она испытывала раньше, исчезли. В ней вспыхнули гнев и страх. Она взмахнула одной рукой в воздухе, охватывая все одним махом.

— Это реально. Что бы это ни было, оно уничтожило все электронные устройства. Включая то, что поддерживает правильную работу его сердца.

— Вы в порядке, сэр? — позвал Ноа.

— Нет, он явно не в порядке! — резко ответила Квинн. — Его кожа посерела, и он ведет себя странно.

— Я просто... посплю немного, — прохрипел дедушка. Его дыхание стало поверхностным и неровным. — Не обращайтесь на меня внимания. Я буду мечтать о каких-нибудь тропических пляжах, может быть, о круизе, о прекрасных дамах в бикини, которые составят мне компанию... только не говорите бабушке.

— Ты ничего такого не сделаешь. Ты не должен спать.

— Я... люблю тебя, *con gáí*. Не... никогда не забывай об этом.

— Дедушка! Перестань так говорить! Ты меня пугаешь.

Он застонал, что-то пробормотал, и его голова упала назад и ударилась об один из металлических прутьев.

Квинн трясла хрупкие плечи своего дедушки.

— Дедушка! Очнись!

Он не ответил. Он был без сознания.

— Что с его кожей? — позвал Ноа. — Его дыханием?

— Губы посинели. Лицо серое. Я не могу сказать, дышит ли он.

Она оглянулась на Ноа, отчаянно желая, чтобы он сделал что-нибудь, хоть что-нибудь, но полицейский находился в такой же ловушке, как и она, застряв в двадцати пяти футах от земли и в ярдах от нее или ее дедушки.

Что он собирался делать? Что вообще можно сделать? У них нет телефонов. Ни с кем нельзя связаться. Никто не придет за ними.

— Я не могу его разбудить, — упавшим голосом проговорила Квинн. — Думаю, у него

только что случился сердечный приступ.

Глава 6

Ноа

День первый

Небо стремительно темнело, а температура резко падала. Снег валил быстро и сильно. Ноа пришлось прищуриться, чтобы ясно видеть.

— Мой дедушка умирает! — плакала Квинн.

Они не могли больше ждать. Раньше он не хотел в это верить, но теперь не мог отрицать. Случилось самое худшее — все, даже лыжный патруль, забыли о них.

Правда заключалась в том, что при угрозе обморожения и переохлаждения никто из них не смог бы продержаться ночь в метель и при минусовой температуре.

Они должны найти способ спуститься на землю.

— Я знаю, — Ноа старался, чтобы его голос звучал спокойно и успокаивающе, старался не выдать беспокойства. — Мы должны что-то предпринять.

— Есть только одна вещь, которую нужно сделать, чувак. — Брок посмотрел вниз. — Кто-то должен прыгнуть.

Инстинктивно Ноа тоже посмотрел вниз. Головокружение пронзило его насквозь. Он схватился за страховочную перекладину и тяжело сглотнул.

— Любой, кто прыгнет, скорее всего, что-нибудь сломает. Здесь крутой склон, по крайней мере, тридцать футов вниз. Может быть, больше.

— Тогда что, приятель? Что еще ты предлагаешь?

Ноа смотрел на трос над ними, пытаясь измерить расстояние до следующей вышки. К каждой из башен крепилась узкая лестница для обслуживания, ремонта и экстренных случаев.

Если бы они могли добраться до башни... но как? Перебирать руками по тросу, как обезьяны? С их онемевшими, негнушимися пальцами? Что если он упадет? Что если Майлс упадет?

По крайней мере, если кто-то решится прыгнуть, у него будет больше контроля над падением, над тем, как его тело приземлится. Они могли бы пойти за помощью и привести спасательную команду обратно на холм.

Возможно, это наилучший вариант из множества плохих.

— Мои яйца замерзают, чувак, — сказал Брок. — Я не собираюсь сидеть здесь, пока наши пальцы чернеют, а ноги отваливаются. Я собираюсь прыгнуть.

— Я сделаю это. — Ноа был полицейским. Это его работа — защищать всех. Он тот, кто должен подвергать себя риску, чтобы получить помощь. Хотя мысль о том, чтобы оставить Майло здесь одного, вызывала у него физическую боль. — Это должен быть я.

— Ни за что, парень, — возразил Брок. — У тебя маленький ребенок, о котором ты должен позаботиться.

Ноа сглотнул. Его пронзил стыд. Он считал Брока поверхностным качком. Он ошибался.

— Ты уверен?

Брок кивнул, его челюсть сжалась.

— Мужик, я справлюсь.

— Держи свое тело расслабленным, — посоветовал Ноа. — Перекатывайся, когда ударишься о землю.

Брок поднял металлическую перекладину. Он наклонился, повозился с ботинками и отщелкнул свой сноуборд.

Они все смотрели, как тот летит по воздуху. Доска упала с тихим стуком в снег.

Брок повернулся и спустился с сиденья, держась за перекладину чуть ниже сиденья. Ухватившись за планку руками в перчатках, он повис на руках.

Он все еще находился на высоте двадцати пяти с лишним футов над землей.

— Закрой глаза, Майло. — Ноа расстегнул карман куртки и достал маленький, но мощный фонарик, который всегда носил с собой, вместе со складным ножом, прикрепленным к связке ключей. Он осветил лучом на Брока, чтобы дать ему свет.

Кресло покачнулось под весом Брока. Фиби тоненько вскрикнула и схватилась за одну из боковых перекладин, чтобы удержаться. Она подняла одну руку и снова опустила перекладину, чтобы не упасть.

Фиби начала плакать, сопеть и вытирать глаза.

— Будь осторожен, милый.

Брок поднял на нее глаза. Его тело мягко покачивалось.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, Брок Мейсон.

— Мерзость, — проворчала Квинн, в ее голос вернулись нотки ехидства. — Просто прыгай уже.

Ноа наблюдал за происходящим, моргая от снежинок на ресницах, прикрывая рукой глаза Майло, и едва осмеливался дышать.

Брок разжал пальцы.

Падение заняло лишь мгновение, удар сердца, вдох-выдох.

Брок приземлился ногами вперед. Он неловко кувыркнулся и рухнул на спину в снег.

Истошный вопль разорвал воздух.

— Брок! — закричала Фиби.

Брок закричал еще громче.

Ноа прислонился к спинке кресельного подъемника и заглянул через край, светя фонариком и щурясь в полумраке. Парень лежал на боку на снегу, одна нога торчала прямо, другая согнута под странным углом.

— Моя нога! Моя нога!

— Что случилось? — спросила Фиби. — Ты в порядке?

— Я, черт возьми, сломал ногу, чувак! — Застонав, Брок сорвал перчатки и стал шарить по ноге, ощупывая ее в поисках повреждения. — Я чувствую кость! Я чувствую, как она торчит!

Ноа выругался себе под нос.

Брок застонал в муках. Даже в сумерках Ноа мог ясно видеть темное пятно, расплзающееся по штанине ниже колена. Что-то торчало из ткани над голенью — сломанная кость.

И что теперь? Они ничего не могли сделать для него тут. А Брок не сможет пройти весь путь до коттеджа со сломанной ногой.

— Мы должны ему помочь! — Фиби плакала.

— Что, черт возьми, ты хочешь, чтобы мы сделали? — спросила Квинн. — Молились, чтобы его нога срослась в ближайшие пять минут? Спустились к нему, как ангелы милосердия?

— Не надо вести себя как последняя сволочь, — пробормотала Фиби.

— Ты вообще можешь двигаться? — спросил Ноа у Брока.

— Нет! — Голос Брока прозвучал высоко и напряженно, ломаясь от паники. — Я не могу двигаться! Мне так больно! Я вообще не могу двигаться. Я умираю! Я чувствую, что умираю, чувак! Помогите мне!

— Не смотри на нее, хорошо? Постарайся не думать об этом. Дыши ровно. Можешь поискать вокруг что-нибудь, чем можно зафиксировать ногу, чтобы обеспечить себе какую-то поддержку?

Брок повернул голову, и его вырвало. Он застонал.

— Постарайся сохранять спокойствие. Тебе нужно лечь и приподнять ноги, если получится. Может быть, подложить немного снега под неповрежденную ногу...

— Я не могу дышать! — Брок плакал. — Больно, так больно!

— У него шок, — прокомментировала Квинн.

— Брок! — закричал Ноа. — Успокойся. Делай медленные, ровные вдохи.

Это не имело смысла. Брок корчился и кричал от боли. Они могли только смотреть на его страдания в ошеломленном ужасе. Ноа прижал голову Майло к своей груди, закрыв ему глаза и уши, чтобы защитить его.

Минуты проходили с ужасающей медлительностью.

Низкие, мучительные стоны Брока заглушал усиливающийся ветер, свистящий между стволами деревьев и скрипящий ветвями. Снег падал быстро и обильно, затрудняя видимость.

Ноа заставил себя снова посмотреть вниз.

— Брок! Что ты делаешь?

Брок снял куртку. Он расправлял ее на своей раненой ноге.

— Мне слишком жарко. Я горю. Я должен спасти свою ногу, чувак... Я должен спасти ее...

Страх пронзил Ноа.

— У тебя гипотермия, Брок. Ты плохо соображаешь. Тебе нужно снова надеть куртку. Накрой голову капюшоном. Найди свои перчатки.

— Я просто... так устал, чувак... Я буду чувствовать себя лучше, когда посплю...

— Вы должны что-то сделать! — воскликнула Фиби сквозь прерывистые рыдания. — Пожалуйста!

— Не засыпай! — прокричал Ноа. — Не спи! Оставайся с нами!

Но Брок, казалось, не слушал. Его шарф упал, обнажив лицо и горло. На голове нет шапки. Без куртки, защищающей его, температура тела упадет до критического уровня невероятно быстро.

Глаза Брока закатились, и он плюхнулся на спину в снег, как рыба.

Он потерял сознание от боли. Или поддался холоду. В любом случае, это плохо.

— Брок! — Фиби смотрела на своего парня в полумраке, слезы текли по ее щекам. — Он умирает! Брок!

Он вытянул руки, его голые ладони раскинулись в стороны, словно в попытке изобразить снежного ангела. Брок не ответил. Он не двигался.

Глава 7

Ноа

День первый

Ужас и тревога переполняли Ноа. Не стоило позволять Броку прыгать. Он сам должен был это сделать. Он должен был прыгать.

Ветер завывал в кронах деревьев, взбивая в бешенстве падающий снег. Через несколько минут наступит полная темнота.

В нем поднялся страх, старый знакомый страх перед высотой, перед падением. Знакомый тошнотворный толчок в животе, волна головокружения.

Не имело значения, как сильно он боялся, как сильно ужасался тому, что предстояло. Майло еще так юн, так мал, так уязвим. Ради своего сына он готов на все.

Он подался вперед, перегнулся через страховочную планку и отстегнул сначала один ботинок, потом другой. Его лыжи упали в темноту. Он отстегнул и лыжи Майло.

Медленно встал на колени, ухватившись левой рукой за ближайшую перекладину. Кресло шаталось. Подъемник скрипел и раскачивался под его весом.

— Что ты делаешь? — спросила Квинн.

— Я собираюсь спуститься и вытащить нас отсюда.

Он больше не мог видеть ее в темноте.

— Используешь трос?

— Мне просто нужно пробраться по нему до твоего кресла, мимо него, а потом до башни. Оттуда я смогу спуститься по лестнице. Это не так уж и сложно, правда?

Квинн не потрудилась ответить. Молчание выдавало ее скептицизм.

С холма подул порывистый ветер, хлестнув его по лицу жгучим снегом. Он моргнул от натиска. Легкие горели при каждом вдохе, ноздри щипало.

Холод проникал в его кости.

Он передал фонарик Майло. Его пальцы стали жесткими и неловкими. Ноа разжал и сжал кулаки, разминая скованность, желая, чтобы к рукам вернулись чувствительность и тепло.

— Твоя задача — работать со светом, понятно, сынок? Это важная работа. Думаешь, справишься?

Майло торжественно кивнул.

— Ты чувствуешь себя хорошо?

— Я в порядке, папа. Не беспокойся обо мне, — Майло колебался. — Ты сможешь, папа.

Рыдания Фиби затихли до сопения и икоты. Квинн ничего не говорила, но он знал, что она следит за каждым его движением.

Они зависели от него. Майло зависел от него.

Он встал осторожно, неуверенно. Кресло шаталось и прогибалось под ним. Ботинки скользили по металлу. Его ноги грозили вот-вот соскочить.

Ухватившись обеими руками за центральный шест, Ноа вывернул шею, изучая устройство, на которое собирался взобраться. Центральный шест над его головой изогнулся в виде крюка с толстым стальным тросом, фиксирующим каждое отдельное кресло на месте. Если он наступит на верхнюю часть спинки кресла, то сможет дотянуться до крюка и троса.

По тросу он спустится к Квинн и ее дедушке. Пусть путь будет длиннее, но гравитация будет на его стороне. Во всяком случае, на это хотелось надеяться.

Снежинки собирались на толстом стальном тросе. Металл блестел в луче фонаря. Он будет скользким и трудным для захвата.

Если бы Ноа снял перчатки, его кожа прилипла бы к ледяному металлу, возможно, даже оторвались бы куски от ладоней. Он опустил взгляд на свои руки. Его перчатки были кожаными, что давало определенное преимущество перед нейлоном или другим синтетическим, скользким материалом.

Рост Ноа составлял метр восемьдесят один, вес — примерно 86 килограммов. В средней школе он играл на позиции основного защитника и два года подряд приводил команду «Волки Фолл-Крик» к победе в чемпионате штата. Возможно, за последние несколько лет он немного прибавил в размерах, но поддерживал себя в форме тренировками, бегал трусцой и два раза в неделю играл в ракетбол.

Тем не менее, он не поднимался по канату со школьных уроков физкультуры. Он был атлетически сложен, но для этого требовался другой набор навыков.

Он вдохнул ледяной воздух, готовясь.

— Удачи, папа, — сказал Майло.

Ноа поцеловал макушку сына. Ему понадобится вся удача, которую он сможет получить.

С замиранием сердца Ноа наступил на тонкий металлический выступ спинки сиденья и ухватился за центральный шест для равновесия. Его ботинки сразу же начали скользить, но он уже использовал руки, чтобы перелезть через перекладину.

Потянулся вверх и ухватился за верхнюю часть перекладины. Его пальцы соскользнули, но он поправил руки, пока не нашел более удобное положение.

Наклонившись вперед, он схватился обеими руками за трос и на мгновение завис в таком положении, держа руки под прямым углом, чтобы снять нагрузку с пальцев. Используя всю свою силу, он взмахнул ногами и попытался перекинуть их через трос в коленях.

Он промахнулся. Его правый ботинок царапнул трос, передав толчок по рукам, а левая нога вообще промахнулась.

— Мы обречены, — заявила Квинн.

Глава 8

Ноа

День первый

— Нет, это не так. — Ноа крепче ухватился за трос, ноги свободно раскачивались. Он глубоко вдохнул, не обращая внимания на жжение в легких и тошноту.

Напрягая бицепсы, он качнул тело во второй раз, используя пресс, вкладывая в это все силы. На этот раз ему удалось зацепиться за трос ногами.

— Теперь подтягивайся, — прокричала Квинн.

— Я знаю, что делать. — Хотя он еще не знал, не совсем. Ноа выяснял это по ходу дела. Он вспомнил тренировки в стиле «спецназа», на которые Джулиан приводил его несколько раз, — горизонтальное лазанье по канату.

Если ему удастся подтянуться к тросу, то он сможет лечь на него и зацепиться ботинком, чтобы толкать, пока подтягивает себя руками. Это, вероятно, помогло бы избежать утомления от необходимости висеть вниз головой и напрягать конечности, чтобы удержать весь свой вес.

После нескольких попыток он подтянулся к тросу и улегся. Затем, подтягиваясь руками, отталкиваясь одной ногой и используя для равновесия висящую ногу, начал методичный спуск по тросу.

Ноа отгородился от жалобного плача Фиби, от колкостей Квинн, даже от

подбадривающих криков Майло. Его внимание полностью сосредоточилось на продвижении вперед.

Снег бил его по лицу и застревал в ресницах. От напряжения пальцы затекли и онемели. При каждом движении трос трещал под ним, мокрый от снега, угрожая выскользнуть из рук.

В его горле засел страх. Он пронизывал его до дрожи, вызывая оцепенение даже сильнее, чем ледяной воздух, глубокий и непознаваемый ужас. Ноа продолжал двигаться, потому что обязан. Потому что у него не оставалось выбора.

«Не упади. Не смотри вниз. Не упади».

Одна рука впереди другой. Его руки дрожали от напряжения. Руки болели. Он мог преодолеть пять футов или двадцать. Ноа понятия не имел.

Дюйм за дюймом он продвигался все дальше и дальше по опасному пути через пятьдесят футов троса.

Одна рука за другой, одновременно подталкивая себя ногой. Одно медленное болезненное скольжение за другим. Его мышцы напряжены и болят, трос скребет по его туловищу.

Он думал только о Майло. О том, чтобы его спасти. Вернуть сына домой.

Ветер в темноте издавал негромкие стоны, кружась вокруг деревьев и башен подъемников. Снег падал хлопьями.

Ноа ударился обо что-то вытянутой рукой. Он вздрогнул, испугавшись.

— Верхушка моего кресла! — прокричала Квинн сквозь ветер. Ее голос прозвучал гораздо ближе, чем он ожидал. — Ты добрался до нас!

Осторожно он разжал ноги, повис на руках и на мгновение замер. Следующее кресло качнулось всего в паре футов перед ним.

Старик, не двигаясь, привалившись к правой стороне кресла. Квинн стояла на коленях с левой стороны, одной рукой в перчатке держась за предохранительную планку, а другую протянув к нему.

С дрожащими руками он опустил в кресло. Оно опасно раскачивалось под ним, но Квинн схватил его за ноги. Ноа обхватил руками центральный столб, чтобы устоять.

Чтобы снова взобраться наверх, потребуются силы, но ему отчаянно требовалось несколько минут отдыха, иначе он упадет. Ноа знал это.

Места было мало, и он остался стоять. Оглядел пройденный путь. В сиянии фонаря Майло превратился в маленькую темную фигуру, едва различимую сквозь клубящийся снег.

Ноа больше не видел и не слышал Фиби. Его пронзила дрожь тревоги. Ему нужно спешить.

Он потряс руками, сжимая и разжимая больные ладони, но все время держа одну руку на столбе. Каждый мускул в его теле болел. Страх дрожал в каждой клеточке тела.

Он должен продолжать. Ему предстоял еще один отрезок пути. Было трудно оценивать расстояния, когда он едва мог видеть. Тридцать футов? Больше?

— М-метель у-усиливается, — сказала Квинн сквозь стучащие зубы. Луч фонарика едва достигал этого места. Она была тенью. Он не мог разглядеть ее черты, проверить, не посинела ли кожа, не обморозилась ли она.

— Я знаю.

— М-мы не можем ждать здесь. Мы все должны спуститься в-вниз.

— А как же твой дедушка?

Несколько секунд молчания. Потом она ответила:

— О-он умер.

Ужас сжал сердце Ноа. Он не сказал: «Ты уверена?» Не хотел принижать ее или ее горе. Ему нечего было сказать, нечем утешить ее.

— Мы должны спуститься, — повторила она.

— Я пойду за помощью...

— Нет времени. Я чувствую это. Слишком долго.

Его легкие сжались. Она права.

— Майло не справится с этим спуском. Он не сможет. Это невозможно.

— Я наблюдала за тем, что ты делал, — заявила Квинн. — Мы спустимся, а потом решим. Я иду с тобой.

— Нет, не пойдешь.

— Я не спрашивала у тебя разрешения.

У него не осталось сил спорить с ней.

Две минуты спустя Ноа снова шатко балансировал на тросе, каждый мускул его тела горел, пока он пробирался сквозь ледяную темноту и снег.

Квинн следовала за ним. Он повернул шею, чтобы оглянуться и проверить ее.

После последнего объятия мертвого дедушки ей удалось вскарабкаться на столб, ухватиться руками за рукоятку и перекинуть ноги через трос.

Она сомкнула колени и заскользила вперед, перебирая руками, балансируя ногой позади себя. Она оказалась на удивление быстрой и ловкой.

— Будь осторожна, — крикнул он.

Квинн только хмыкнула.

Ноа продолжал двигаться, надеясь, что она идет следом, но не мог видеть ее позади себя.

Беспокойство за Майло закралось в его мозг. Что, если он испугается, пошевелится и выпадет? Ноа никогда бы себе этого не простил.

Он заставил себя сосредоточиться на тросе, чтобы не соскользнуть, не потерять хватку и не упасть на твердую землю внизу. Шли секунды, затем минуты.

Спустя, казалось, целую вечность, Ноа достиг башни.

Неглубокая, узкая лестница прижималась к краю. Он покрепче ухватился за трос, разжал ноги и потянулся к лестнице.

Его ботинок задел узкую перекладину и чуть не соскользнул. Напрягая руки, он подтянулся поближе, пока не смог упереться обоими ботинками в перекладину. Ноа подался вперед и ухватился за боковые поручни.

Он добрался.

Глава 9

Ноа

День первый

Ноа позволил себе два успокоительных вдоха. Он еще не находился в безопасности. Майло и Фиби все еще оставались в ловушке.

Все они почти замерзли, и им грозило обморожение, гипотермия и смерть.

В голове у него стоял туман. Он чувствовал, как наступает оцепенение, нечеткое мышление, сигнализирующее об опасности.

Они должны двигаться. Он должен спустить их всех вниз и выбраться из этой метели.

Он зацепился ботинками за перекладины, убедился, что крепко держится за скользкий

металл, и повернулся, щурясь, к тросу.

— Квинн!

— Я здесь! — ответила Квинн, перекрикивая ветер. Она превратилась в темную фигуру, цепляющуюся за трос в нескольких футах позади него.

Ноа с трудом мог видеть из-за снега, летевшего ему в лицо, тусклый свет фонарика едва пробивался сквозь густую, спиральную темноту.

— Тянись к лестнице! — закричал он. — Будь осторожна!

Квинн медленно, старательно приближалась к лестнице. Ноа наблюдал, пульс гулко отдавался в ушах, он не мог ничем помочь или что-то сделать. Все зависело от нее.

Ее нога соскользнула с троса. Квинн упала вниз, едва не сорвавшись.

Страх пронзил Ноа.

— Квинн!

Квинн повисла на тросе на одной руке. Правой рукой она бесполезно махала в воздухе, ее ноги болтались.

Замерзшее дыхание Ноа застряло у него в горле. Обхватив одной рукой лестницу, он потянулся к ней.

— Дай мне руку.

Она наконец ухватилась обеими руками за трос и повисла на нем, всего в четырех футах.

Он протянул руку так далеко, как только мог, вытянув пальцы. Его ботинки скользили по металлической перекладине, он едва держался.

— Ты сможешь, давай.

— Заткнись, чтобы я могла сосредоточиться.

Ноа замолчал.

С ворчанием она преодолела последние два фута, пока не оказалась достаточно близко, чтобы Ноа смог схватить ее за куртку. Он обхватил ее за талию и втащил на башню. Она прижалась к нему, дрожа.

— Ты в порядке?

— Просто спусти нас к чертям собачьим.

— Тебе нужна помощь?

— Просто иди!

Места для них обоих оказалось мало. Ноа поспешил вниз, перекладина за перекладиной, плотно прижимаясь к башне, когда ветер и снег налетали на него. Квинн последовала за ним.

Он спрыгнул с последних ступенек, его ботинки утонули в снегу до самых голеней.

Ноа протянул руки, готовый подхватить ее, если она упадет, но Квинн справилась сама, легко спустившись вниз.

Ноа направился по лучу фонарика, пошатываясь, вверх по склону через снег, Квинн держалась позади него, держась за его куртку.

Когда он оказался прямо под кресельным подъемником, он крикнул Майло, чтобы тот бросил фонарик, что тот и сделал. Ноа поднял его и поспешил к упавшему Броку. Тот практически весь оказался засыпан свежим снегом. Он не двигался.

Ноа опустил на колени в снег и смахнул хлопья с лица Брока.

— Брок!

Тот не ответил.

Ноа сорвал свои перчатки. Прижал пальцы к шее Брока и поискал пульс. Ничего.

Его кожа стала ледяной. Он перестал дышать. Его открытые, пустые глаза покрылись коркой льда и снега.

Ноа содрогнулся. Парень был мертв.

Позади него Куинн пробормотал проклятие.

— К черту все это. Нам нужно выбираться отсюда.

Ноа поднялся на ноги и едва смог натянуть перчатки на свои окоченевшие пальцы.

— Не может быть, чтобы Майло смог сделать то, что сделали мы. Или Фиби. Мы должны спустить их сами. Каким-то образом.

Квинн повернулась к нему. В темноте он не мог разглядеть ее лица. Она дрожала, зубы стучали, но Квинн не паниковала и не билась в истерике.

— У меня есть идея.

— Что?

— Мы используем это. — Она указала на линию деревьев, которую Ноа едва мог разглядеть в снежной буре.

Он направил фонарик в ту сторону. Луч выделил сквозь снег красное мерцание. Красное ограждение, разделяющее деревья и трассу.

— Забор мягкий и гибкий, — объяснила Квинн. — Это что-то вроде полотна. Мы можем использовать его как импровизированный батут, чтобы поймать их.

Она действительно права. Толстая сетка может сработать.

Бок о бок они продвигались к деревьям. Через десять минут Ноа с помощью перочинного ножа на связке ключей отрезал десятифутовую секцию гибкого ограждения, которое с каждого конца крепилось к тонкому металлическому столбу.

Квинн взялась за одну сторону, а Ноа — за другую. Держа фонарик между зубами, Ноа установил импровизированный батут под кресельным подъемником Майло. Он посмотрел на раскачивающееся кресло, расположенное так высоко над ними.

— Мы поймаем тебя, — крикнул он ветру. — Я поймаю тебя, сынок. Не бойся.

Его снедало беспокойство. Что, если Майло слишком напуган, чтобы прыгнуть? Что тогда будет делать Ноа? Ему было невыносимо думать об этом.

— Я не боюсь, папа, — крикнул Майло.

Майло, его храбрый маленький сын, не колебался. Он прыгнул.

Глава 10

Ноа

День первый

Майло оттолкнулся от кресельного подъемника и прыгнул, размахивая руками и ногами. С замиранием сердца Ноа смотрел, как он падает, и падает, и падает.

Его маленькое тело ударилось о центр ограждения. Вес сына едва ощущался. Материал ограждения не такой эластичный, как батут, но он достаточно хорошо поглощал удар от падения.

Ноа бросил свой конец ограждения и подбежал к сыну. Опустившись на колени, он обнял его. Сердце Ноа чуть не разорвалось. Он не знал, что сделал, чтобы заслужить такое полное доверие, но сейчас испытывал бесконечную благодарность за это.

— Все хорошо? — спросил он. — Ты в порядке?

— Я в порядке, папа, — пробормотал Майло, прижимаясь к его груди. Но ему все равно холодно, так холодно. Конечно, он не мог быть в порядке. Ноа должен вытащить его из этой

бури. Он должен вывести их всех отсюда.

— Оставайся здесь. Мы пойдем через минуту. Как только спустим Фиби. — Он отвернул Майло от тела Брока. — Не смотри туда. Вот, помоги нам с фонариком. Просто свети им сюда, чтобы мы могли видеть.

— Я-я смогу это сделать, папа.

Ноа и Квинн снова схватили импровизированный батут и расположились под креслом Фиби. Майло направил фонарик.

Снежинки порхали и кружились в конусе света. За пределами освещенного пространства весь мир погрузился во тьму и снег.

— Тебе нужно прыгать! — Ноа обратился к Фиби. Его голос охрип, а горло и легкие онемели от обжигающего холода.

Фиби только крепче вцепилась в кресло.

— Я не могу! Я не могу прыгнуть!

Ноа уговаривал, умолял и подбадривал. Но она не двигалась.

Он не хотел оставлять ее. Он был офицером полиции. Его работа заключалась в том, чтобы спасать всех, кого только можно.

Он итак уже потерял двух человек. Он не может потерять еще одного.

Ноа чувствовал, как тикает каждая секунда, чувствовал, как напряжение выбора разрывает его на части, дюйм за дюймом. Он не мог бросить гражданское лицо, но и не мог допустить, чтобы его сын страдал еще дольше.

— Мисс, спускайся, черт возьми, или мы оставим твою задницу здесь! — закричала Квинн. — Мы не собираемся умирать из-за тебя. У тебя есть пять секунд!

Казалось, это дошло до Фиби. Почему-то угроза со стороны Квинн казалась более реальной. Единственное, что пугало Фиби больше, чем прыжок, — это остаться в кресельном подъемнике одной.

Она отстегнула свой сноуборд. Квинн и Ноа отошли в сторону, когда он падал.

Фиби слезла с кресла и на мгновение зависла, как Брок, тихонько застонав. Наконец, она разжала пальцы.

Она ударилась о ограждение. Сетка грозила выскользнуть из пальцев, но Ноа крепко сжал ее. Фиби упала на снег, но, по крайней мере, сетка ограждения смягчила ее падение.

Она поднялась на ноги, фыркая и потирая бок.

— Чертовски вовремя, — пробормотала Квинн.

— Что-нибудь сломано? — спросил Ноа.

Она смахнула снег с лица.

— У меня болит спина и плечо, но думаю, нет.

— Хорошо. — Ноа полностью переключил свое внимание на Майло. Он передал Квинн фонарик и прижал Майло к груди. Сын обхватил его ногами за талию, а Ноа поддерживал одной рукой. Оставалось надеяться, что руки ему не понадобятся. — Держись, приятель. Уже недалеко.

Фиби повернулась к телу Брока.

— Мне нужно его увидеть.

Квинн схватила ее за руку.

— Фиби. Не надо.

— Мы вернемся за ним, — пообещал Ноа. — Но сейчас надо идти.

Фиби не стала спорить. Она перестала плакать. Ее обветренное лицо имело тусклый,

ошеломленный вид. Она ничего не сказала, просто последовала за Ноа, Квинн шла рядом с ней.

Склон в этом месте оказался крутым и неухоженным, усеянным деревьями. Ноа не смог бы спуститься на лыжах обратно, а Майло — тем более. Он сомневался, что остальные тоже. От холода у них онемели конечности, и ловкости не хватало.

— Вы двое идите по моим следам, — инструктировал Ноа. — Так будет легче.

Его ноздри щипало при каждом вдохе. Пальцы онемели, как и щеки, уши. Мысли приходили медленно и беспорядочно.

Гипотермия скоро наступит, если уже не началась.

Спуститься с холма. Они просто должны спуститься вниз. Он не мог думать о чем-то большем, чем эта задача. «Просто спуститься».

Долгий спуск с холма стал утомительным и опасным. Они почти ничего не видели на снегу. Не было никаких огней, чтобы вести их, только красное пятно под ними, которое время от времени появлялось и исчезало между деревьями — догорающий коттедж.

Приходилось следить за каждым шагом, чтобы не вывихнуть лодыжку, не перевернуться и не скатиться вниз по скользкому склону. В лыжных ботинках двигаться сложно и неудобно. Нести Майло на руках тяжело и трудно, Ноа спотыкался и несколько раз чуть не упал.

Вместе они медленно и осторожно добрались до подножия холма.

Прошли мимо терминала кресельного подъемника, безмолвного и пустого, с куполообразной крышей, покрытой снегом. Других трасс не было видно. И вот они добрались до башни подъемника «*Sweet Express*» с зеленым навесом, затем до внутреннего дворика и, наконец, до коттеджа.

От некогда впечатляющего строения остались лишь мерцающие угли. Пламя все еще плясало то тут, то там, шипя и обжигаясь под натиском снега. Несколько стен обрушились, кафетерий со стороны здания обвалился.

В темноте они не могли разглядеть обломки вертолета.

Заунывно ревел ветер. Снег вихрем проносился вокруг их ног, обжигал лица. Леденящий холод высасывал из них жизнь, градус за градусом.

— Продолжаем идти, — сказал Ноа.

Ориентируясь по огню, они двинулись в обход восточной стороны коттеджа к парковке.

Квинн остановилась так внезапно, что Ноа чуть не врезался в нее.

— Что? Что там?

Квинн направила свет на парковку. На стоянке скопилось множество припаркованных машин, занесенных толстым снежным покрывалом.

Сотни машин, но не людей.

Ни гостей в спортивных костюмах, таскающих лыжи, ни сотрудников, ни работников подъемников, ни лыжного патруля в красных жилетах. Ни медиков, ни полицейских, ни пожарных.

Ни одной живой души.

Глава 11

Ноа

День первый

— Куда все подевались? — спросил Майло.

— Они бросили все свои машины, — пробормотала Фиби. — Почему они оставили свои

машины?

Квинн медленно поводила лучом фонарика по кругу, как будто они могли что-то упустить в первый раз, и помощь материализуется на их глазах.

Этого не произошло.

Ноа занервничал. Вся эта сцена выглядела жутко и тревожно.

Сотни машин стояли на тех же местах, где их припарковали утром. В канун Рождества все мысли сводились к праздничному веселью, к катанию на лыжах и сноуборде, к подаркам, горячему шоколаду и семье.

До того, как все полетело к чертям.

Как это вообще случилось? Что происходило на самом деле?

Он сглотнул.

— Я не знаю.

Квинн смахнула с лица снежные хлопья, собравшиеся на челке и ресницах.

— В машинах теперь все управляется электроникой. Ты что, не слушал, что я говорила? Теперь никакая электроника и компьютеры не будут работать.

Неужели научно-фантастические теории Квинн действительно оказались верными? Учитывая все, что произошло сегодня, а также брошенные машины, он начал верить, что это может быть правдой.

Это жуткое отключение электричества коснулось только юго-западного Мичигана? Весь штат? Или, возможно, все восточное побережье? Или все обстоит еще хуже?

Что это означает для будущего Фолл-Крик? Штата? Всей страны?

Мысли Ноа в панике бегали по кругу. Он заставил себя выбросить их из головы. Такие безумные мысли ничему не помогут.

Ему нужно оставаться сосредоточенным и позитивным, сохранять ясность ума. То, что выбрались из одной передрыги, еще не означало, что они избавились от опасности.

— Я пойду проверю свою машину. Это «Киа Рио» 2008 года.

— Она не заведется, — заявила Квинн.

— Стоит проверить. Фиби, а как насчет твоей машины? Мы можем ее проверить?

— Мы приехали вместе. — Плечи Фиби сторбились, как будто ее ударили в живот. — Ключи у Брока.

— Все в порядке, — быстро сказал Ноа, испытывая чувство вины.

Он пытался вспомнить, где припарковал «Рио». Не очень помогало и то, что автомобиль был белым, а все машины покрывал толстый слой снега.

Через несколько минут он нашел его. Фиби и Квинн последовали за ним. Он опустил Майло, достал из кармана брелок и с помощью ключа открыл дверь.

Двигатель не заводился. Радио не включалось. «Рио» оказался мертв, как и говорила Квинн.

У него свело живот, он схватил сумку на пассажирском сиденье, в которой лежал шприц Майло и пузырек с глюкокортикоидом, и вылез из машины обратно на ледяной ветер.

— Мне жаль, но ничего не работает.

Фиби медленно двигалась по кругу, судорожно потирая виски обеими руками.

— Как же мы отсюда выберемся?

— Отсего находится примерно в трех милях к востоку, — сказал Ноа. — Это ближайший город.

— Я чувствую, что умираю, — жалобно запричитала Фиби. — Я не могу пройти три

мили! Мы замерзнем до смерти!

— Нам нужно сохранять спокойствие, — твердил Ноа, хотя чувствовал себя совсем не спокойно. Он едва мог пошевелиться, настолько оцепенел и замерз. Его мысли текли медленно и вяло. Он поднял Майло и передал ему сумку. Майло прижался к груди Ноа.

Внезапно Квинн развернулась и пошла прочь, пробираясь между двумя припаркованными машинами вглубь парковки, к дороге.

— Куда ты идешь? — Ноа окликнул ее.

Она не ответила, даже не показала, что его услышала. Возможно, ей просто нужна минутка, чтобы собраться с мыслями.

— Что мы будем делать? — простионала Фиби.

Ноа огляделся вокруг, сканируя стоянку с растущим отчаянием.

— Мы можем спрятаться в Рио, чтобы укрыться от ветра на несколько минут, пока будем придумывать план действий. Будет все равно холодно, но без ветра. Проходить мили в метель — не самая лучшая идея. Очень высока вероятность заблудиться или пораниться. Возможно, нам придется разбить несколько машин. У некоторых есть запасные толстовки, куртки или даже несколько одеял.

Фиби повернулась к нему лицом.

— Ты хочешь взламывать машины? Разве ты не шериф?

— Офицер полиции, — поправил он. Ноа чувствовал себя виноватым, даже произнося эти слова, но Майло сейчас его главный приоритет. — Наше выживание важнее, чем защита частной собственности. Уверен, эти люди поймут. А страховка покроет то, что мы повредим.

— А как же Брок? И дедушка Квинн? Мы не можем просто так оставить их там.

— Я вернусь первым делом утром. Прослежу, чтобы округ забрал их, и мы свяжемся с тобой и ближайшими родственниками. Я позабочусь об этом.

Она уныло кивнула.

— Где ты живешь?

— Я приехала домой на рождественские каникулы, навестить родителей в Давагиаке. Это почти в часе езды отсюда.

— Я знаю. Это близко к Фолл-Крик. Мы оттуда родом. — Он похлопал ее по плечу. — Мы доставим тебя домой. Я обещаю.

Раздался рев двигателя.

После стольких часов тишины звук прозвучал неожиданно. Ноа и Фиби обернулись. Ноа крепче прижал к себе Майло, его адреналин зашкаливал.

Пара фар осветила ночь в нескольких рядах перед ними. Грузовик. Он настолько был засыпан снегом, что Ноа не смог различить ни марку, ни модель, только общие очертания.

Дверь со стороны водителя распахнулась. Оттуда показалась ярко-синяя голова Квинн.

— Ребята, вы идете или как? У вас есть две секунды, прежде чем я оставлю ваши жалкие задницы здесь.

Глава 12

Квинн

День первый

Грузовик работал отлично, бак оказался заполнен на три четверти. Как Квинн и предполагала. Дедушка разрешил ехать сюда с ее разрешением; к счастью, у нее все еще лежали ключи в кармане куртки.

Остальные забрались в машину, Фиби и Майло на заднее сиденье, а Ноа нерешительно сел на пассажирское место. Он не выглядел довольным, что его перевели в пассажиры, но это не его грузовик.

— Этот малыш — ярко-оранжевый «Форд F150» 1978 года, который мы прозвали «Оранж Джулиус», — объяснила Квинн. — Старый, как черт, но все еще работает. Полный привод. Зимняя резина. Дедушка поддерживает его в первоначальном состоянии. Он постоянно возится с ним в гараже. Он...

Горе обрушилось на нее, как тяжелый удар в грудь. Ошеломленная, она замолчала. Секунду не могла дышать, не могла втянуть кислород в свои раскаленные легкие и горящее горло.

Дедушка все еще оставался на том пустынном холме. Он был мертв.

До этого момента все казалось нереальным. Его грузовик все еще пах смазкой и его любимым супом бун ча — он пах дедушкой. Она больше никогда не услышит его мягкого смеха, никогда не будет есть с ним булочки с рыбным соусом, никогда не будет сидеть в гараже, пока он возился с двигателем и рассказывал ей истории о своем детстве во Вьетнаме, о том, как он стал вьетнамско-американским солдатом.

Сейчас она не могла думать ни о чем из этого, не могла впустить в себя печаль. Она сглотнула, заставила себя сосредоточиться.

— Он делал, я имею в виду.

— Мне жаль, Квинн, — сказал Майло.

Ее горло сжалось.

— Это не твоя вина, Мелкий.

Она поставила обогрев на полную мощность и включила стеклоочистители. Сквозь наледь, ползущую по лобовому стеклу, она едва могла видеть. В этот момент Квинн поехала бы даже вслепую, лишь бы они убрались отсюда.

Она переключила «Оранж Джулиус» на задний ход и нажала на газ. Грузовик не тронулся с места.

Квинн выругалась, ударила по рулю и попыталась снова.

Шины бесполезно вращались на снегу.

— Нам конец, — сообщила Фиби.

— Мы застряли, а не сломались, — поправила Квинн. — Дедушка держит лопату в багажнике. Нам придется прокладывать себе дорогу ей.

— Вы, ребята, оставайтесь внутри, где тепло, — сказал Ноа. — Я сделаю это.

Квинн оглянулась назад. Мальчишка сидел на заднем сиденье, прижавшись к Фиби, которая прислонилась к окну. В кабине еще не совсем тепло, но к этому все шло.

Пригибаясь от ветра, Квинн вылезла из грузовика вслед за Ноа. Она захлопнула дверь со стороны водителя и поплелась к задней части «Оранж Джулиуса».

— Я не боюсь работы, — проворчала она, когда Ноа бросил на нее вопросительный взгляд.

Ему удалось натянуто улыбнуться.

— Хорошо.

В багажнике грузовика лежали две лопаты. Дедушка добавил вторую, когда Квинн начала ездить с ним.

Она указала на припасы, сложенные в одном углу.

— Дедушка и бабушка всегда держат в машине спальный мешок, сигнальные ракеты,

фонарик, ящик с инструментами, лопату, дорожную смесь и воду, а также фонарь на батарейках. О, и наполнитель для кошачьего туалета. К счастью, у бабушки всегда есть запас с ее пятью чертовыми кошками.

— Слава богу, — сказал Ноа с облегчением. — Мы сможем завернуть Майло в спальный мешок.

Квинн принялась за одну сторону, Ноа — за другую. Они быстро выгребли снег из-под колес. Их дыхание вырывалось белыми облаками. Сердце Квинн стучало в груди и в ушах.

Ее окоченевшие, замерзшие пальцы несколько раз дрогнули. Она уронила лопату и была вынуждена поднять ее, чтобы продолжить копать. Она отказывалась бросать работу. Напряжение обострило ее чувства, сдерживая эмоции.

Наконец, они расчистили достаточно места. Квинн рассыпала наполнитель для кошачьего туалета, чтобы колеса могли сцепляться с дорогой. Потом Квинн бросила лопату в багажник грузовика, а Ноа потянулся за спальным мешком.

Вместо того, чтобы залезть обратно в «Оранж Джулиус», она замешкалась.

Из-за снега и темноты все выглядело одинаково. Она обняла себя, дрожа, пряди синих волос хлестали ее по лицу. Ее металлические пирсинги словно вмерзли в кожу.

Ноа положил спальный мешок в грузовик и подошел к ней.

— Ты в порядке?

Она чувствовала себя потрясенной, измученной и на взводе.

— Все отлично, — огрызнулась она. — Лучше не бывает.

— Ладно, ладно. Глупый вопрос. Извини. — Он прочистил горло. — Ты в состоянии вести грузовик? Я знаю, что сегодняшний день выдался... тяжелым для всех нас.

— Ну, можно и, так сказать. — Она закусила нижнюю губу. — Это не мой грузовик. Это грузовик дедушки. Он обожал эту развалюху. Никому не разрешал водить его, даже бабушке.

Кроме нее. Он научил Квинн водить это древнее дребезжащее чудовище. Она сделала паузу, вдохнула глубоко обжигающий воздух. И чуть не задохнулась, когда ее легкие сжались.

— Это кажется... неправильным.

Она не знала, почему говорит это вслух. До сегодняшнего дня она не перекинулась и пятью предложениями с Ноа Шериданом, хотя знала его много лет. Он по сути оставался незнакомцем. Но после последних нескольких часов он не казался таковым.

— Мне жаль, что мы не смогли его спасти. Мне правда жаль.

— Я знаю.

— Я готов вести машину, — сказал он. — До Фолл-Крик час езды. Мы высадим Фиби по дороге.

Он не сказал, что стал бы лучшим, более опытным водителем, особенно в таких условиях.

Он предлагал ей выход. Следующим мог бы быть вопрос о том, сколько ей лет, есть ли у нее права. Она знала это, он знал это. Формально у нее нет прав, только разрешение, хотя она ездила с дедушкой тысячу раз.

Она кивнула и демонстративно пнула ногой сугроб. Квинн смотрела сквозь снег на ряды машин, похожих на огромные белые валуны.

Внутри одного из автомобилей что-то зашевелилось.

Глава 13

Ноа

День первый

— Что такое? — спросил Ноа.

Квинн молча указала на машину, припаркованную в нескольких метрах от «Оранж Джулиус». Ноа наклонился и смахнул снег со стекла седана темного цвета со стороны водителя.

На водительском сиденье сидел молодой мужчина, дрожа и вцепившись в руль обеими руками, словно ожидая, что с минуты на минуту уедет в закат.

Ноа инстинктивно потянулся рукой к табельному оружию, обычно висящему на боку. Он постучал в окно со стороны водителя.

Мужчина вздрогнул. Он повернулся к Ноа, рот открыт, глаза расширены и налиты кровью через матовое стекло.

Ноа и Квинн отступили назад, когда парень открыл свою дверь.

Он недоверчиво уставился на них.

— Откуда вы, черт возьми, взялись?

— С кресельного подъемника, идиот! — Квинн ткнула пальцем в значок персонала горнолыжного курорта Биттерсвит, красовавшийся на его лыжной куртке. — Ты оставил нас там!

Парень покраснел.

— Что?

— Мы застряли на кресельном подъемнике у «*Rocket Launcher*», — объяснил Ноа, стараясь сохранить спокойный голос, хотя разочарование, стресс и травмы этого дня брали свое.

— Никто не пришел за нами! — голос Квинн взревел от ярости. — Мой дедушка мертв!

Под редкой бородой бледная, покрытая прыщами кожа парня отдавала синевой. На вид ему около двадцати пяти лет, он походил на хиппи нового поколения, поедающего гранолу. Вся машина пропахла травой.

Он поднял руки, ладони вытянуты в успокаивающем жесте, косяк зажат между пальцами правой руки. Тонкий вихрь дыма поднялся к потолку.

— Ничего не понимаю. Этого не может быть.

Ноа стиснул зубы.

— Это случилось.

— Патруль часами освобождал подъемники. Нам пришлось действовать по старинке, использовать канаты и ремни, делать все вручную. У нас есть протоколы безопасности...

— Не сегодня, это точно, — огрызнулась Квинн.

Его глаза расширились.

— Вы серьезно?

— Как ты думаешь, откуда, черт возьми, мы только что пришли? — Квинн закатила глаза. — Думаешь, мы упали с неба?

Парень уставился на нее, не отрывая глаз. Он, вероятно, выкурил все косяки, которые у него водились. Сожаление и досада, наконец, проступили на его лице.

— Мне очень жаль. — Он покачал головой. — Я... думаю, я действительно не в себе. Сегодня, ребята. Я никогда не испытывал ничего подобного.

— Ты? — Квинн зашипела. — Ты думаешь, что никогда не испытывал... Это мы застряли на высоте тридцати футов от земли в ледяной снежной буре! У моего дедушки

случился сердечный приступ. Один парень даже спрыгнул, настолько он отчаялся! Он тоже умер!

— Погибло больше людей?

— Брок сломал голень, — объяснил Ноа. — У него наступил шок, и мы... не смогли его спасти.

Парень облизал свои потрескавшиеся губы. Дрожащими пальцами он сделал затяжку.

— О, боже, боже. Я не знал. Мы не знали. Клянусь. У нас здесь погибло девятнадцать человек. Девятнадцать! Такое напряжение, просто б-беспредел... пожар, падение вертолета... все запаниковали. Многие получили ожоги и переломы конечностей при крушении. Это был хаос, мужик.

— А потом, когда люди пытались уехать, а их машины не заводились... Я послал Тима и Макса освободить подъемники. Я полагаю, они так и сделали. Один из них, должно быть, сократил путь, сделал визуальный осмотр вместо того, чтобы идти вверх по склону. Сэм сказал, что подъемник «*Rocket Launcher*» не работает. У нас имелся только один работающий снегоход. Снегоход, который мы должны были выбросить много лет назад. Больше ничего не работало. Как будто сам Бог просто щелкнул выключателем, и бац. Никаких подъемников. Ни электричества. Ни снегоходов, ни машин.

Его взгляд ненадолго встретился с полными ярости глазами Квинн и тут же угас.

— Я не знал.

— Как ты мог не... — начала Квинн, все еще в ярости, но Ноа прервал ее.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Парень быстро моргнул.

— Крис. Крис Доэнс.

— Как все добрались домой, Крис? — спросил Ноа.

Квинн посмотрела на него, но Ноа проигнорировал ее. Крики на этого несчастного ублюдка ничего не изменили бы в событиях этой ночи. Ничто не могло отменить те ужасные часы, которые они только что пережили.

— Несколько часов назад они пригнали автобусы, старые дизельные школьные автобусы. Джастин поехал на снегоходе в Остега за помощью. Все перепугались, но они приехали. Несколько помощников шерифа, пожарные, медики. Они ездят спасать застрявших людей по всему округу. Они говорили о том, чтобы договориться о чередовании со снегоуборочными машинами, которые все еще работают, чтобы держать главные дороги чистыми.

— Почему ты все еще здесь? — спросил Ноа.

— Последний автобус поехал слишком набитым. Он не мог вместить еще одно человеческое тело, и я... наверное, немного запаниковал, понимаешь? Не люблю замкнутые пространства. — Он слабо махнул рукой. — Вот почему я работаю здесь, верно? Никаких кабинок, мужик. Только открытое небо и свежий снег.

Он уставился в темноту, работая челюстью, словно собираясь сказать что-то еще, но не стал.

— Мы направляемся на юг, в Фолл-Крик, — сказал Ноа.

Взгляд Криса переместился мимо них.

— У вас есть машина, которая работает?

— Неужели не слышал двигатель грузовика? Ты не заметил фары? — недоверчиво спросила Квинн.

— Скажи нам, где ты живешь, — ровно произнес Ноа. Не имело значения, как он лично относится к этому бесполезному наглецу. Как представитель закона, он не мог просто оставить его замерзать до смерти. — Мы заберем и тебя.

Крис благодарно кивнул.

— Спасибо, мужик. Я уже начал думать, что умру здесь.

— Мы тоже, — съязвила Квинн.

Пристыженный, Крис опустил взгляд на колени и ничего не сказал.

— Пойдем, — сказал Ноа, — пока мы еще можем.

Глава 14

Ноа

День первый

Ноа наклонился вперед, вцепившись руками в руль старого «Форда», каждый мускул напрягся, сердце колотилось о ребра. Грузовик ехал медленно.

Снег лежал толстым слоем, дорога была скользкой, крутой кювет слева Ноа едва видел, но знал, что он там, только и ждет, чтобы он совершил ошибку и скатился за край. В лыжных ботинках управлять машиной сложно, поэтому он снял их и ехал в носках.

Они направились домой по M-40 S и I-94 W в абсолютной темноте. Ни звезд. Ни луны. Ни уличных фонарей, ни света от городов, ни света от проезжающих машин. Никаких проезжающих машин, и точка.

Они уже высадили Фиби и Крису у их домов — Крису в Плейнвелле, к юго-востоку от Остега, а Фиби в Давагиаке, примерно в четырнадцать милях к востоку от Фолл-Крик. Окрестности оставались темными. Все погрузилось во мрак.

Их фары оставались единственным светом в округе. Два желтых конуса пронзали черную пелену, прорезанную ныряющими, кружащимися белыми вихрями. Он не мог разглядеть фермерские угодья, перемежающиеся лесами и случайными домами, и предприятиями — складами и стоянками подержанных автомобилей.

Ноа не мог видеть ничего, кроме нескольких ярдов прямо перед собой.

То тут, то там фары грузовика освещали огромные холмы покрытого снегом металла — автомобили, внедорожники и грузовики, заглохшие и брошенные на обочине. Несколько раз ему приходилось объезжать аварии с нагромождением двух, трех и более машин.

Квинн сидела на пассажирском сиденье рядом с ним, лишь темная фигура в полумраке кабины. Ее колени были подтянуты к груди. Она держала руки перед печкой, чтобы согреть пальцы, и тупо смотрела в окно.

Майло крепко спал на заднем сиденье, свернувшись калачиком, как щенок, в спальном мешке. Ноа нервно поглядывал в зеркало заднего вида, чтобы проверить, как он там, и иногда включал один из верхних фонарей. Цвет его кожи казался нормальным. Грудь постоянно вздымалась и опускалась.

Его жизненные показатели оставались в норме. Тем не менее, Ноа беспокоился.

Сын пережил сегодня невероятное количество стресса. Это слишком много для взрослого, не говоря уже о ребенке. Как это повлияло на его надпочечники? Достаточно ли лекарств, чтобы защитить, или его тело уже ополчилось против него самого, как тихий, невидимый яд?

Перед тем как они отправились домой, Ноа дал Майло его вечернюю таблетку. При простуде или гриппе он обычно увеличивал дозу лекарства на три дня. После этого нужно было идти к доктору Прентису.

Если что-то серьезное, они удваивали или даже утраивали дозу на более длительный срок, постоянно контролируя уровень гормонов.

Майло был сильным ребенком, храбрым и стойким. Он ведь уже пережил потерю матери в результате самых ужасных событий, которые только можно себе представить?

С ним все будет хорошо. Должно быть.

Ноа сжал руль и поморщился от резкой боли. Тепло в кабине наконец-то отогрело его конечности. Пальцы, уши и нос болели почти как от ожога.

Это означало, что у него, вероятно, только поверхностное обморожение. Боль — это хорошо.

— Я знаю, кто ты, — проговорила Квинн после долгого молчания. — Я помню Ханну Шеридан.

Он взглянул на нее, пораженный.

— Что?

— У меня сегодня день рождения.

Грудь Ноа сжалась.

— Я... ясно.

— Я помню тот день. День, когда она исчезла. — Квинн смотрела в окно. — Не то чтобы планировалась большая вечеринка или что-то в этом роде. Не в канун Рождества. Октавия — моя мать — она обычно забывает. Но в том году она смогла купить мне торт. Бабушка завернула несколько подарков, в основном, принадлежности для рисования. Дешевый блокнот для рисования из «Волмарт». Это был хороший день, я думаю. Мой одиннадцатый день рождения. Ничего особенного.

— Но я помню красные и синие огни, мелькавшие в моем окне на следующий день. Она исчезла в мой день рождения... Я видела ее много раз. Она просто жила своей жизнью. Любила гулять рано утром с ребенком в коляске, всегда в наушниках. Иногда громко пела под то, что слушала. *Aerosmith*, *Pink Floyd* или еще кого-нибудь. Каждый раз она останавливалась и махала мне рукой.

— Знаю. — Он втянул воздух так резко, что это ранило его все еще больные легкие. — Ханна всегда отличалась добротой.

Обычно он не любил говорить об этом, но у него не хватало духу прервать Квинн. Эта странная, саркастичная девочка-подросток была расстроена, как и он сам.

Вдобавок ко всему Квинн потеряла члена семьи. Она ведь еще совсем ребенок.

— Я не знаю. Это просто... сильно ударило по мне, я думаю. Не так, как то, через что прошли вы с Майло. Ничего подобного. Но просто... Я гуглила это дело каждый день. Я внимательно следила. Когда они арестовали тебя, какое-то время действительно думала, что это сделал ты.

— Как и большинство жителей Фолл-Крик, — сказал он. — Весь округ так думал, на самом деле.

Он ненавидел вспоминать о тех днях. Подозрительные взгляды и недоверие со стороны друзей и соседей. Чувство изоляции. Одиночество.

Они так и не нашли никаких улик, доказывающих его причастность. Самым ужасным фактом оставался лишь тот, что он был ее мужем, а по статистике большинство женщин убивают самые близкие им мужчины.

Глянцевые полицейские шоу на телевидении приучили людей верить, что на каждом месте преступления остается след ДНК. Реальность оказалась совсем другой.

Через некоторое время дело просто замяли. Ночной снегопад стер все следы, которые могли остаться. Им не на что оказалось опираться. Ни зацепок, ни свидетелей, ни волос, ни отпечатков пальцев. Ни других подозреваемых. Только машина, брошенная на обочине шоссе.

Розамунд Синклер, суперинтендант поселка Фолл-Крик, горячо поддерживала невиновность Ноа. Ее вера в него никогда не ослабевала. Шеф Бриггс в конце концов тоже поверил в него. Со временем подозрения жителей города ослабли.

Ноа никогда не был оправдан. Также как никогда не был осужден. Люди придерживались своего мнения, основанного на слухах, сплетнях, обидах и давней преданности.

Некоторые люди подозревали — и, возможно, до сих пор так думают, — что Ноа убил Ханну вместо того, чтобы позволить ей расторгнуть несчастливый брак. Другие считали, что она бросила его и Майло и отправилась автостопом в Калифорнию, решив полностью избавиться от семьи.

По мнению остальных, существовал кто-то еще. Хищник, который воспользовался возможностью и избежал наказания за убийство. По оценкам ФБР, от двадцати пяти до пятидесяти активных серийных убийц скрываются в Соединенных Штатах.

Ноа не верил, что жена еще жива. Он жалел, что Ханна не сбежала в Калифорнию. Но она никогда бы не бросила Майло. Он знал это, как свое собственное имя.

Он никогда намеренно не причинял Ханне вреда, но все равно жил с огромным чувством вины. Ноа не совершил ничего более ужасного, кроме того, что недостаточно любил свою жену.

В конце концов, это и привело к тому, что он потерял то, что для него было важнее всего.

Квинн пожала плечами, неловко сдвинувшись с места.

— Я просто... Я помню Ханну, вот и все. Я помню, какой сегодня день для тебя. И мне жаль.

Он закрыл глаза и моргнул от внезапной влажности. У горя есть свойство накатывать на тебя, когда ты меньше всего этого ожидаешь, даже спустя годы.

— Спасибо, — произнес он, и это действительно было искренне.

Снег падал все сильнее, становился все глубже. Скоро он станет слишком глубоким, чтобы ездить на машине, если снегоуборочные машины не выйдут на дороги. Если не будет достаточно тех, которые еще работают.

Часы на приборной панели показывали 21:17. С каждой минутой страх и тревога все сильнее сжимали его внутренности. Чем дальше они ехали в этом жутком, безмолвном мире, тем сильнее становился его ужас.

Темнота там, где должны быть города и поселки. Горбы занесенных снегом машин, внезапно вынырывающие из черноты, словно склонившиеся горгульи. И неизменно — бесконечный кружащийся снег.

Они могли бы проехать по краю планеты и даже не узнать об этом.

— Что, черт возьми, происходит? — вздохнул Ноа.

— Я же говорила тебе, — сказала Квинн, но в ее голосе не слышалось ни триумфа, ни ликования, только сокрушенная покорность. — Это конец света, каким мы его знаем.

Ноа

День второй

— Папа? Электричество до сих пор не работает.

Ноа застонал и глубже зарылся под груду одеял. Холод просто зверский.

Он перекатился к сыну и открыл глаза. Казалось, что его ресницы склеились. У него болела голова. Болело все тело, ныли мышцы.

Майло уже сидел и потирал лицо своими маленькими кулачками.

— Счастливого Рождества, папа.

Вчерашние события нахлынули с новой силой. Часы на морозе, страх и паника, борьба за то, чтобы Майло или он сам не умерли от переохлаждения. Мертвые тела.

Ноа заставил себя сесть, отодвинув диванные подушки, которые они сложили вокруг себя накануне вечером.

Серый утренний свет струился в комнату. Прошлой ночью у него не хватило сил закрыть единственное окно одеялом, а жалюзи не защищали от холода.

Ноа выбрал самую теплую комнату — вернее, наименее холодную. Его кабинет находился в самом центре дома, с наименьшим количеством окон.

В гостиной имелся камин, но они использовали последние дрова, наслаждаясь предрождественским костром с жареным зефиром, «сморами» и поздними сказками на ночь.

Он старался, чтобы Майло получал от этого удовольствие. Используя маленький фонарик, чтобы видеть, они быстро сделали крепость из подушек и подушечек, которые стащили с дивана, расстелили поверх них одеяло и запихнули туда столько спальных мешков и одеял, сколько он смог найти.

«Форт» удерживал тепло их собственных тел, когда они прижались друг к другу и провалились в сон. Они оба все еще оставались в зимних куртках с прошлой ночи, хотя Ноа пришлось снять ботинки и влажные носки и надеть свежие себе и сыну.

— Счастливого Рождества, дружок, — сказал он, хотя на душе совсем не весело. — Как ты себя чувствуешь?

Как только они вернулись домой вчера вечером, Ноа снова проверил его состояние: усталость, мышечная слабость, головокружение, тошнота.

Майло выглядел нормально. Сегодня утром с ним тоже все в порядке.

Майло попытался вырваться из его хватки.

— Хорошо, папа. Я в порядке.

— Дай-ка я тебя хорошенько осмотрю. — Ноа проверил щеки, нос и уши Майло. Они покраснели и потрескались.

— Ты чувствуешь его? — Он ткнул Майло в нос.

Майло скорчил гримасу.

— Ой. Больно. Мои пальцы тоже болят.

— Это хороший знак, сынок.

Как только он взял руки сына и перевернул их, снимая перчатки, тревога ослабла. Кончики пальцев были бледными и белыми, но остальные руки и пальцы выглядели нормально.

— Небольшое поверхностное обморожение, и только. Нам повезло.

— Потому что ты нас спас.

В груди Ноа потеплело.

— Мы спасли друг друга.

Майло играл с браслетом медицинского оповещения на запястье.

— Я голоден.

Голод очень хороший знак. Первыми симптомами, на которые доктор Прентис сказал Ноа обратить внимание, были отсутствие аппетита, тошнота и усталость.

— Как насчет блинчиков? — спросил Майло.

Последний раз они пропустили рождественские блины в то утро, когда Ханна не вернулась домой. Ноа закрыл глаза, открыл их.

— Отличная идея. Кажется, у меня в подвале есть походная печь. Сейчас приготовим.

Они выбрались из кокона своего импровизированного «форта». Ноа дрожал. Один день без тепла, а дом уже напоминал ледяной ящик.

— Блинчики с шоколадной крошкой, папа? И арахисовым маслом?

— Да, с шоколадной крошкой, дружище! Конечно.

Ноа достал из шкафа фонарик побольше и включил его. Удивительно, но он заработал. Чем бы ни оказался этот электромагнитный импульс, он, похоже, не затронул мелкие предметы без большого количества электроники или схем.

Он не стал раздумывать. Спустился в их «мичиганский подвал» — земляной, сырой подвал с такими низкими потолками, что взрослые не могли стоять прямо. Стены выложены из шлакоблоков, пол — набитая грязь. Влажность, протечки воды и целостность конструкции доставляли постоянные беспокойства.

Ноа порылся в коробках и ящиках, сложенных на нескольких металлических полках, в поисках походных принадлежностей. Походная печь оказалась в большом пластиковом контейнере с надписью, сделанной Ханной красивым почерком. Рядом с ним стоял еще один контейнер с надписью «баллоны с пропаном». Его жена всегда отличалась организованностью.

Они с Майло не ходили в походы с тех пор, как Ханна исчезла. Именно она любила природу, именно она хотела научить Майло кататься на беговых лыжах, как только он станет достаточно взрослым, чтобы стоять прямо.

Он вытащил два баллона с пропаном. Их оставалось четырнадцать. Вернувшись наверх, поставил плиту на стойку и открыл кухонное окно, чтобы обеспечить необходимую вентиляцию, несмотря на то, что воздух, проникающий внутрь, оставался шокирующе холодным.

Надев перчатки, Ноа приготовил завтрак из блинов, достойный короля, с апельсиновым соком, сосисками и картофельными оладьями. Блинчики с шоколадной крошкой смазал арахисовым маслом «Джиф» и увенчал взбитыми сливками — любимым странным сочетанием Майло, которое он обожал с двух лет.

Обычно овощи, сыр, молоко и остатки еды в холодильнике портились без электричества, но, учитывая, что в доме сейчас гораздо холоднее, чем в холодильнике, Ноа решил, что все будет в порядке. С едой, во всяком случае.

Они с Майло совсем другое дело.

Они оба замерзли и дрожали, сгорбившись над своими тарелками и едва удерживая столовое серебро. Ноа нужно закрыть окна и наколоть как можно больше дров.

В хозяйственном магазине имелся запас, а владелец местной бензоколонки Майк Дункан также продавал дрова со своего лесного участка в пятьдесят акров через мост.

В ближайшие несколько месяцев дрова будут горячим товаром — в буквальном смысле слова. И если он не сможет наколоть достаточно, чтобы не дать замерзнуть себе и Майло, то у них возникнут серьезные проблемы.

Учитывая состояние Майло, он не мог подвергать риску уязвимый организм своего сына.

От беспокойства у него скрутило живот. Аппетит пропал. Ноа сидел и смотрел, как сын ест, перебирая в уме возможные варианты, но ни один из них не годился.

После того, как он набил себе рот арахисовым маслом и взбитыми сливками, взгляд Майло переместился на потемневшую елку в гостиной и полдюжины рождественских подарков, сложенных под ней.

Его глаза загорелись.

— Я уже могу открыть свои подарки?

Ноа заставил себя проглотить кусочек блинчика и запил его апельсиновым соком.

— Давай я сначала узнаю, сможет ли миссис Гомес присмотреть за тобой часок-другой.

Майло зажал нижнюю губу между зубами — как это делала Ханна — и нахмурился.

— Но это же Рождество.

Сожаление пронзило грудь Ноа. Он ненавидел быть отцом-одиночкой. Ненавидел все это давление и обязательства, которые тянулись к нему со всех сторон.

Он хотел провести весь день с Майло, как они и планировали.

Он поднялся и поставил их тарелки в раковину. Включив кран, Ноа смотрел, как льется вода. Без электричества вода прекратится, скорее рано, чем поздно. Он даже не подумал об этом, когда отмерял воду для смеси для блинов.

Так много вещей, к которым нужно привыкнуть, к которым нужно мысленно приспособиться.

Он переместил кран на чистую сторону двойной раковины, установил пробку и наполнил ее. К тому времени, как раковина наполнилась, из крана капало всего несколько капель. Ему нужно заполнить раковины в ванной комнате и набрать как можно больше воды в ванну, прежде чем трубы опустеют.

С тревогой, бурлящей внутри, Ноа повернулся и присел на корточки перед креслом Майло.

— Ты знаешь, что я офицер полиции, и моя работа — обеспечивать безопасность людей?

Майло послушно кивнул.

— Ты помнишь, как застрял на подъемнике, как большинство электронных устройств перестали работать? Я думаю, это случилось и здесь, а может быть, и в других местах.

— Людям нужна помощь.

— Да. Очень важно, чтобы я связался с шефом Бриггсом и городским советом, чтобы убедиться, что все в Фолл-Крик в порядке. Я знаю, что сейчас Рождество, но мы должны убедиться, что все в безопасности.

Лицо Майло омрачилось, но он не протестовал.

— Я знаю, папа.

От той стремительности, с которой он откладывал свои собственные желания ради нужд других, у Ноа защемило сердце. Сыну и так доставались лишь крохи, оставшиеся после долгих рабочих дней Ноа. Он уже остался без матери.

И он видел, как вчера умерли два человека. Ноа нужно поговорить с ним об этом позже,

чтобы убедиться, что с Майло все в порядке.

— Мы можем проверить и Квинн? — спросил Майло.

— Конечно. — Он погладил сына по голове. — И мы займемся подарками сегодня вечером, я обещаю.

Он достал свой телефон из кармана и проверил его. Все еще мертв. Прошлой ночью он попробовал рацию. Она тоже не работала.

Тяжелое предчувствие овладело им. Он надеялся, что все не так плохо, как он боялся. Но что, если Квинн права, и энергосистема будет отключена на месяцы или даже дольше? Что они будут делать?

Глава 16

Ноа

День второй

— Надевай ботинки, — сказал Ноа Майло. — И свежие перчатки, и свою синюю шапку.

Пока Майло выполнял указания, Ноа пошел в свою спальню и на мгновение остановился перед комодом Ханны. Он провёл рукой по ручке верхнего ящика.

Он не открывал этот ящик уже много лет. Два года назад он наконец освободил их общий шкаф, но к комоду так и не притронулся. В верхнем ящике все еще хранились ее зеркало, косметичка и деревце для украшений.

А в ящике для носков, засунутые в неиспользованную пару пушистых рождественских носков, двести долларов наличными, которые она настояла, чтобы они отложили на крайний случай.

Они спорили из-за этих двухсот долларов. Когда с деньгами становилось туго, им приходилось выбирать: использовать деньги на экстренный случай, чтобы оплатить счет за электричество, или неделю питаться раменом, чтобы дотянуть до дня зарплаты. Она заставила их есть рамен.

Он немного удивился, что она не взяла их с собой в ту ночь, когда ушла, поклявшись, что на этот раз они расстались навсегда. Но, конечно, она не взяла и Майло.

Это означало, что она вернется. Она никогда бы не оставила Майло. И уж точно не на Рождество.

Ей просто требовались несколько часов, чтобы выпустить пар, проветриться и выпить с подругой. Это все.

Или так он думал. Именно поэтому Ноа никому не сообщал об ее исчезновении до самого утра. Не позвонил ее лучшей подруге, Карли. Даже не пошел искать ее сам.

Может быть, если бы он это сделал, ангельский голос Ханны сейчас наполнял бы их дом, когда она смеялась и пела рождественские гимны и классические рок-песни вместе с Майло. Может быть, дом не казался бы таким холодным, с электричеством или без него.

Он мог бы вернуть ее. Ему нравилось думать, что так и вышло бы, если бы у него появился еще один шанс.

Ноа покачал головой. Он уже тысячу раз терял себя в водовороте самообвинений и рассуждений в духе «что-если». Это не приносило ничего, кроме страданий о прошлом в настоящем.

Он упорно боролся, чтобы устроить жизнь для себя и Майло, чтобы создать радость там, где ее не заслуживали — во всяком случае, не он. Он не собирался позволить призраку собственного сожаления отнять нормальную жизнь у него, у Майло.

Ноа открыл ящик, нашел носки и достал деньги. Если случившееся приняло массовый характер, магазины не смогут принимать кредитные карты. Банки не разрешат транзакции, поскольку в наши дни все компьютеризировано. Наличные средства станут королями.

На эти деньги он мог купить продукты, чтобы хватило еще на неделю или около того. И дров. После встречи с шефом Бриггсом он забежит в магазин «Френдли» и купит как можно больше продуктов.

Если, конечно, он сможет туда добраться. Его заглохшая «Киа» все еще стояла на парковке «Биттерсвит» в шестидесяти милях отсюда.

А что потом? Что будет, когда закончатся деньги и еда? У него не находилось ответа.

Он остановился перед комодом Ханны еще на мгновение и закрыл глаза. Под кожаной перчаткой он нашел обручальное кольцо. Обручальное кольцо, от которого он не мог избавиться.

— Я не знаю, как это сделать, — сказал он вслух. — Не знаю, смогу ли защитить его.

В ответ лишь тишина.

Чего он ожидал? Иногда ему казалось, что она присматривает за ними, благосклонное присутствие, оберегающее Майло. Сейчас он не чувствовал ничего.

Ноа остался совершенно один против безликой проблемы, которая превосходила его самого, настолько, что он даже не мог представить себе ее далеко идущие последствия.

Чувство тревоги не покидало, пока он быстро надевал форму, проверял табельное оружие — Глок 19 — и убирал его в кобуру напротив электрошокера, выданного ему в отделе.

Час или два, которые он обещал Майло, могли растянуться надолго. Если ему понадобится что-то сделать в официальном качестве, он должен быть готов.

Через несколько минут они с Майло вышли из дома и побрели по снегу, причем Майло был так закутан, что Ноа едва мог разглядеть его лицо. Температура держалась около десяти градусов. Буря закончилась вчера вечером, но снежинки все еще тихо падали с серого неба.

Район, в котором они жили, довольно старый, дома в основном кирпичные, с отдельными уровнями, двухэтажные с мансардными окнами и несколько колониальных. Как и многие дома в Фолл-Крик, каждый дом стоял на своем участке площадью один или два акра с септической системой и колодцем.

В доме Ноа тоже всё это было. У него имелась вода в колодце, он понимал это. Просто не знал, как к ней добраться. Еще один пункт в его растущем списке.

От всех этих дел, скопившихся в его мыслях, у него разболелась голова.

Ноа постучал в бордовую входную дверь миссис Гомес, Майло стоял рядом с ним. Он подождал немного, затем постучал снова, громче. Миссис Гомес слышала плоховато.

— Миссис Гомес!

Нет ответа. Ярко-красный кардинал запрыгнул на голую ветку клена и щебетал над ними.

Он постучал громче. Непонятно, почему она не подошла к двери. Ее темно-зеленый «Додж Караван» все еще стоял на подъездной дорожке под снежным одеялом.

На чистом дворе и подъездной дорожке не наблюдалось никаких следов, кроме их собственных.

— Почему она не отвечает? — спросил Майло. — Может, ее нет дома.

— Я не знаю, почему.

Майло потерял свои руки в варежках.

— Мы должны проверить. Может, она снова упала с лестницы.

— Я думаю, ты прав.

Сын потянул Ноа за руку.

— А как насчет ее кислородного баллона, папа? Она держит его подключенным к розетке. Что если с ним что-то случилось вчера?

Ноа напрягся. Воспоминание о смерти мистера Денга после отказа кардиостимулятора все еще живо в его памяти. Миссис Гомес было семьдесят семь лет, и она страдала от тяжелой формы хронической обструктивной болезни легких. В последний год она повсюду возила с собой свой баллон.

Несмотря на свои медицинские ограничения, она любила Майло и часами собирала с ним замысловатые пазлы или играла в Лего, читала ему, учила покеру и другим неуместным карточным играм.

Ноа вытащил связку ключей. У него хранился ключ от ее дома с тех пор, как она начала присматривать за Майло, вскоре после исчезновения Ханны.

— Ты прав, Майло. Мы должны проверить.

Дом выглядел таким же темным и холодным, как и их собственный. Он едва мог разобрать обои с цветочным рисунком, масляные лампы и салфетки, украшавшие журнальный столик, тумбочки и камин.

В гостиной пахло ароматической смесью и чем-то лекарственным.

— Садись на диван и жди меня, — сказал Ноа сыну, включив фонарик. Майло повиновался.

Тишина давила на Ноа, пока он шел по коридору в спальню миссис Гомес. Он осветил фонариком на небольшой комочек под вздыбленным покрывалом.

Кислородный баллон стоял рядом с кроватью. Под покрывалом виднелись прозрачные трубки.

— Миссис Гомес? Вы в порядке?

Она не двигалась.

Он осторожно отодвинул одеяло. Миссис Гомес лежала, свернувшись калачиком под одеялом в кружевной белой ночной рубашке, ее седые пушистые волосы разметались по подушке. Маленькие трубки от портативного кислородного аппарата рядом с кроватью протянулись вокруг ее вялого, воскового лица и вводились в ноздри.

Она была неподвижна и слишком холодна. С замиранием сердца он проверил пульс и подтвердил свои подозрения. Миссис Гомес умерла.

Он всегда говорил Майло, что утром все будет лучше. Каким бы ужасным ни случился день, хороший сон решал все проблемы.

На этот раз он боялся ошибиться.

Утром дела обстояли не лучше. Даже намного хуже.

Глава 17

Ноа

День второй

— Папа! — Майло позвал из гостиной. — Кто-то снаружи!

Ноа выключил фонарик и поспешил обратно в гостиную. Он выглянул в окно. Снегоход работал на холостом ходу рядом с подъездной дорожкой.

Джулиан Синклер слез с него, снял шлем и поднял на лоб очки. Он помахал рукой.

Ноа двинулся к входной двери.

— С миссис Гомес все в порядке? — спросил Майло.

Ноа вздрогнул. Он не знал, что сказать своему сыну, который любил старушку как приемную мать. Майло видел, как вчера умерли два человека. Как это повлияло на психику восьмилетнего ребенка?

Еще один мертвый человек может оказаться для него слишком тяжелым испытанием. Даже для Ноа это уже чересчур.

— Ее нет, — солгал Ноа. Он подберет нужные слова позже. — Наверное, кто-то из друзей забрал ее на день, чтобы она не праздновала Рождество одна.

Майло улыбнулся.

— Это хорошо.

— Я тоже так думаю. Пойдем, поздороваемся с дядей Джулианом.

— Привет, малыш! — крикнул Джулиан, когда они вышли из дома. Он повернулся к Ноа. — Счастливого, блин, Рождества. Ты можешь поверить в этот бардак?

— Значит, все так плохо?

— Ужасно. Что случилось вчера? Ты сказал, что приедешь. Подумал, что ты застрял без рабочей машины, как и все мы.

— Мы застряли на подъемнике. — Ноа не хотелось пересказывать подробности, не в присутствии Майло. — Это полный отстой.

— Черт. Наверное, да. — Джулиан провел рукой по своим коротким светлым волосам. Он был высоким и подтянутым, харизматичным и красивым, с очаровательной улыбкой, которая нравилась женщинам, хотя никогда не мог связать себя с кем-то надолго.

Ноа наклонился поближе и понизил голос, чтобы Майло не услышал.

— Что насчет жертвы, найденной вчера? Есть какие-нибудь зацепки или улики?

Джулиан закатил глаза.

— Я же говорил тебе. Просто еще один наркоман. Мы разберемся с этим позже. Жертва находится в морге в Сент-Джо. Надеюсь, их генератор еще работает. Он никуда не денется, во всяком случае. У нас есть проблемы поважнее, брат. Пойдем. Нам пора.

— Куда идти?

— В старое здание суда. Они ждут нас. Моя мать хочет, чтобы копы присутствовали там. Чем быстрее мы закончим это экстренное заседание совета, тем скорее вернемся к своей работе.

Джулиан Синклер отличался нетерпением. Он по натуре был человеком действия. Он ненавидел заседания и комитеты; предпочел бы делать что-нибудь, что угодно, только не сидеть без дела. Все еще холостой и не обремененный семейными обязанностями, он проводил время, катаясь на горных лыжах и снегоходах, охотясь и играя в азартные игры.

— У меня Майло, — Ноа прочистил горло. — Его няня... недоступна.

— Просто бери его с собой. Это важно. — Джулиан закатил глаза. — Кроме того, он славный паренек, и ты знаешь, что моя мама не будет против.

Фолл-Крик представлял собой чартерный поселок с попечительским советом, который входил в состав поселкового совета. Розамонд Синклер, мать Джулиана, была управляющей поселком. Она действовала как мэр, хотя это не был ее официальный титул.

Ей нравился Ноа — и она души не чаяла в Майло. Он стал внуком, которого не подарили ей два ее собственных сына.

Розамонд всегда работала, у нее не оставалось времени на посещение зоопарка Джона

Болла или выпечку домашнего печенья, но она никогда не забывала о его дне рождения или Рождестве, всегда приносила бутылку вина для Ноа и искусно завернутый подарок для Майло — новый велосипед или эксклюзивный набор Лего.

Это намного больше, чем когда-либо делали его собственные родители.

Джулиан похлопал по сиденью снегохода — древнего «Кавасаки Интерцептор 550».

— Поехали. Он двухместный, но Майло маленький. Он может поместиться между нами.

От дома Ноа до ратуши всего три мили. Ноа колебался, не был уверен, но быстро сдался.

У него не осталось вариантов.

Он помог Майло сесть.

— У нас нет шлемов. Езжай медленно. — Джулиан не знал, что значит «медленно». —

Я серьезно.

Джулиан хихикнул.

— Разве я смогу ехать быстро на этом старом драндулете?

— Где ты вообще его взял?

— Сейчас работают только старые вещи. Странно, правда?

— Насколько широко это распространилось? Это затрагивает весь штат? Весь Средний Запад?

— Черт его знает. Моя мама сказала, что нашла кого-то, кто может рассказать нам больше.

Джулиан завел двигатель, и он взревел трубным рыком, заглушив любой ответ, который мог дать Ноа.

Ноа крепко уселся на сиденье и прижался к Майло, чтобы тот не упал. Они пересекли мост через Фолл-Крик, который на самом деле никакой не ручей, а широкая, глубокая река.

Река почти огибала город широкой змеевидной С-образной линией, вливаясь в реку Сент-Джо на севере и впадая в озеро Мичиган в пятнадцати милях к северо-западу. В нескольких милях к югу плотина отделяла Фолл-Крик от озера Чапин, популярного места отдыха для рыбалки, катания на лодках, водных лыжах и гидроциклах в летнее время.

Поездка в город оказалась короткой и холодной. «Город» слишком щедро сказано. Большинство заведений располагались вдоль Мейн-стрит, а на южной стороне, через мост, находилась бакалея «Френдли Фрэш Гроув». С северной стороны город замыкала гостиница «Фолл-Крик», расположенная на берегу реки.

Хотя сегодня Рождество, несколько десятков человек, одетых в зимнюю одежду, стояли в очереди у бакалейной лавки «Френдли». То же самое происходило и в семейной аптеке Винсона на другой стороне улицы. Люди толпились снаружи, стремясь получить лекарства по рецепту, даже если компьютерные системы не работают.

После продуктового магазина тротуары по большей части пустовали, рождественские венки, украшавшие фонарные столбы, покачивались на легком ветерке. Изредка посреди дороги попадались заглохшие автомобили и грузовики, хотя многие успели съехать на обочину.

Они проехали несколько поворотов, но ничего серьезного. Все вокруг утопало по меньшей мере в футе свежего снега, не считая того, который уже выпал. За исключением продуктового магазина и аптеки, все магазины стояли в темноте. Бензоколонка. Пиццерия и кафе Пэтси. Авторемонтная мастерская Ганди и прачечная.

Единственный светофор тоже не горел. На востоке находились апартаменты на Мейн-стрит и часть кварталов. На западе располагались старшая школа и объединенная

начальная/средняя школа, парикмахерская, стоматологический кабинет и почтовое отделение.

Джулиан с ревом въехал на парковку старого здания суда, расположенного в центре города, сразу налево от светофора. Историческое здание в стиле греческого возрождения украшали большие белые колонны, навеянные древними храмами. Его построили в 1846 году, и оно служило окружным судом, пока в середине двадцатого века в соседнем городе Сент-Джо не построили новое здание суда.

В наши дни половина здания использовалась как музей и объект культурного наследия для экскурсий местных школьников, другая половина для заседаний мэрии и городского совета.

Ноа помог Майло слезть со снегохода, пока Джулиан глушил двигатель. В нескольких кварталах к северу виднелась церковь «Кроссвей», а также магазин Фуллера, банк и таверна «Файрсайд».

Ноа повернулся к Майло.

— Помнишь музейную зону со старомодными столами? Там можно посидеть у одного из окон и почитать книги по истории Мичигана. Весело, правда?

Майло скорчил гримасу.

— Фу, нет.

Ноа удалось натянуто усмехнуться.

— Я знаю, сынок. Знаю. Мне придется многое компенсировать.

Майло оживился.

— Мороженое с арахисовым маслом?

— Я ничего не обещаю, но посмотрю, что можно сделать.

Через пять минут Майло уже расположился внутри, а Джулиан шел за ним по узкому коридору к главной комнате совета. В коридоре было светло, над головой гудели флуоресцентные лампы. Ноа моргнул.

— Здесь не так холодно. И свет горит.

— Генератор все еще работает. В гостинице «Фолл-Крик» тоже есть генератор. У «Френдли» и аптеки Винсона тоже. Хотя многие другие генераторы вышли из строя.

Ноа кивнул, когда они вошли в зал заседаний.

— Добро пожаловать в клуб «Конец света», — мрачно сказал шеф Бриггс. — Поскольку, очевидно, все считают, что это именно так.

Глава 18

Квинн

День второй

Квинн переместилась на другое место. Кора дуба оцарапала ее холодную щеку, но она едва обратила на это внимание.

Обхватив ногами толстую ветку дерева и скрестив их, чтобы удержаться на месте, она наклонилась вперед. Ветки кололи и царапали ее живот, а куртка задралась вверх.

Она неуверенно наклонилась, сосредоточив все свое внимание на рогатке, которую держала в руках, натянула ремешки, притянула к правой щеке, своей точке опоры, и прицелилась в белку, сидящую на ветке дуба в двадцати футах от нее.

Успокоив дыхание, она сосредоточилась, наклонив рогатку под углом сорок пять градусов, подушечками пальцев и большим пальцем зажала шарик патрона в патронташе. Она достигла максимальной длины вытягивания и отпустила ремешки.

Стальная пулька диаметром три восьмых дюйма полетела к цели со скоростью около двухсот футов в секунду. Она попала белке в боковую часть головы ниже уха, пробила череп и пронзила мозг.

Животное не издало ни звука, упав с ветки высотой пятнадцать футов и упав хвостом вперед на снег. Тихий звук «пффф» нарушил тишину.

Квинн не сразу спустилась с дерева. Она лежала неподвижно, неглубоко дыша, наблюдая, как клубы ее дыхания смешиваются с холодным воздухом. Холод проникал в ее кости.

Было позднее утро. Температура держалась чуть выше нуля, день был пасмурным, как и все предыдущие, но, по крайней мере, вчерашняя метель утихла.

В подлеске шуршали маленькие существа — бурундуки и белки, мыши и кролики. Где-то неподалеку каркала ворона.

Она должна пойти в дом. И она так и сделает, буквально через минуту. Есть что-то такое в зиме, что всегда нравилось ее творческой натуре. Неподвижность. Белизна.

Все совершенное, красивое и нерушимое, даже если под ногами гниющие, уродливые вещи. На какое-то время можно забыть об уродстве, скрытом под снегом.

За бабушкиным домом находился густой лесной массив, который лежал между их улицей и собственно поселком и Мэйн-стрит. Река протекала в нескольких сотнях ярдов к востоку.

Двигатель квадроцикла нарушил тишину — он тархтел и дребезжал, словно работал на последнем издыхании.

Квинн вздохнула. Она могла бы привыкнуть к миру без гула двигателей и механизмов. Если честно, она думала об этом только тогда, когда ей не нужно было куда-то идти. Передвигаться только на лыжах и снегоступах всегда просто ужасно.

Слава богу, что есть «Оранж Джулиус». Хотя бензин в нем рано или поздно закончится. Хорошо, что дедушка хранил несколько канистр с топливом в сарае.

Квинн сунула рогатку в карман куртки. Она ухватила за ветку обеими руками, разжала лодыжки и скатилась вниз, позволяя ногам свисать под ней.

Падение с высоты всего четырех-пяти футов. Ничего такого, чего бы она не делала сотни раз. Она вдохнула и выдохнула, от холода волоски в ноздрях зашевелились, горло саднило.

Она на секунду закрыла глаза, вспоминая прошлую ночь. Кресельный подъемник. Снег и жестокий холод, тревога и страх. Эти двадцать пять футов показались ей тысячей.

Как замерз ее дедушка. Его ресницы покрылись коркой снега и льда. Его открытые глаза стали стеклянными, как шарики. Вся его яркая жизнь улетучилась в одно мгновение.

Она открыла глаза и упала на землю, ее ботинки глубоко погрузились в снег, а согнутые колени приняли удар на себя. Она выпрямилась и пошла к упавшей белке.

Когда-то она брезговала смертью, ненавидела охотиться на живых существ.

Она все еще ненавидела убивать, но делала это, потому что хотела знать, что может. Потому что дедушка и бабушка научили ее выживать.

И она нуждалась в этом не один раз.

«Никогда не убивай ради забавы, — наставлял ее дедушка. — Тогда ты заслужишь позор. Но убийство для поддержания жизни — это часть природы. Всегда уважай жизнь. И смерть».

В ее груди нарастала дикая боль. Потеря дедушки стала такой огромной, что она едва ли

знала, как ее измерить. На глаза навернулись слезы и тут же замерзли. Она яростно смахнула их.

Она никогда раньше не видела, чтобы бабушка плакала. Ни разу. До прошлой ночи.

После того, как Квинн вернулась поздно вечером в канун Рождества, полузамерзшая и оцепеневшая от горя, они сидели на кухне у потрескивающей дровяной печи, бабушка плакала, Квинн страдала, бабушка обнимала ее так, как не делала с тех пор, как Квинн была маленькой.

Этим утром бабуля занималась своими делами механически, почти не говоря, медленно и точно, словно если она допустит ошибку, ее сердце разорвется, и вся ее печаль выльется нескончаемым потоком.

Квинн чувствовала себя точно так же. Женщины в ее семье прекрасно проявляли гнев и раздражение, недовольство и язвительность. Но не были так сильны в сильных эмоциях. Настоящих.

Не так, как дедушка. Он был тем, кто целовал ободранные коленки и сглаживал обиды. Своими огрубевшими и мозолистыми, но нежными руками, он всегда мог обнять или ласково погладить по плечу.

Звук квадроцикла становился все громче. Живот Квинн сжался от дурного предчувствия. Она не могла видеть, как он проносится по дороге, но ей это и не нужно. Она уже представляла его в своем воображении: красная как яблоко «Хонда Форттракс» 300 4x4 1988 года, заляпанная грязью и снегом.

Это был четырехколесный квадроцикл Рэя Шульца. Парня ее матери. Но Октавия ездила на нем так же часто, как и он.

Двигатель выключился. Раздался знакомый голос ее матери:

— Квинн! Я знаю, что ты здесь! Выходи сейчас же!

Квинн схватила белку за хвост одной рукой, а другой смахнула снег, кусочки коры и сломанные ветки со своих утепленных зимних штанов и передней части куртки, когда входила в бабушкин дом через заднюю дверь.

Кухня оказалась пустой, если не считать кошек. Тор и Один, свернувшись калачиком на ковре перед дровяной печью, спали. Локи, непослушный полосатый кот, сидел посреди стола и вылизывал лапы. Он наклонил свою пушистую голову и одарил Квинн самодовольным взглядом, словно совсем не жалел, что попался.

Квинн указала на него.

— Пошел со стола! Пока я не заставила тебя пожалеть об этом!

Локи недовольно мяукнул, пренебрежительно вильнул хвостом и не спеша подошел к краю и спрыгнул вниз. Квинн закатила глаза.

Бабушка возилась за сараем, обрабатывая зимний сад, где она выращивала морозостойкие овощи: репу, морковь, капусту, цветную капусту, лук, чеснок и мангольд. Она выращивала все в переносных парниках — деревянных рамах с прозрачными, жесткими крышками из поликарбоната.

Они не отапливались, но улавливали солнечную энергию и укрывали урожай от непогоды. Внутри их лежала алюминиевая фольга, чтобы увеличить количество света и сохранить тепло. В то утро Квинн помогла бабушке счистить снег с рам, чтобы предотвратить образование льда.

«Надеюсь, бабушка останется там. Вдобавок ко всему прочему, ей не стоило возиться еще и с Октавией».

Квинн положила белку на покрытый газетами прилавок. В бабушкиной дровяной печке потрескивал и шипел огонь. В кухне было тепло. Слишком тепло. Тепло укололо ее озябшую кожу.

Она расстегнула куртку, сняла шапку и перчатки и сунула их в карманы. У бабушки в гостиной стоял камин, а на кухне — старая дровяная печь. Дровяная печь давала больше тепла, поэтому они как можно чаще оставались на кухне.

Мать Квинн вошла на кухню из гостиной, входная дверь осталась слегка приоткрытой. Ее сапоги тащили за собой комья снега.

— Какого черта ты делаешь?

Беспокойство переполняло ее, но она держала подбородок высоко поднятым, а взгляд твердым.

— Никакого.

Октавия Райли отличалась бурной энергией и диким взглядом. Она была болезненно худой, с длинными костлявыми конечностями, исхудалыми щеками и грязными волосами. Квинн почти ничего не помнила о своей матери, кроме того, что она наркоманка.

Октавия прислонилась к холодильнику, закуривая сигарету трясущейся рукой.

— Ты не пришла домой вчера вечером. Я даже не знала, где ты. Мы очень волновались!

Октавия даже не удосужилась вспомнить, что вчера был день рождения Квинн. Гнев и обида пылали в ее груди.

— Нет, не волновались. Ты просто хотела, чтобы кто-то убрал за тобой.

Темные глаза Октавии вспыхнули. Она угрожающе шагнула к Квинн. Ее руки дрожали. Все ее тело гудело от напряжения и нужды, как натянутый провод.

Квинн не вздрогнула. Она давно научилась не вздрагивать.

Ее мать была крайне вспыльчивой, но только ругалась и почти не рукоприкладствовала. Только иногда шлепала или дергала Квинн за волосы. Она становилась сильной и неистовой, когда находилась под кайфом, но Квинн обычно оказывалась быстрее.

А вот ее парень — совсем другое дело.

Квинн скрестила руки перед грудью. Она устала от этого. Надоели эти извращенные, токсичные игры. Ее бабушка мертва. Электричество отключилось. Все перевернулось с ног на голову.

Все вокруг изменилось, но Октавия осталась той же жалкой, обиженной, неудачливой наркоманкой, какой была всегда. И даже конец света не мог этого изменить.

Глава 19

Квинн

День второй

— Если ты вдруг не заметила, все летит к чертям, — заявила Квинн с большим нахальством, чем чувствовала. — Считай это моим заявлением об уходе.

— Не смей так со мной разговаривать! — Октавия ткнула сигаретой в лицо Квинн. Ее черты исказились в кипящем презрении. — Не смей. Ты, неблагодарная соплячка!

Когда-то давно это ранило. Все эти крики и обзывания. Квинн сказала себе, что ей больше не больно. Она больше не позволит себе переживать из-за слов матери. Она построила свои стены толстыми и непробиваемыми — и они должны оставаться такими. Они созданы из рубцовой ткани.

Она пристально посмотрела на мать, встретившись взглядом с ее жесткими глазами с

красной поволокой. Октавия выглядела так, будто не мылась несколько недель. Запах дыма не скрывал вони, исходившей от ее грязной одежды.

Октавия сначала моргнула. Дрожащей рукой она откинула за уши длинные сальные волосы и затянулась сигаретой.

— Что тебе нужно? — резко спросила Квинн. — Что ты вообще здесь делаешь?

— Мы умираем с голоду! А ты как думаешь? Нам нужна еда. И нам нужны вещи для обмена. — Чтобы обменять на наркотики, но Октавии не требовалось этого говорить. Это итак понятно.

Мать подошла к кладовой и распахнула дверцы. Домашнее яблочное пюре, персики, сушеные фрукты, запечатанные контейнеры с мукой, фасолью и зерном стояли на полках бабушкиной кладовой.

Октавия подошла к раковине и, пригнувшись, открыла шкафчик под ней. Она вытащила пару больших мусорных пакетов.

— Помоги мне, детка.

Квинн не двигалась. Конечно, у Октавии не осталось еды уже через день. Она никогда не беспокоилась о том, чтобы сходить в продуктовый магазин. Именно Квинн всегда приходилось искать пропитание.

— Что стоишь? Иди сюда.

— Черт, нет. Ни за что, блин. Я не буду помогать тебе воровать у бабушки.

Октавия закатила глаза и начала сама запихивать банки в мусорный пакет. Она действовала небрежно. Банки звенели друг о друга, чуть не разбиваясь.

— Что это за ерунда с мукой и мешками бобов? Я не могу это есть. Где остальное?

— Остальное что?

— Не нахами мне, девчонка! Где вся еда? Я знаю, сколько мама с папой припрятали. Не пытайся скрыть это от меня. — Лицо Октавии исказилось от отвращения. — Мама всегда любила держать все при себе и оставлять объедки для меня.

— Это неправда.

— Они до сих пор обводят тебя вокруг пальца? — Октавия злобно ухмыльнулась, обнажив гниющие зубы, и помахала сигаретой, распространяя дым, который, как она знала, бабушка ненавидела. Он всегда вызывал у дедушки кашель и раздражал его легкие.

Грудь Квинн сжалась. Дедушки здесь больше нет. Он все еще торчал на том дурацком горнолыжном курорте, на котором настоял, точно ледяное мороженое.

Теперь он ни для кого не представлял особой важности, так как мир катится к чертям собачьим. Одна из его любимых фраз. И теперь она могла оказаться правдой.

— Октавия.

Ее мать игнорировала ее.

— Октавия!

Наконец, она в раздражении подняла голову.

— Что!

— Дедушка... — Слова рвались на языке Квинн, как колючая проволока. Просто произнести это вслух оказалось больно. — Дедушка умер.

Это наконец-то дошло до Октавии.

Она застыла, ее дрожащие руки опустились к бокам. Дым от ее сигареты лениво поплыл к потолку.

— Что?

— Его кардиостимулятор перестал работать, когда все остальное остановилось. Он застрял на улице в холоде. Это подвергло его организм сильному стрессу. Его сердце просто... не выдержало.

Это только часть, но это единственная часть, которая имела значение.

Взгляд Октавии бешено скакал по маленькой кухне, словно ища что-то, на чем можно сосредоточиться, за что можно ухватиться. Ее покрасневшие глаза блестели. Она вытерла лицо, едва не обжегши щеку сигаретой.

— Я... я не знала этого.

Квинн не жалела ее. У нее не осталось жалости. Горе, обида и злость заняли все пространство в ее груди, расширяясь до тех пор, пока не стало трудно дышать.

— Ты даже не спросила, как там дедушка или бабушка. Тебе все равно. Тебе никогда не было дела!

Октавия вздрогнула. Она затушила сигарету о газеты, покрывавшие прилавок, и оставила окурки рядом с мертвой белкой. Она стояла там, дрожа, и просто смотрела на белку.

В этот момент все следы ее наркотической зависимости исчезли. Она выглядела на много лет моложе. Потерянная и уязвимая.

По старым фотографиям Квинн знала, что Октавия когда-то была красивой: ее грязные волосы когда-то были длинными, черными и блестящими, кожа имела здоровый оливковый оттенок, пожелтевшие и разрушающиеся зубы когда-то были ровными и белыми, когда она улыбалась, ее темные глаза, такие же как у Квинн, сияли и были здоровыми.

Октавия и Квинн обе переняли вьетнамское наследие дедушки, хотя их кожа выглядела светлее. Отец Квинн был американцем китайского происхождения, которого в младенчестве усыновили, поэтому она выглядела больше похожей на азиатку, чем ее мать.

У Квинн сохранилось очень мало фотографий ее отца и ноль воспоминаний. Он продержался достаточно долго, чтобы годичный брак закончился катастрофически, решил, что родительство — не его конек, и уехал работать на нефтяных вышках на Аляске.

У Квинн осталась его фамилия и больше ничего. С тех пор никто в Фолл-Крик ничего с ним не слышал. А его родители — ее биологические бабушка и дедушка — вскоре после этого переехали.

Единственной семьей, что осталась у Квинн, были ее мать и бабушка. Хотя Октавия почти не считалась.

Слезы потекли по лицу Октавии.

— Я должна была быть здесь. Я даже не успела попрощаться... Мне жаль. Мне так жаль...

Квинн позволила гневу вспыхнуть в ней, позволила ему вытеснить печаль и грусть. Октавия теперь сожалела? Конечно, да. Но слишком мало, слишком поздно.

Выражение ее лица ожесточилось.

— В этом-то и проблема, верно? Ты никогда не думаешь. И тебя никогда нет.

Не то чтобы Квинн хотела видеть ее рядом. Присутствие Октавии делало ее нервной и напряженной. Она всегда отсчитывала секунды до того момента, когда сможет сбежать от матери и нелепого притворства, что они любят друг друга или являются хоть каким-то подобием семьи.

И все же необъяснимая смесь обиды и тоски бурлила у нее в душе. Квинн нужна мать, какой положено быть Октавии, а не та жалкая версия, которая ей досталась.

Октавия вынырнула из оцепенения. Что бы она ни чувствовала — печаль, раскаяние — все это исчезло в одно мгновение. Ее глаза потускнели.

— Вот в чем твоя проблема? Всегда обвиняешь людей. Всегда такая гадкая. Рэй прав, насчет тебя.

— Рэй — придурок с волосатыми ушами.

— Снова умничаешь? — Октавия подхватила тяжелый мусорный мешок, наполненный бабушкиными запасами, и перекинула его через плечо. — Я вернусь за добавкой.

— Лучше не приходи.

Не говоря больше ни слова, Октавия повернулась, прошла через кухню и гостиную, распахнула входную дверь и захлопнула ее за собой.

Квинн стояла посреди теплой кухни, одна, если не считать кошек, обхвативших ее за лодыжки. Она моргнула от внезапной влаги в глазах.

— И тебя с чертовым Рождеством.

Глава 20

Ноа

День второй

Обстановка в зале заседаний не отличалась изысканностью: бежевые стены, бежевый ковер и длинный прямоугольный стол в центре. Около десяти человек сидели вокруг него.

Прожив в этом городе большую часть своей жизни, Ноа узнал всех, включая начальника полиции, нескольких полицейских, президента ротари-клуба* и нескольких владельцев местного бизнеса.

Ротари-клуб — некоммерческая общественная организация представителей бизнеса и профессиональной элиты, людей с хорошей деловой и профессиональной репутацией, верящих в важность оказания гуманитарных услуг, поддержание высокого этического уровня в любых видах профессиональной деятельности, оказывающих помощь в обеспечении мира во всем мире, а также верящих в важность развития взаимопонимания между народами.

Во главе стола сидела суперинтендант города Розамонд Синклер. Это была невысокая, стройная женщина со светлыми волосами, подстриженными в боб-каре, подчеркивавшими ее сильные скулы и привлекательные черты лица.

Розамонд, хорошо выглядела в свои пятьдесят с небольшим, была осмотрительной и щепетильной женщиной. Она никогда не позволяла себе необдуманных фраз. Каждый предмет одежды, каждый жест и тон выверены, намеренно подобраны.

Розамонд поманила Ноа наманикюренными пальцами.

— Входи, входи. Джулиан сказал мне, что ты вчера находился в «Биттерсвит», когда отключили электричество. Уверена, что возвращение обратно далось тебе с большим трудом.

В голове Ноа промелькнул образ застывшего дедушки Квинн, а затем Брока в агонии и шоке, умирающем прямо на их глазах.

Джулиан выбрал стул рядом с матерью и плюхнулся в него. С трудом, Ноа занял место рядом с ним.

— Что-то вроде того.

Розамонд улыбнулась ему.

— Рада, что вы с Майло вернулись целыми и невредимыми.

Большую часть подросткового возраста Ноа провел в ее доме, ночуя на полу в комнате Джулиана, совершая набеги на холодильник в полночь, пронося травку в ее подвал.

Конечно, это происходило до того, как они с Джулианом исправились и стали полицейскими.

Хотя семья Синклеров отличалась богатством и влиянием в маленьком городке — отец Розамонд работал судьей, а оба ее дяди были управляющими в 90-х и начале 2000-х годов — она никогда не смотрела на него свысока и относилась не иначе, чем как к члену семьи.

Мать Ноа уехала жить к бойфренду в Сиэтл, когда Ноа ходил еще в среднюю школу. Его отца-бухгалтера осудили за отмывание денег и отправили в тюрьму, когда ему исполнилось девятнадцать, но хреновым отцом он был задолго до этого. Семья Синклеров стала его фактической семьей

— Еще раз спасибо всем вам за то, что пришли так быстро. Да еще и в Рождество, — Розамонд обвела взглядом комнату. — Я попросила наших доверенных представителей правоохранительных органов присутствовать здесь вместе с шефом Бриггсом. Уверена, вы все понимаете, почему.

Собравшиеся за столом понимающе закивали. Лица людей оставались напряженными и сосредоточенными.

— Возможно, у нас на подходе чудовищный кризис, — сказала Розамонд, — и я, со своей стороны, хочу быть готовой к его преодолению.

— Это просто отключение электричества, — уверенно проговорил шеф Бриггс. В свои шестьдесят с небольшим, обладая морщинистым лицом бульдога, он отличался раздражительным характером. — Немного не так, как обычно, но ничего такого, с чем мы не могли бы справиться.

В отделе полиции числилось четыре штатных сотрудника, два сотрудника на полставки и десять резервистов, которых обычно привлекали только для дополнительной охраны парадов, окружных ярмарок и других общественных мероприятий.

Кроме Ноа, Джулиана и шефа Бриггса в комнате находился еще один офицер — Хосе Рейносо, крепкий бывший морской пехотинец лет сорока. Телосложением он напоминал танк и умел драться, как настоящий боец. Он был тихим и держался особняком, но при этом отличался чертовской преданностью.

— Я не говорила, что мы не справимся, — ровно произнесла Розамонд, — только то, что нам нужно быть готовыми. Как вы все знаете, в нашем городе серьезные перебои с электричеством. И не только в нашем городе.

— Насколько далеко все зашло? — спросил Дэйв Фаррис.

— Вчера я побывал в округе Каламазу, — сказал Ноа. — В шестидесяти милях к северу. С ними произошло то же самое, и в то же время. Чуть позже полудня.

Хосе Рейносо почесал челюсть.

— Единственное, что передают радиостанции, это стандартные экстренные ответы из офиса губернатора. Мы здесь в темноте, в прямом и переносном смысле.

— Что наводит на мысль, что эта ситуация могла сложиться в масштабах штата, —

подчеркнула Розамонд. — Как минимум.

— А что насчет остальной части юго-западного Мичигана? — спросил Ноа. — Гранд-Рапидс? Детройт? Каламазу? Кто-нибудь слышал что-нибудь лично от губернатора?

Розамонд покачала головой.

— Нет. Ничего. Мы не смогли ни с кем связаться по обычным каналам. Два наших офицера, Саманта Перез и Орен Труитт, вызвались поехать на снегоходах в Лансинг, чтобы установить физический контакт с чиновниками штата, пока мы не наладим связь.

Бриггс пренебрежительно хмыкнул.

— Это ненормально, Бриггс, — заметил Дэйв Фаррис. В свои шестьдесят с небольшим лет Дэйв был благодушным, громким, шумным белым мужчиной, который любил рыбалку, радио и спортивные автомобили. — Наши машины не работают. Наши телефоны разрядились. Какое отключение электричества могло повлиять на все это раньше?

— Что-то происходит, — поддержала Аннет Кинг, директор средней школы Фолл-Крик. Ей было около сорока лет, она увлекалась бегом трусцой, имела плотное, спортивное телосложение и серебристые волосы, подстриженные в короткое каре. Обычно Аннет отличалась уверенностью в себе, но ее лицо выглядело осунувшимся и напряженным. — Моя дочь на каникулах в Канкуне. Я не могу с ней связаться.

Шеф Бриггс скрестил руки на своей мощной груди.

— Они разберутся и запустят все через несколько дней. Нет причин для всеобщей истерики.

— Мне жаль, Аннет, — Розамонд вмешалась прежде, чем шеф Бриггс успел что-либо добавить. — Некоторые из вас знают, что мой собственный сын не вернулся в город прошлой ночью.

Ноа огляделся в поисках сводного брата Джулиана, Гэвина Пайка. Хотя он не был официальным членом совета, казалось, Пайк всегда крутился рядом, шептал на ухо своей матери, прятался в тени, улыбаясь своей мягкой фальшивой улыбкой.

Ноа никогда не нравился этот парень. Еще со школы, когда ходили слухи, что он вывихнул руку одной девушке на неудавшемся свидании. Ноа так и не смог ничего на него повесить, как бы ему этого ни хотелось.

Ноа не хотел беспокоиться о нем сейчас. Он думал о теории Квинн. Ему необходимо услышать ее от кого-то другого, чтобы осознать реальность случившегося. Он развел руки в стороны.

— Что именно произошло? Кто-нибудь знает?

Молодой чернокожий парень, которого Ноа никогда раньше не видел, резко встал и прочистил горло. На вид ему исполнилось едва ли двадцать. Высокий и худой, он носил узкие джинсы и облегающий полосатый свитер.

— Это племянник Майка Дункана, Джамал Дункан, — представила Розамонд. — Он изучает электротехнику в университете Мичигана. К счастью для нас, он приехал на Рождество. Поскольку наши коммуникационные системы... не работают в данный момент, Джамал согласился пролить некоторый свет на ситуацию. Джамал?

— Да, конечно, — Джамал неловко сдвинулся с места, его глаза метались по комнате. — Соединенные Штаты, скорее всего, пострадали от электромагнитного импульса в результате взрыва ядерной бомбы.

Несколько человек задохнулись. Джулиан сел прямее. Шеф Бриггс напрягся.

Несмотря на то, что он догадывался о том, что сейчас услышит, сердце Ноа все равно

замерло. Он схватился за подлокотники кресла, чтобы обрести опору.

— Ты хочешь сказать, что нас только что бомбили? — недоверчиво спросил Дэррил Виггинс. Это был жесткий, с хмурым лицом мужчина лет пятидесяти, Уиггинс возглавлял ротари-клуб и управлял банком Общественного совета.

Ловкий политик из маленького городка, он всегда пытался задобрить Розамонд и добиться большего влияния. Если ему удавалось выйти вперед за чужой счет, это было еще лучше.

— Да, — сказал Джамал. — Однако...

— Значит, мы умрем от радиации? — вклинился Виггинс. — А как насчет радиоактивных осадков? Мы уже отравились?

— Все не так, как вы думаете, — возразил Джамал. — Поскольку ядерная бомба взорвана в атмосфере, нет никакой опасности выпадения осадков или радиации. Проблема не в этом.

— Тогда в чем же? — спросил Дэйв Фаррис.

— Это ЭМИ. Возможно, супер-ЭМИ. Электромагнитный импульс создается во время ядерного взрыва высоко над нашей атмосферой. Если импульс достаточно сильный — а этот, похоже, именно такой — он поджаривает практически всю электронику, независимо от того, подключена она к сети или нет. В наши дни все производится с помощью компьютеров. Все в наших машинах. Наши телефоны. Даже наши холодильники подключены к сети.

— Что делает супер-ЭМИ? — спросила Розамонд.

— Он наносит гораздо больший ущерб, чем обычное ядерное оружие. Не нужно знать физику, чтобы создать высотное ЭМИ, которое будет генерировать значительно больше гамма-излучения, чем «обычные» ядерные бомбы, и которое сможет более эффективно превратить это гамма-излучение в электромагнитный импульс. Это будет сложная конструкция, но для любой ядерной державы не составит труда создать такую, которая будет производить более 25 000 импульсов на квадратный метр. Я имею в виду, с двухступенчатым термоядерным оружием, использующим экранированную первичную ступень деления и...

— Джамал, переходи к делу. — Майк Дункан не очень мягко подтолкнул своего племянника. — О какой дальности действия мы говорим?

— Да, извини. Хорошо, — Джамал прочистил горло. — Один удар супер-ЭМИ может причинить ущерб нескольким штатам. Или это может быть скоординированная атака нескольких ЭМИ, распределенных так, чтобы нанести наибольший урон.

— Что ты имеешь в виду под наибольшим уроном? — решил уточнить Майк Дункан.

— Большая часть континентальной территории Соединенных Штатов могла оказаться во тьме прямо сейчас.

Долгое время никто ничего не говорил. Они смотрели друг на друга, ошеломленные, в шоке, пытаясь осознать все это.

Дэррил Виггинс выглядел так, будто вот-вот потеряет сознание.

— Откуда ты знаешь, что это не солнечная вспышка? — спросил Ноа, пытаясь вспомнить, как Квинн назвала это явление. — Или корональная масса?

— Корональный выброс массы, — поправил Джамал. — КВМ происходит, когда плазма, которая представляет собой перегретый и ионизированный газ, выбрасывается с поверхности Солнца. Она производит магнитную ударную волну, которая распространяется на миллиарды миль в космос. Если Земля находится на пути этой ударной волны, наши

электрические системы испытывают перегрузку. В основном она воздействует на электросети, разрушая трансформаторы и длинные линии электропередач. В данном случае, поскольку большинство транспортных средств, компьютеров и телефонов не функционируют, мы можем предположить, что это ядерное ЭМИ.

— Это весьма надуманно, — прорычал Бриггс. — Сплошное воображение и нагнетание страха.

— Тогда как еще вы можете объяснить все это? — заметил Рейносо. — Это единственное, что имеет смысл.

— Соединенные Штаты Америки атакованы! — голос Виггина повысился в тревоге. — Он только что сказал...

— Скажем так, это разумное предположение, учитывая то, что мы знаем, — ровно сказала Розамонд. Она повернулась к Джамалу. — Как скоро сеть снова начнет работать?

Джамал опустил взгляд на стол.

— Годы.

— Прости, — произнес Рейносо, наклонившись вперед. — Ты только что сказал «годы»?

— Да, — Джамал провел рукой по своим жестким волосам. — Каждый трансформатор изготавливается на заказ, и на его проектирование, разработку и поставку уходит около двадцати месяцев. Они производятся на заводах, которым требуется электричество. Так что, если вся страна отключится... нам придется вводить их в эксплуатацию по одному за границей — только на наших грузовых кораблях тоже установлены электронные системы. Сколько их находилось в пределах досягаемости? Какой процент наших самолетов постоянно находится на земле? Сколько из них потеряли контроль над своими системами и совершили аварийную посадку? Вы видите, к чему я веду.

Несколько членов совета обменялись взглядами.

— Самолеты упали? — встревоженно спросил Майк Дункан.

— Все станет только хуже. Без электричества заправочные станции закроются. Нет способа вывезти газ. Во всяком случае, нет простого способа. Без электричества не работают нефтеперерабатывающие заводы. Или очень мало. На всех нас не хватит, точно не хватит. Нет бензина; грузовики не работают. Но они все равно не смогут проехать через снег. Так что магазины не получают продукты. Больницы не получают медикаменты. Водоочистные станции не получают свои химикаты.

«Аптеки не получают свои лекарства». Осознание этого факта поразило Ноа, как физический удар. Дыхание покинуло его легкие. Он чуть не упал в обморок.

Он даже не подумал о ненадежной цепи поставок. Насколько важен каждый элемент, каждое звено в последовательности. Он больше не сможет просто зайти в аптеку Винсона и взять жизненно важные таблетки для своего сына в хрустящем белом пакете.

Что ему делать? На минуту комната наполнилась белым шумом. Все стало звонким и далеким. Он ничего не слышал.

Он должен найти способ достать таблетки для Майло. Чтобы его сын оставался в тепле, безопасности и сытым. Другого выхода нет. Он найдет способ.

— В наши дни все работает по принципу «точно в срок», — сказал Майк. — Если грузовики остановятся, то через двадцать четыре часа в больницах и медицинских учреждениях закончатся основные запасы. Через три дня на заправках полностью закончится топливо. Полки магазинов и ресторанов будут пустыми. В банкоматах и банках

не останется наличных — хотя без электричества мы все равно не сможем получить доступ к деньгам. Спустя четыре недели запасы чистой воды в стране будут полностью исчерпаны.

— Это катастрофа, — тихо произнесла Аннет, ее лицо осунулось. — Это гораздо серьезнее, чем отсутствие тепла и электричества.

Джамал прочистил горло.

— Федеральная комиссия по ЭМИ предсказала, что до 90 процентов населения вымрет уже через год.

В комнате воцарилась ошеломленная тишина. У Ноа сжалась грудь. Еще мгновение назад в комнате было прохладно. Теперь она казалась слишком жаркой и слишком маленькой.

— В двух словах, — прокомментировал Джамал, — нам крышка.

Глава 21

Ноа

День второй

— Кто, черт возьми, сделал это с нами? — прорычал Джулиан сквозь стиснутые зубы. Его добродушная ухмылка исчезла. В центре лба пульсировала вена. Руки сжались в кулаки на столе.

Джамал сел обратно, выглядя подавленным и несчастным. Розамонд осталась сидеть, сложив руки перед собой, ее костюм был безупречен, ни один волосок не выбился из прически, на лице — нейтральное выражение. Крошечный мускул, подергивающийся в уголке рта, единственное, что выдавало ее.

— Наверное, Россия, — предположил Майк.

Аннет кивнула.

— Ставлю на Китай.

— Не забывайте об Иране, — добавил Рейносо. — Они — пороховая бочка, которая вот-вот взорвется.

Ноа покачал головой. Он чувствовал себя больным.

— Да, но любой, кто нападет на нас, должен понимать, что мы ответим политикой выжженной земли. Это причинит им гораздо больше вреда, чем они причинили нам.

— Может быть, их лидер совершенно безумен, как в Северной Корее. А может, они достаточно умны, чтобы свалить вину на другую страну, — Рейносо напряженно пожал плечами. — Кто знает?

Конференц-зал наполнился ропотом беспокойства, которое быстро переросло в тревогу и даже едва сдерживаемую панику. Если они поддадутся своему страху, все быстро пойдет кувырком.

Им нужно снова обрести контроль над ситуацией в комнате, иначе они окончательно потеряют его.

— В эту минуту не имеет значения, кто сделал это с нами, — сказал Ноа. — Нам нужно понять, как выжить здесь, в Фолл-Крик. Похоже, это самая большая проблема, с которой мы сейчас сталкиваемся.

— Он прав, — согласилась Аннет. — Мы сможем выяснить, Китай это или Северная Корея, позже, когда в наших домах станет тепло, а у наших детей будет еда в животе.

Мрачные кивки присутствующих.

— Спасибо, Ноа и Аннет, — Розамонд посмотрела на них, склонив подбородок. — Мы

можем тратить нашу драгоценную энергию на панику и беспокойство, а можем действовать, чтобы защитить себя и укрепить наши силы. Я, например, предпочитаю действовать.

— Где, черт возьми, Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям? — ныл Виггинс. Он обладал гнусавым, высокопарным голосом, который действовал Ноа на нервы. — Армия и Национальная гвардия? Другие страны? Они пришлют помощь. Они должны. Это их работа.

— Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям не может справиться с национальным кризисом, — тихо сказал Дэйв Фаррис. — Цепь реагирования на чрезвычайные ситуации сильна лишь настолько, насколько сильно ее самое слабое звено. Достаточно заглянуть в Департамент транспорта, чтобы понять, насколько невероятно неэффективно правительство. Неужели мы действительно хотим полностью довериться им?

Виггинс покачал головой, не веря.

— Мы платим налоги! У правительства есть соответствующие программы и процедуры. У них есть запасы!

— Только не для Фолл-Крик, — усмехнулся Джулиан. — Все, что у них есть, сначала отправляется в Детройт, Каламазу или Гранд-Рапидс.

— Даже когда Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям доберется до нас, может пройти несколько недель, прежде чем помощь дойдет до маленьких городков, — добавил Дэйв. — Как я вижу, нам придется какое-то время самим заботиться о себе.

— И мы уже сейчас наблюдаем отчаянную нужду, — заявила Розамонд. Она отвернулась от Бриггса и устремила свой взгляд на Рейносо. — Офицер Рейносо, будьте добры, предоставьте нам обновленный отчет о последних двадцати четырех часах.

Рейносо прочистил горло и сел ровнее.

— Кто-то вломился в дом МакКлинтоков прошлой ночью и украл половину запасов из их кладовой. Никто не пострадал. Восемидесятишестилетний Гровер Массенгилл скончался ночью. Никто его не проведаль. У него имелись камин и дрова, но он практически не вставал с постели.

Ропот ужаса наполнил комнату.

— На данный момент у нас четыре смерти, — серьезно сказал Рейносо. — Все пожилые люди, живущие в одиночестве. Один, очевидно, от инсульта, и трое от переохлаждения. У них либо не было камина, либо они не смогли развести огонь.

— Шесть смертей, — поправил Ноа. — Я нашел миссис Нору Гомес мертвой в ее постели сегодня утром. А один из мужчин, умерших в Биттерсвит прошлой ночью, был Донг Вэн Дйнг, давний житель Фолл Крик.

С болью Ноа подумал о Квинн. Он должен обязательно проверить ее позже.

— Нам нужно забрать его тело. Я обещал его внучке.

— Мы сделаем это, обещаю тебе, — заверила Розамонд. — У нас много дел, и дальше будет только хуже. Сейчас на первом месте живые. Еда, тепло и кров.

— И медицинская помощь, — добавил Ноа. — Доктор Прентис в городе?

— Он в Калифорнии, навещает свою дочь, — сообщила Розамонд. — Мы остались без врача.

У Ноа все сжалось внутри. Он нервно теребил обручальное кольцо. Ему нужно как можно скорее поговорить с Робертом Винсоном и получить больше лекарств для Майло.

— Шен Ли где-то рядом, — сказала Аннет. — Он работает медбратом в педиатрии. Я уверена, он будет готов помочь с любыми медицинскими нуждами.

— Превосходно, — Розамонд наклонилась вперед. — Нам нужно подумать о средствах связи, сборе и распределении пищи, транспорте, санитарии. Нужно выяснить, о каком количестве людей идет речь, и сколько среди них детей, пожилых людей и людей с особыми потребностями. Следует подумать о питании, медицинском обслуживании, канализации и мобильности. Мы должны перейти на режим экономии и нормировать наши запасы. Мы не можем слишком быстро исчерпать наши ограниченные ресурсы.

— И топливо, — подсказал Майк. Это был невысокий, грузный чернокожий мужчина с бородой и очками в проволочной оправе. Он владел единственной в городе заправочной станцией. — Генераторы, снегоходы, грузовики. Они все очень быстро остановятся, если мы не заправимся из баков. Насосы работают от портативного генератора, но и он рано или поздно исчерпает себя. Я постараюсь придумать, как подключить ручной насос к подземным резервуарам.

— Может, мы начнем выкачивать бензин из всех заглохших машин, чтобы увеличить наши запасы, — предложил Ноа.

Шеф Бриггс уставился на него так, словно у него выросли три головы.

— Ты серьезно?

— Отличные идеи, Майк и Ноа. — Розамонд старательно игнорировала шефа. — Давайте введем ограничение в пять галлонов для всех, кроме критически важного персонала. Кроме того, у нас есть несколько старых генераторов, которые мы можем установить в средней школе. Это будет наше аварийное убежище для тех, у кого нет возможности обогреть свои дома. Нам нужно будет собрать еду и воду, чтобы убедиться, что хватит на всех, пока не прибудет Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям или Национальная гвардия. — Она сделала паузу. — Если они прибудут.

— Как вы собираетесь получить все эти припасы? — спросил шеф Бриггс, хмурясь. — Мы точно не будем отнимать их у наших граждан.

Розамонд сцепила пальцы на столе.

— Конечно, нет. Мы попросим наше общество подключиться и помочь друг другу. Все добровольно.

— Я готов открыть гостиницу, если до этого дойдет, — сказал Дэйв.

— Аттикус Бишоп управляет огромной продовольственной кладовой в церкви Кроссвей, — вступил в разговор Джулиан. — Я уверен, они будут рады помочь.

Розамонд повернулась к Ноа.

— Вы ведь с ним друзья? Почему бы тебе не зайти и не посмотреть, что они могут сделать?

— Конечно, — отозвался Ноа. — Любая помощь, которую я могу оказать.

— Разумеется, — отозвалась Аннет. — Просто скажите нам, что мы должны делать.

— Мы можем помочь со связью. — Рейносо передал Ноа старую модель списанной рации. — Мы нашли семь таких в подвале сегодня утром. Они хранились в металлическом шкафчике. Я взял на себя смелость повозиться с ними, заменил некоторые детали с наших новых раций и заставил их работать. Нам нужно будет поискать батарейки, но пока мы общаемся только так.

— Нам нужно установить связь и снаружи, — Ноа повернулся к Дэйву Фаррису. — Разве у тебя нет радиостанции? Она может нам понадобиться, если мы не сможем получить

информацию по официальным каналам.

— Я думаю, что несколько схем перегорели, — сказал Дэйв. — Но Тина Ганди, дочь Джеймса, сказала, что посмотрит. Она такая же, как ее отец — еще один гений механики, и тоже довольно блестяще разбирается в электронике.

Семья Ганди владела магазином механики в городе. Джеймс был в Детройте на конференции, когда ударил ЭМИ, и до сих пор не вернулся. Его двадцатитрехлетняя дочь Тина, симпатичная жизнерадостная блондинка, которая к тому же отличалась невероятным умом, приехала на рождественские каникулы из университета штата Мичиган.

— Я могу помочь, — предложил Джамал.

— Отлично, — сказала Розамонд. — Дэйв, Джамал и Тина отвечают за то, чтобы запустить радио и обеспечить совет свежими новостями.

— Я соберу несколько человек, — предложил Майк. — Мы подготовим добровольцев с парой снегоходов и попросим их оповещать жителей об обновлении информации. Мы можем придумать систему сетки или квадрата для связи.

— Предоставьте это подросткам, — сказала Аннет. — Им будет чем заняться. Я помогу тебе с именами и адресами. А я начну организовывать спортзал и к вечеру открою среднюю школу как временное убежище.

— Я, конечно, буду помогать всем, что потребуется, — проговорил Виггинс величественно. — Ты знаешь, что можешь на меня положиться, Розамонд.

Ноа и Джулиан обменялись взглядами. Ноа удержался от того, чтобы закатить глаза. Все знали, что Виггинс не станет ничего делать, если это не принесет наибольшую выгоду ему самому.

Розамонд улыбнулась, но уголок ее рта слегка дернулся.

— Главное, чтобы каждый понимал, что мы все в одной лодке. Нам всем нужно будет объединиться, чтобы пережить это.

Глава 22

Ноа

День второй

— А как насчет «Винтер Хейвена»? — поинтересовалась Аннет.

— А что насчет него? — ровно спросила Розамонд.

— У них есть электричество?

— У нас есть ресурс, который мы должны защищать с особой тщательностью, — осторожно ответила Розамонд.

— Значит, да, — произнес Майк.

«Винтер Хейвен» появился на свет благодаря богатому застройщику-мультимиллионеру из Чикаго, который открыл для себя Фолл-Крик в начале 2000-х годов. Он влюбился в пологие холмы, живописную реку, приветливую атмосферу маленького городка.

Застройщик приобрел пятьдесят акров бывшего лагеря бойскаутов на противоположном берегу Фолл-Крик и построил автономный поселок из высококлассных бревенчатых домиков с собственной системой водоснабжения, канализации и солнечными батареями. Даже зимой солнечные установки обеспечивали достаточно независимого электричества, чтобы удовлетворить потребности большинства людей.

Розамонд Синклер владела одним из домов в «Винтер Хейвен». Неудивительно, что она выглядела такой бодрой. Ноа приложил все усилия, чтобы не почувствовать укол зависти. Он

не заботился о себе, только о Майло.

— В общине «Винтер Хейвен» есть электричество, — поделилась Розамонд. — Солнечные батареи и аккумуляторы все еще работают. Признаюсь, мы все считали Артура Брэдфорда немного параноиком, когда он настаивал на усилении компьютеризированных систем и хранении элементов управления в каких-то защитных приспособлениях...

— Клетка Фарадея, — подхватил Джамал. «Клетка Фарадея» — это корпус, используемый для блокировки электромагнитных полей, обычно сделанный из сплошного или сетчатого покрытия из проводящего материала.

— Да. Он самый. Очень жаль, что Артур умер несколько лет назад. Думаю, сегодня он гордился бы своей предусмотрительностью. Во всяком случае, в «Винтер Хейвен» есть тепло, электричество и водопровод.

— Хорошо для них, — отозвался Рейносо, в голосе которого звучало больше, чем легкая зависть. — Но что это дает остальным из нас? Как это поможет мне согреться ночью?

Розамонд проигнорировала его.

— В общину входит пятьдесят один дом. Двадцать девять из них пустуют.

Шеф Бриггс нахмурился.

— Вы уже успели их проинспектировать?

— Только чтобы выяснить, кто дома. Мы не должны пускать эти ресурсы на ветер. Мы всего лишь проявляем должную предусмотрительность.

Шеф Бриггс отодвинул свой стул.

— Вовсе нет. Мы не санкционируем захват домов. Вы с ума сошли? Два дня, и мы уже отступаем от Конституции?

В комнате повисло напряжение. Все взгляды обратились к шефу Бриггсу и суперинтенданту.

Виггинс помрачнел. Ноа не сомневался, что у того есть свое мнение по этому вопросу, но он не решался высказывать его, чтобы не перечить Розамонд. Вместо этого он молча потупился.

Розамонд сцепила пальцы под подбородком. Ее взгляд оставался ясным, глаза спокойными.

— Не драматизируй, Сэм. Это не красит тебя. В обычное время я бы никогда не подумала о таком. Ты знаешь это. Но, боюсь, сейчас мы уже не в обычных условиях.

— Этому нет абсолютно никакого оправдания! — крикнул шеф Бриггс. — Вы не можете просто...

— Достаточно, — перебила Розамонд, ее голос звучал тихо, но настойчиво. Он привлекал внимание так же сильно, как если бы она закричала.

Рот шефа Бригга сжался в бескровную линию, его глаза вспыхнули.

— Что насчет транспорта? — спросил Майк, меняя тему. — Выпало более двух футов свежего снега, и он все еще идет. Я даже не могу выбраться со своей подъездной дорожки. Мне бы не удалось приехать, если бы Дэйв не забрал меня.

— Для нужд города мы реквизировали девять рабочих снегоходов, три квадроцикла и два грузовика с установленными снегоочистителями, — заявил Джулиан. — И несколько старых машин, которые мы можем оснастить цепями противоскольжения. И мы получим еще.

— Получим? — Ноа поднял брови. — Откуда?

— Из общины. Наши резервные офицеры уже направляются для оценки

индивидуальных потребностей и подсчета ресурсов.

— Снегоход, на котором мы приехали сегодня утром, принадлежал братьям Картер, — усмехнувшись, сказал Джулиан. Ноа обратил внимание на глагол в прошедшем времени «принадлежал».

— Они просто позволили тебе взять его?

Джулиан пожал плечами.

— Они оказались сговорчивыми.

Ноа никогда не считал братьев Картер сговорчивыми. Полицейское управление Фолл-Крик неоднократно арестовывало их за хранение наркотиков, кражи, побои — целый список преступлений. Вместе со своими бесполезными кузенами-бездельниками их хорошо знали во всем округе.

Розамонд обвела взглядом стол, останавливаясь на каждом лице.

— У нас здесь есть ресурсы. Река. «Винтер Хейвен». Во многих домах есть колодцы и септики. Мы можем позаботиться о себе, но только если будем работать вместе. Задача грандиозная. Фолл-Крик нуждается в каждом из вас.

Мужчины и женщины за столом медленно кивнули, все, кроме шефа Бриггса.

Шеф хлопнул кулаком по столу.

— Я не одобряю это дерьмо. Не в моем городе.

Розамонд повернулась к нему, на ее лице все еще сияла улыбка, но Ноа различил жесткость в ее плечах, плотно сжатый рот.

— Сэм. Тебе не кажется, что ты немного перегибаешь палку? Мы просто проводим учет того, что у нас есть и кому нужна помощь.

Он отодвинул стул и грозно встал. Ткнул пальцем в суперинтенданта, затем в членов совета.

— Это вы слишком остро реагируете! Ведете себя так, будто несколько месяцев без интернета — это конец света! Мы все обходились без удобств. Мы можем сделать это снова. — Его глаза сузились, когда он перевел взгляд на Джамала. — Ну, по крайней мере, мое поколение. Вы, воспитанные детишки, не распознаете жесткость, если она укусит вас за задницу.

Джамал покраснел.

— Я не думаю, что вы понимаете, насколько глубоко технологии проникли в каждый аспект...

Шеф размахивал руками в воздухе, его бульдожье лицо багровело от гнева.

— Мне не нужен... какой-то миллениал, чтобы объяснять жизнь!

Разочарование вспыхнуло в Ноа, но он быстро подавил его. Шеф Бриггс был его начальником; его личные чувства к Бриггсу не имели значения. Бриггс любил правила и нормы. Ему нелегко давалось нестандартное мышление. Кроме того, он отличался сварливостью и устоявшимися взглядами.

Ноа был спокойным, добродушным парнем. Он не хотел создавать дополнительные проблемы, когда напряжение уже вибрировало в комнате. Он стиснул зубы и заставил себя улыбнуться.

— Думаю, нам всем стоит перевести дух.

— Мне не нужно делать чертов вдох! — почти заорал шеф. — Никто в этом городе не собирается «объединять» свои ресурсы, пока я здесь командую! Мы не будем этого делать.

Он крутанулся на пятках и выбежал из комнаты. Дверь захлопнулась за ним.

На мгновение все замерли в ошеломленной тишине.

— Я поговорю с ним, — ровно сказал Ноа. — Мы все сейчас немного напряжены. Он придет в себя. Мы все просто пытаемся помочь.

— Отличное начало. — Взгляд Розамонд скользнул в сторону закрытой двери, слегка нахмурившись. — Мы здесь семья. И мы будем держаться вместе, как семья. Мы пройдем через это. Я обещаю вам. — Она улыбнулась. — И, несмотря ни на что, с Рождеством.

Зал разразился слабыми аплодисментами, но они быстро становились все громче и восторженнее. Ноа обнаружил, что тоже аплодирует, несмотря на растущую тревогу в глубине души.

Людям нужен лидер, который возьмет на себя ответственность. Им нужна надежда, план.

Розамонд Синклер знала, как дать им это.

Глава 23

Квинн

День третий

Квинн никогда не приходилось видеть бакалейную лавку «Френдли» в таком состоянии. Казалось, что в магазине сейчас больше людей, чем во всем городе.

Кассир — бойкая рыжеволосая девчонка по имени Уитни, с которой Квинн училась в школе, но которая ей не особенно нравилась — ходила взад-вперед по проходам, объявляя, что оплата по кредитным картам невозможна и принимаются только наличные.

Генераторы работали, но они были включены в основном для холодильной и морозильной секций магазина. Половина флуоресцентных ламп не горела, а другая половина жужжала и мерцала, и самый безвкусный и скучный продуктовый магазин приобрел жуткую, даже зловещую атмосферу.

Не говоря уже о головной боли, которую Квинн испытывала.

Тот, кто думал, что людям понадобится время, чтобы понять, что эта история с ЭМИ — долгосрочный кризис, просто идиот. Массы выросли на Инстаграме, Фейсбуке, Ютубе и Нетфликсе, но они не совсем невежественны.

Несмотря на то, что правительство все еще извергало свою чушь о «временном отключении электричества» через экстренное вещание, люди поняли, что все гораздо серьезнее.

Спортивные мамы и прилизанные папы проносились по проходам, их лица выражали напряжение и настороженность, они тащили за собой своих плаксивых детей, едва не врезаясь тележками в других покупателей в стремлении схватить все, что только можно.

Однако до полного хаоса дело не дошло. У них не перенаселенный город с высоким уровнем преступности, кишаций бандами, как Детройт или Бентон-Харбор.

Фолл-Крик оставался маленьким городком. Все эти люди знали друг друга, постоянно совали свой нос в дела друг друга. Ты точно знал, кто твои враги.

Квинн с новой решимостью взялась за свою тележку, чуть случайно не задев боком Аннет Кинг, директора средней школы, которая деловито складывала в свою тележку мешки с рисом и сухими бобами.

У нее в тележке лежали упаковки с солью, кувшины с отбеливателем, банки с растворимым кофе и масло, которое можно было использовать в лампах, а не только для приготовления пищи. По меньшей мере десять упаковок туалетной бумаги были засунуты в

стойку под тележкой.

Будучи директором школы, она отличалась умом. Определенно слишком умна, чтобы охотиться за замороженным мясом или охлажденными скоропортящимися продуктами, как большая толпа идиотов сзади.

Директор махнула ей рукой. Квинн кивнула в ответ, чувствуя себя так же напряженно.

В списке, который ей дала бабушка, не значилось никакой еды, что выглядело странно. Бабушкина кладовая набита продуктами на несколько недель вперед, но все равно казалось, что этого недостаточно, чтобы пережить долгую мичиганскую зиму, которая обещала снег до марта, а то и до апреля.

Квинн снова взглянула на наспех нацарапанный список в своей руке. У бабушки, имеющей небольшой постоянный доход, на руках имелось всего сто пятьдесят долларов наличными. Квинн добавила к ним свои собственные сбережения в размере двадцати пяти долларов, которые ей прислала дальняя тетя в качестве подарка на день рождения.

— Просто возьми как можно больше, — напутствовала ее бабушка.

Так она и сделала. Маневрируя, она отошла от продуктовых рядов и направилась в отдел товаров для здоровья. Она уже захватила аккумуляторные батарейки разных размеров. Положила в тележку ряд упоковок с ибупрофеном и аспирином, антибактериальную мазь, затем бутылочки с мылом для рук, тюбики зубной пасты и средства женской гигиены. Будет очень неприятно, если эти вещи закончатся.

Она пожалела, что во «Френдли» не продается синяя краска для волос ее марки, чтобы запастись впрок, но ей приходилось заказывать ее на «Амазоне». А доставка больше не работает.

На самом деле ей стало все равно, как она думала. Трагедии свойственно все расставлять по своим местам.

Она откинула челку с глаз, устало вздохнула и продолжила идти. Как бы она ни старалась сосредоточиться на задаче, ее мысли все время возвращались к дедушке.

Она все время видела его застывшее лицо. Его морщинистая коричневая кожа приобрела странный, тошнотворный голубовато-серый оттенок. Снежинки собирались на его мертвых стеклянных глазницах.

У нее болела грудь. словно огромная рука сжимала ее сердце. Она никогда не думала, что горе — это такая физическая вещь.

Занятость немного помогла. Бабушка заставляла ее бегать по дому, как курицу с отрубленной головой. Она провела вчерашний день — день Рождества, но это не имело значения — помогая бабушке заклеить все окна алюминиевой фольгой, чтобы утеплить дом и отразить тепло обратно в комнату.

Бабуля не отличалась спокойным характером. Она всегда занималась домом, садом, посещала молитвенные собрания или работала волонтером в церкви. Ей нужно было двигаться, суетиться, что-то мастерить, строить или готовить. Даже после инсульта и трости бабушка не позволяла ничему остановить ее.

Квинн моргнула, борясь с внезапными слезами. Она не хотела плакать. Если бы она заплакала, то развалилась бы на части прямо здесь, в магазине. А этого она никак не могла допустить. Кроме того, это испортит ее макияж.

В ее тележку врезался высокий, хмурый белый мужчина в дорогом шерстяном пальто. Он протиснулся мимо нее, направляясь к витрине в центральном проходе, уставленной упаковками бутилированной воды.

Она узнала в нем отца Уитни, рыжеволосой кассирши, но не знала его имени. Да и не важно.

— Эй! — крикнула она ему вслед. — Не обязательно быть таким грубым!

Мужчина в шерстяном пальто полностью проигнорировал ее. Он подошел и выхватил последнюю упаковку бутилированной воды прямо из рук молодой мамы с двумя маленькими детьми, зажатými в тележке, вместе с коробками хлопьев для завтрака, макарон и печенья «Поп-Тартс».

Квинн не колебалась. Неважно, что у нее имелся свой список, своя задача. Или то, что она не знала эту мать и ее сопливых детей. Она терпеть не могла задир. А мужик в шерстяном пальто точно придурок.

У нее возникло желание достать рогатку, которую она начала носить с собой для защиты, и применить ее против него, просто чтобы преподать ему урок.

Вместо этого она рывком развернула свою тележку, сделала два шага и изо всех сил врезалась в его тележку. Та отскочила назад и врезалась в мужчину, ручка ударила его в живот.

Он ойкнул. Повернулся к ней, его глаза расширились от удивления.

— Что за...

— Не будь придурком. — Она улыбнулась. — Это политика магазина.

Он нахмурился. Все его лицо стало свекольно-красным.

— Убирайся к черту из этого магазина, пока я не вызвал менеджера и не арестовал тебя за нападение!

Квинн не вздрогнула. Злые взрослые не пугали ее. Она привыкла к тому, что на нее кричат.

— Давай. А мы просто расскажем ему, как ты обворовывала эту бедную женщину.

Другие покупатели наблюдали за происходящим. Некоторые просто смотрели, чтобы увидеть, что происходит, другие выглядели обеспокоенными.

— Все в порядке, — дрожащим голосом произнесла женщина. — Мне это не так уж и нужно. Он может забрать себе.

Квинн подняла подбородок.

— Он настоящий хам, и его нужно за это привлечь к ответственности.

Шерстяное Пальто бросил драгоценную упаковку бутилированной воды в свою уже переполненную тележку и бросился к ней, сжимая руки в кулаки.

— Смотри сюда, ты, маленькая...

— Оставьте ее в покое! — Директор Кинг стояла в центральном проходе, бледная, но хмурая. — Мистер Блэр, что вы творите?

Шерстяное Пальто — мистер Блэр, казалось, впервые заметил растущую толпу. Вместо того чтобы смутиться, он уставился на них в самодовольной ярости.

— Вы что, не понимаете? — прорычал мистер Блэр. — Вот оно! Третья мировая война началась, а вы все еще беспокоитесь о том, чтобы быть сердечными со своими соседями? Как вы будете чувствовать себя через две недели, когда у вас опустеют шкафы и нечем будет кормить детей? Что вы им скажете? Что вы вежливо ждали в очереди? Народ, не бывает голубых ленточек или наклеек за вежливость! Это время прошло. Война не придет. Она уже здесь!

Директор Кинг покраснела.

— Вы в городском совете, — шипел на нее мистер Блэр. — Вы, наверное, уже знаете?

Это своего рода кибератака Ирана, России или кого бы то ни было. Правительство знает — вы знаете — но не говорите правду. Что ты не договариваешь, Аннет?

Директор Кинг в замешательстве подняла обе руки, в одной она все еще держала банку фасоли. Ее лицо стало белым.

— Так вот, мистер Блэр. Это не так...

— Они что-то скрывают от нас! — Мистер Блэр сказал громко, так громко, что его услышал почти весь магазин. — Суперинтендант Синклер. Совет. Это доходит до самого губернатора! Вы собираетесь просто позволить им управлять нами...

— Дамы и господа! — прокричал громкий голос через мегафон. — Пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

От испуга все в магазине замерли.

Глава 24

Квинн

День третий

— Говорит офицер Дэниел Хейс, — продолжал голос через мегафон. — Со мной офицер Рейносо, а также четыре офицера запаса. Для всеобщей безопасности мы закрываем «Френдли» досрочно.

За его объявлением последовали стоны и вздохи. Люди смотрели друг на друга, замешательство, стресс и разочарование быстро переходили в настоящий страх.

Квинн отсоединила свою тележку от тележки мистера Блэра и повернулась к главному входу в продуктовый магазин. Несколько полицейских в форме стояли перед линией касс. Грузный, средних лет белый мужчина в центре — офицер Хейс — держал мегафон.

— Завтра «Френдли» снова откроется, — сказал он, — но во избежание дефицита продуктов будут введены ограничения на покупку. Лимит в пятьдесят долларов на семью в день вступает в силу с сегодняшнего дня, 27 декабря. Операции будут осуществляться только за наличные. Пожалуйста, немедленно направляйтесь к кассе. Товары, превышающие лимит, будут изыматься. Если вы не подчинитесь, вас выведут из магазина без покупок.

— Пятьдесят долларов? — крикнул кто-то. — Вы что, шутите?

— Мы не сможем прокормить наши семьи на это!

— Этого не может быть!

— Это незаконно!

— Совет одобрил это дерьмо? — Мистер Блэр повернулся к директору школы Кингу, в его взгляде читалось презрение. — Я же говорил вам, что они против нас!

Голоса становились громче, росли разочарование, страх и гнев. Напряжение быстро достигало точки кипения. Тревога скрутила живот Квинн. Это плохо.

Офицер Хейс нервно прочистил горло.

— Вы можете поговорить с суперинтендантом Синклер о политике города. Мы лишь выполняем свою работу.

— Для всего бывает первый раз, а, Хейс? — Мистер Блэр сплюнул.

Люди, которые пять минут назад были напряженными, но сердечными, быстро стали возбужденными, почти бешеными. Несколько покупателей, которые направились к кассе, теперь повернулись и направились обратно за добавкой — к черту указ офицера Хейса.

Тележки ударялись друг о друга. Никто не извинялся. Маленькие дети начали плакать.

Офицер Хейс давал дальнейшие указания сохранять спокойствие и порядок, но мало кто

его слушал. Несколько мужчин и женщина гневно набросились на офицеров, размахивая руками и тыча пальцами им в лицо, в том числе и мистер Блэр.

Выражение лица офицера Рейносо стало напряженным. Он опустил руку к табельному оружию.

— Мы будем поддерживать порядок, как бы вам это не нравилось, мистер Блэр. Пожалуйста, сделайте шаг назад, прямо сейчас.

Ситуация быстро ухудшалась.

Квинн нужно срочно убираться отсюда. Она посмотрела в сторону двух касс. У каждой стояло не меньше дюжины человек, все с набитыми тележками. Два офицера запаса останавливали тележки и разбирали их.

Это займет вечность. И они не позволят ей взять даже половину того, что лежит в ее тележке.

— Привет, Квинн! — раздался тоненький голосок.

Квинн обернулась.

Маленький черноволосый и черноглазый Майло Шеридан выглянул из-за крайнего стеллажа в проходе с макаронами и улыбнулся ей.

Она не любила детей. Все они представляли собой раздражающих маленьких дьявольских обезьянок. Но этот не так уж и ужасен.

— Привет, Мелкий.

Ноа появился из-за угла и положил несколько огромных банок сливочного арахисового масла «Джив» в свою почти пустую тележку. Тени под его глазами стали еще темнее, чем в последний раз, когда она видела его в канун Рождества. В первый день, чего бы это ни было, черт возьми.

— Привет, Ноа Коп.

Он посмотрел на нее.

— Для тебя я офицер Шеридан.

Квинн легкомысленно пожалала плечами, пытаясь скрыть свое волнение.

— Насколько помню, моя блестящая идея с забором в качестве батута, возможно, спасла жизнь твоему ребенку. Или, по крайней мере, уберегла от переломов. Ты мой должник.

Он провел рукой по своей заросшей щетиной челюсти и вздохнул. Он не брился и выглядел уставшим.

— Ладно. Тогда мне следует звать тебя Смurfетта?

— Как будто я не слышала этого раньше. — Она закатила глаза. — Почему ты не помогаешь представителям закона выполнять их драконовские приказы?

— Я не дежурю в вечернюю смену. Мы с Майло надеялись заpastись провизией до того, как они вступят в силу. — Он криво улыбнулся. — Похоже, я опоздал на вечеринку.

Его тележка оказалась заполнена вещами, что покупали родители — коробками с макаронами и сыром, арахисовым маслом Джиф, полностью натуральными фруктовыми закусками, зерновыми батончиками, смесью «Рис-а-Рони», электролитными напитками, несколькими упаковками батареек, туалетной бумагой и другими товарами.

В глубине магазина кто-то сердито крикнул. Другой голос — женский — прокричал в ответ, не менее яростно.

Квинн закатила глаза.

— Я думаю, вечеринка только начинается.

— Это не та вечеринка, на которую мы хотим попасть, поверь мне, — Ноа указал на ее тележку. — У тебя достаточно, чтобы оплатить это?

— Да. Но выйдет больше пятидесятидолларового лимита.

— Давай сюда. Я сам отдам кассиру на выходе.

— Но ты же полицейский.

Ноа натянуто улыбнулся.

— Ты все равно платишь за это. Это не кража. Поторопись, пока они не добрались до нас.

Квинн согласилась. Ноа взял ее наличные, и они обошли кассы со стороны входа. Ноа незаметно положил ее деньги вместе с пачкой двадцаток из своего кармана на крайний прилавок, пока Майло взял несколько пластиковых пакетов с карусели.

Уитни тревожно посмотрела на него, но он лишь улыбнулся ей.

— Все в порядке. Я просто отлучился по своим делам. Мне нужно возвращаться на работу.

— Хорошо, офицер Шеридан, — сказала она и вернулась к своей бесконечной очереди расстроенных, разгоряченных клиентов.

Они быстро сложили свои вещи в пакеты и направились к выходу из магазина.

Дедушка с маленьким ребенком увидел, что они сделали, и с полной тележкой направился к выходу, даже не потрудившись остановиться и заплатить. Две женщины последовали их примеру, одна из них держала плачущего ребенка на руках.

С другого конца магазина офицер Рейносо увидел уходящих покупателей.

— Эй! — крикнул он, поспешив туда. — Остановитесь на месте!

Квинн, Майло и Ноа уже вышли из магазина. Они оставили позади разъяренную кричащую толпу.

Внутри «Френдли» было холодно, но снаружи — просто зверский мороз.

— Спасибо! — сказала Квинн, когда Ноа и Майло направились к своему снегоходу. Майло помахал ей рукой.

— Доброй ночи, Смurfетта! — крикнул Ноа сквозь ветер.

Квинн продолжала двигаться. Она резко вдохнула, почувствовав жуткий холод, ледяной воздух обжигал легкие и ноздри. Ветер трепал ее и поднимал порывы снега. Сумерки быстро приближались.

Она едва могла разглядеть парковку. На стоянке магазина находилось несколько десятков снегоходов, но только несколько рабочих машин или грузовиков. Большинство людей шли сюда пешком из своих домов.

За стоянкой она не могла разглядеть ни дороги, ни других зданий на Мэйн-стрит из-за клубящегося снега. Четыре мили до бабушкиного дома могли оказаться опасным путешествием. По крайней мере, на дороге не будет слишком много других машин.

В двадцати футах от «Оранж Джулиус» она внезапно остановилась. По ее позвоночнику пробежал холодок.

Две фигуры притаились за периметром парковки. На фоне ослепительной белизны они казались просто темными размытыми пятнами.

Было в них что-то такое, что заставило ее задуматься, и от чего волосы на ее затылке поднялись. То, как они двигались — низко и скрытно. Как хищники, подкрадывающиеся к

своей жертве.

Квинн Райли точно не была добычей.

— Эй, вы там! Я вас вижу! — Она уронила пакеты с продуктами на снег и сунула руку в карман, собираясь достать рогатку. — Отойдите от грузовика моего дедушки, или уверяю, вы пожалеете об этом!

Глава 25

Квинн

День третий

— Мы просто любовались твоим грузовиком, дорогая, — сказал первый, более высокий парень.

— Отойдите от машины, — предупредила Квинн.

Мужчина повыше шагнул вперед. До него было около десяти футов.

— У нас все еще свободная страна, насколько я знаю. Это все еще свободная страна, Билли?

Низкорослый подошел ближе. Он был небольшого роста и плотного телосложения, не более пяти футов четырех дюймов, такого же роста, как и Квинн. Но это не делало его менее опасным.

Квинн напряглась. Они оба кутались в тяжелую зимнюю одежду, но с такого близкого расстояния она могла различить белые овалы их лиц. Она знала их.

Двоюродные братья Рэя Шульца, непутевого, торгующего наркотиками бойфренда ее матери. Билли и Томми Картеры, братья и партнеры по преступлениям. Отморозки, которых она всегда ненавидела.

— Эй, я тебя знаю. — Билли Картер смотрел на нее своими маслянистыми, как у жука, черными глазами. Из-за своего косоглазия он выглядел особенно хитрым. — Ты — маленькая дочурка Октавии Райли.

— Уже не такая маленькая. — Томми усмехнулся. Он был высоким и худым, с узким лошадиным лицом и странным южным говором, который где-то подцепил. Он говорил медленно и вальяжно, растягивая каждое слово, каждое предложение. Это пугало до чертиков.

Она заметила охотничьи ружья, перекинутые через спину обоих. На стоянке стояла жуткая тишина. И было совершенно безлюдно. Уже почти стемнело. Все по-прежнему находились внутри, людей задерживали обязательные проверки.

Билли улыбнулся, показав свои пожелтевшие кривые зубы, испорченные метамфетамином.

Инстинктивно она сделала шаг назад, ее ботинки утонули в глубоком снегу.

Квинн не стала отступать дальше. Это уводило ее от грузовика. Грузовик принадлежал дедушке. Она не собиралась его терять.

Она достала из кармана рогатку с восьмидюймовой стальной пулькой и нацелила ее на них, отведя правую часть под доминирующий глаз и прицелившись по полосам. Проверять угол наклона вилки стало уже привычным делом.

Они с дедушкой любили стрелять по старым консервным банкам на заднем дворе, чтобы потренироваться в стрельбе по мишеням, или поймать пару кроликов для тушеного мяса. Рогатка прекрасно подходила для мелкой дичи — белок, кроликов, перепелов, голубей. Для людей — не очень, но сейчас как раз подходящее время, чтобы попробовать.

— Отвалите, неудачники.

Никто из них не отошел. Они не выглядели испуганными, скорее забавляющимися. Квинн возненавидела их за это.

Томми похлопал по капоту «Джулиуса».

— Не так много машин работает в эти дни.

— Еще раз тронешь грузовик, и я выбью тебе глаз, придурок.

Томми не убрал руку в перчатке. Он погладил капот и улыбнулся ей.

— У нас были прекрасные снегоходы. Их отобрали. Нам просто нужно прокатиться, дорогая. Вот и все.

— Не моя проблема.

— О, думаю, да. — Билли сделал быстрый, стремительный шаг вперед. В одно мгновение он оказался менее чем в пяти футах от нее.

Сердце Квинн заколотилось. Она натянула ремни до упора, зафиксировала их и прицелилась прямо в его косой глаз.

— Отойди, или я...

Он сжал руки в кулаки и зло посмотрел на нее.

— Или ты что?

— Эй! Что здесь происходит?

Все вздрогнули. Они так увлеклись друг другом, своим напряженным обменом репликами, что не услышали приближение Ноа Шеридана из-за порывистого ветра.

Квинн не двигалась.

Плечи Билли расслабились, кулаки разжались. На его тонких губах заиграла мрачная улыбка. Он повернулся лицом к Ноа, но его ленивый взгляд оставался прикованным к Квинн.

— Ничего особенного, офицер, — пробурчал Томми. Он снова похлопал по капоту. — Просто люблю эту прекрасную машину.

Плечи Ноа оставались напряженными. Его правая рука висела прямо над кобурой, прикрепленной к служебному ремню на бедре. Предупреждая.

— Она не ваша. И вам лучше отправляться по своим делам.

Билли Картер посмотрел через стоянку на снегоход Ноа, фары которого ловили кружащиеся снежинки. Майло сидел на переднем сиденье в огромном шлеме и покорно ждал.

Взгляд Билли медленно вернулся к Ноа, его губы оставались тонкими, как лезвие ножа. Из-за его косоглазия казалось, что он смотрит одновременно на Ноа и Квинн.

— Хороший «Кавасаки». Выглядит особенно... знакомо.

— Не сомневаюсь, — ровно ответил Ноа. — Нам потребовалось реквизирировать несколько машин, чтобы помочь защитить город и сохранить мир. Они будут возвращены вам, как только мы найдем дополнительные ресурсы.

Билли наблюдал за ними с чистой ненавистью и отвращением, мелькавшими в его черных глазах.

— Там, откуда я родом, мы называем это воровством, — легко ответил Томми, его голос звучал небрежно, но глаза смотрели так же жестко, как у Билли.

— Мне все равно, как вы это называете. Мне нужно, чтобы вы, парни, оставили эту девочку в покое и ушли. И если я услышу, что вы снова побеспокоили ее, у меня не будет другого выбора, кроме как арестовать вас.

Билли ухмыльнулся.

— Мы слышим вас громко и четко. Офицер.

Ноа не расслаблялся. Его рука висела чуть выше табельного пистолета.

— Я сказал уходите.

Входные двери «Фрэндли» открылись, и две семьи поспешили выйти на парковку, пригнув лица от ветра, неся лишь несколько хлипких пакетов с продуктами.

Томми толкнул Билли локтем.

— Пошли. Давай уже выбираться отсюда. Мне требуется теплое тело, способное составить компанию. — Его взгляд скользнул по Квинн. — У тебя есть какие-нибудь предложения?

— Передавай мамочке привет, — добавил Билли, все еще ухмыляясь.

Квинн крепче сжала рукоятку рогатки, в ней вспыхнул гнев.

— Да пошел ты!

Томми только рассмеялся.

Они повернулись и пошли прочь, направляясь к Мэйн-стрит, все еще смеясь. Братья растворились в клубящейся темноте и исчезли.

Она сунула рогатку в карман и вихрем бросилась на Ноа, все еще дрожа от адреналина и ярости. Она собиралась подстрелить одного из них. Может быть, обоих. Они определенно заслуживали этого.

— Я сама справлюсь. Большое спасибо.

— Речь шла не о тебе, Квинн, — тихо сказал Ноа, понизив голос, когда Майло пробирался к ним по снегу. — Эти двое мужчин очень опасны. Преступники с большим количеством арестов, оба отсидели в тюрьме.

— Знаю, — заявила она резко и вызывающе. — Я не вчера родилась. Я точно знаю, кто они такие.

Ноа кивнул, его осенило понимание.

— Благодаря твоей маме.

— Я не хочу говорить о ней.

— Это просто потрясающе, Квинн! — возбужденно воскликнул Майло. Он имитировал ее рогатку. — Ты была такая: «Не связывайся со мной!». БАМ!

Квинн не смогла сдержать ухмылку.

— Было бы еще круче, если бы я действительно выстрелила и попала в одного из них.

— Наверное, попала бы прямо через глазное яблоко в мозг, да?

— Хороший выстрел с достаточной скоростью? Вполне возможно...

— Ладно, давайте не будем пропагандировать насилие. — Ноа поднял ее пакеты с покупками — уже покрытые тонким слоем снега — и протянул их ей. — Верно?

Она взяла их с неохотой. Да, у нее есть рогатка. Она могла нанести некоторый ущерб. Но Квинн не настолько глупа, чтобы думать, что сможет в одиночку справиться с Билли и Томми Картерами, если они действительно захотят причинить ей вред.

— Как скажешь.

Ноа Коп, возможно, только что спас ее от чего-то ужасного.

Теперь она в долгу перед ним. Она ненавидела быть кому-то обязанной.

— Майло, тебе надлежало оставаться на снегоходе, — сказал Ноа. — Здесь для тебя слишком опасно.

— Я в порядке, папа! — Майло надулся. — Я не ребенок. Мне целых восемь лет.

— Целых восемь лет? — Квинн подмигнул ему. Майло ухмыльнулся в ответ.

— Мы поговорим об этом позже. — Ноа закатил глаза и повернулся обратно к Квинн. — Дома у тебя все хорошо? Достаточно тепло?

— Я живу у бабушки. У нас все прекрасно.

— У нас дома холодно! — сообщил Майло, стуча зубами. — Холоднее, чем в ледяном кубе.

— Это не совсем правда, — сказал Ноа. — У нас есть дрова для камина.

Майло закатил глаза.

— Это только одно место. Я даже не могу играть в своей спальне. Наши кровати теперь в гостиной.

Квинн почувствовала, как начинает расслабляться.

— У вас есть керосиновый или пропановый обогреватель?

Ноа покачал головой.

— В хозяйственном магазине уже все распродано.

— А керамический цветочный горшок и маленькие свечи, типа чайных? Стальные шайбы и болты? Из них можно сделать небольшой обогреватель.

— У нас дома есть такие вещи. Не подскажешь, как его сделать?

Она быстро объяснила.

— Некоторые люди утверждают, что он может обогреть небольшую комнату, но это не так. Он будет выделять столько же тепла, сколько выделяет свеча, но с цветочным горшком тепло будет улавливаться, а не подниматься к потолку, где оно не принесет никакой пользы. По сути, используется набор вложенных друг в друга глиняных горшков, разделенных и прикрепленных к центральному стальному болту, со стальными шайбами, расположенными между горшками, чтобы сформировать теплообменник.

— Затем необходимо перевернуть его и поставить на несколько кирпичей, чтобы расположить центральный болт прямо над небольшой свечой или тремя свечами. Пламя нагревает непосредственно стальной болт, заставляя его нагревать глиняные горшки и задерживать горячий воздух, поднимающийся от пламени. Глина излучает тепло. Однако вам придется прижаться к нему вплотную или использовать его в небольшом пространстве. Можно также использовать пару банок со спиртом и большой горшок, чтобы получить еще больше тепла.

Ноа выглядел впечатленным.

— Это гениально. Я должен донести эту информацию до жителей города. Это может спасти жизни.

Она рассеянно потрогала пирсинг в брови. Бабушка не любила гостей без предупреждения. Но это особый случай. И это позволит ей и Ноа быть в расчете.

— О, ладно. — Она тяжело вздохнула, облако кристаллизованного воздуха омыло ее лицо. — Приходи в дом моей бабушки. Она научила меня всему, что я знаю. Она может научить тебя, как сделать такую штуку и даже другим вещам для выживания. Может быть, даже накормит тебя ужином. Но только если ты ей понравишься.

— А если не понравишься? — совершенно серьезно спросил Майло.

Квинн поморщилась и нахмурила брови.

— Тогда она разрубит тебя, положит в кастрюлю и приготовит на ужин.

Ноа нахмурился.

— Пожалуйста, не пугай его.

Но Майло совсем не выглядел испуганным. Он ухмыльнулся.

— Ммм... вкусно.

Глава 26

Квинн

День третий

— Можно уже заходить, — сказала Квинн, когда Ноа остановился на крыльце.

На улице совсем стемнело. Без рассеянного света уличных и охранных фонарей или теплых желтых квадратов окон соседей вечер казался абсолютно черным.

Ветер стонал за углами дома. Ветки деревьев скрипели, а снег летел со всех сторон, хлеща ее по лицу.

— Я незнакомец, — возразил Ноа. — Стучаться — это вежливо.

— О! Можно мне постучать? — спросил Майло, слишком взволнованный из-за такой мелочи. Дети такие странные. — Пожалуйста?

— Поторопись уже, Мелкий. Я тут совсем окоченела.

Дверь в бабушкином доме покосилась. Весь дом был старым и скрипучим, постепенно приходя в негодность, так как дедушка и бабушка стали слишком стары, чтобы ухаживать за ним должным образом. Ценность ему придавала земля — пять акров леса, примыкающих к реке в конце Тэнглвуд Драйв, длинной проселочной дороги.

Квинн нахмурилась. Она ненавидела чувствовать себя неловко перед кем-либо. Она любила этот дом, даже если он выглядел немного потускневшим и потрепанным.

Наконец бабушка, шаркая, подошла к входной двери. Она открыла ее и окинула их хмурым взглядом.

— Долго же вы собирались.

Ее слова прозвучали резко, но лицо бабули покрылось пятнами. Ее глаза были влажными и красноватыми. Квинн поняла, что она снова плакала. Она просто ждала, пока Квинн уйдет из дома.

— Все, что ты просила, — Квинн передала бабушке пакеты с продуктами и протиснулась в дом. Остаться на крыльце еще секунду не хотелось — слишком холодно. Ноа и Майло быстро последовали за ней.

Квинн топнула ботинками по коврику и сглотнула комок в горле. Она сопротивлялась желанию обнять бабулю. Знала, что бабушка будет смущена, особенно перед гостями.

Вместо этого она жестом указала на своих новых друзей.

— Ноа Коп и Мелкий, это моя бабушка, известная также как Молли. Бабушка, знакомься это Ноа Коп и Мелкий.

Ноа протянул руку.

— Приятно официально познакомиться с вами, Молли. Ваша внучка — нечто особенное.

Квинн закатила глаза.

— Пожалуйста.

Бабушка тоже.

— Я про это и так знаю. Вы пытаетесь нас умаслить, офицер? Придется постараться.

Ноа на мгновение выглядел немного ошеломленным, но потом он фыркнул.

— Да, думаю, так и будет. Я вижу, что с вами двумя мне придется быть начеку.

— Посмотрим, что получится. — Бабушка быстро вытерла лицо, прежде чем снова повернуться к ним. — Мы можем вам чем-то помочь?

— Да, надеюсь, — Ноа внезапно занервничал, перевел взгляд с бабушки на Квинн и обратно. — Квинн упомянула, что у вас много знаний старого поколения, которые могут помочь городу.

Бабушкино лицо просветлело. Скромность никогда не была одной из ее сильных сторон. Квинн знала, что ей нравится помогать и быть полезной, даже если она никогда в этом не признается.

— Конечно, у меня они есть. Я выросла на ферме в двадцати милях отсюда. Мы все делали сами. Сами выращивали урожай. Сами делали молоко и масло. Сами забивали оленей и скот.

— Каждый день ходила в школу за шесть миль туда и обратно, в гору, — проворчала Квинн.

— Ты была там? — огрызнулась бабушка. — Кто сказал, что я не ходила?

Бабушка всю жизнь работала на земле и гордилась этим. Она по-прежнему готовила все с нуля на дровяной печи, разводила зимний сад в сарае, выращивала кур и даже сама колола дрова, не считая последних двух лет после инсульта.

Квинн иногда брал на себя эту работу, чтобы дать своим пожилым родственникам передышку.

В груди кольнуло. Теперь это будет ее постоянная обязанность.

Ноа улыбнулся.

— Думаю, мы все на некоторое время переходим к старой школе. Стоит привыкать к этому.

Удивительно, но бабушка улыбнулась ему в ответ.

— Черт, думаю, у меня есть несколько минут, прежде чем мне придется вернуться к консервированию. Люди должны знать, как позаботиться о себе. Заходи и задавай свои вопросы.

Они сняли свои заснеженные ботинки и куртки у двери и прошли в теплую кухню. Кошки были повсюду.

Одна свернулась калачиком на обычном кухонном стуле Квинн. Еще две приплясывали, задрав хвосты, и уже готовились потереться о своих новых гостей. Четвертый наблюдал за ними со своего места на вершине дерева в углу, подергивая хвостом.

Казалось, что их двадцать, а на самом деле всего пять.

— О! — пискнул Майло, его темные глаза загорелись. — Можно я их поглажу?

— Это Один, Локи, Тор, Валькирия и Хель, правитель подземного мира. — Квинн указала на них. — Тот рыжий — Тор. Он капризный и всегда просит, чтобы его погладили. Толстый лентяй, который любит забираться к людям на колени, — это Один. Он проводит свою жизнь во сне. Полосатый с лукавой мордочкой — Локи, он хитрый, озорной и всегда попадает в неприятности. Вон та гладкая черная — Валькирия. Она охотница, которая приносит нам мышей и крыс и оставляет их на заднем дворе.

Квинн наклонилась и погладила последнего, когда он с приветственным мяуканьем потерся о ее ногу.

— А этот белый пушистик — Хель, правитель подземного мира. Он слишком заносчив и ненавидит, когда его берут на руки. Но иногда его можно выманить из укрытия лакомством.

Майло плюхнулся на ковер на полу и тут же был облеплен пушистыми существами. Они выгнули спины дугой и прижались к нему, несколько хвостов одновременно оказались у его лица. Громкое довольное урчание наполнило комнату.

— Ты им понравился, — ласково сказала бабушка, и на ее лице появилось странное выражение, когда она смотрела на него, в ее глазах снова появилась глубокая печаль. — Им редко кто нравится.

Ухмылка Майло стала шире.

На столе лежали старые газеты и бабушкины принадлежности для консервирования — банки, крышки, воронка, щипцы и палочки для перемешивания. На дровяной печи стояла большая кастрюля из нержавеющей стали и подставка для консервации. В комнате пахло дровами, свечным воском и вкусной домашней едой.

Квинн отодвинула в сторону большую плетеную корзину, полную кабачков, и села за стол. Бабушка консервировала все свежие продукты, которые они покупали в магазине или брали из своего зимнего сада — морковь, лук, картофель и зимние кабачки.

Толстый, пушистый Один запрыгнул к ней на колени и стал крутиться, разминая когтями бедра Квинн.

Бабушка сидела в своем обычном кресле и похлопывала себя по бедру. Тор высвободился из рук Майло и устроился у бабушки на коленях. Он был особенно внимателен к бабушке с тех пор, как дедушка не вернулся домой. Как будто знал, что что-то случилось и бабушке нужна дополнительная любовь.

Бабушка рассеянно почесала его за ушами.

— Как там мир держится?

Ноа достал из кармана карандаш и маленький блокнот, сев рядом с Квинн.

— «Френдли» уже не такой дружелюбный. И у них закончилась вода в бутылках. Некоторые люди были умнее и наполнили свои ванны и раковины, но и это тоже заканчивается.

— По дороге в магазин я видела людей, которые собирали снег, — сказала Квинн. — И несколько человек тащили ведра из реки.

— Снег — это хорошо. — Бабушка прищелкнула языком. — А вот если эти люди будут пить грязную или загрязненную воду, они могут заболеть диареей, дизентерией, холерой, тифом. Болезни, связанные с водой, все еще убивают более трех миллионов человек в год по всему миру.

— Я думаю, что в ближайшее время мы резко увеличим эти цифры, — заявила Квинн.

— Надеюсь, что нет, — Ноа опустил взгляд на свой блокнот. — Значит, мы должны сказать людям, что, если они захотят использовать воду из реки, они должны сначала ее прокипятить.

Бабушка покачала головой.

— Это пустая трата драгоценного топлива, чтобы кипятить столько воды. Все, что тебе нужно, это обычный отбеливатель «Клорокс». Трехлитровая бутылка шестипроцентного гипохлорита натрия стоит около двух долларов, и ею можно обработать почти сорок восемь сотен галлонов чистой воды. Капля на пинту — вот рецепт.

Ноа черкнул в своем блокноте.

— Хорошо, мы добавим это в список для распространения по районам.

— Помните, что речь идет о чистой воде. Для мутной речной воды скажите им, чтобы они сначала процедили ее через чистую ткань, например, футболку, и удвоили количество

отбеливателя. Затем нужно дать ей отстояться в течение часа или около того. Но зачем они идут к реке? Шестьдесят-семьдесят процентов домов в Фолл-Крик имеют ведь колодезную воду?

— У большинства людей нет ручных или солнечных насосов, поэтому они не могут получить доступ к этой воде.

Бабушка покачала головой.

— Чушь! Еще как могут.

— У нас есть обычное приспособление, — проговорила Квинн. — Я знаю, потому что сегодня утром подняла пять галлонов при отрицательной температуре в пять градусов. Это фактически издевательство над ребенком.

— Которые ты теперь можешь использовать для мытья посуды за этого нахала, — огрызнулась бабушка, но не резко.

Это радовало — бабушка снова вела себя почти нормально. Квинн с радостью мыла бы посуду до конца своих дней, если бы это вернуло бабулю к нормальной жизни.

— Как я и говорила, — Бабушка прочистила горло и снова повернулась к Ноа. — Они могут сделать амишское ведро — ручное ведро для колодца — из трубы ПВХ длиной четыре фута и шириной четыре-пять дюймов с крышкой обратного клапана на дне. С помощью веревки опускать и поднимать его, и оно будет приносить примерно галлон за раз.

Склонив голову, Ноа записал. Майло положил всех трех кошек, которых держал одновременно, поднялся на ноги и склонился над плечом Ноа.

— Твой почерк похож на каракули, папа.

— Да, я знаю. Я вырос, печатая на компьютере, как и все остальные. Видимо, тебе придется учить меня скорописи заново.

— Ну и дела. Надеюсь, что нет, — Квинн скорчил гримасу. Единственной хорошей вещью во всем этом фиаско с ЭМИ стало отсутствие школы. Конечно, технически у них все еще продолжались каникулы, и занятий все равно не было, но Квинн не могла себе представить, что в понедельник снова начнут учиться.

Нет света. Нет компьютеров. А все ее учебники все равно находились в сети. Кто знал, что происходит с интернетом?

— Отличные идеи, — Ноа грыз карандаш. — А как насчет еды? У нас есть аварийный приют в средней школе и кладовая в церкви Кроссвей. Продуктовый магазин «Френдли» откроется, как только они возьмут ситуацию под контроль. Но если представители Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям не появятся в ближайшее время, то продукты закончатся уже через несколько недель. Может, нам начать охотиться и ставить капканы?

— Я умею охотиться, — поделилась Квинн. Дедушка и бабушка научили ее этому.

— Правда? — спросил Майло.

— Это правда, — с гордостью подтвердила бабушка. — Квинн может постоять за себя. Мы убедились, что она знает, как это делать. Но не все могут. Тем не менее, я полагаю, что людей, желающих учиться, можно научить. Хуже всего придется тем, кто никогда не стрелял из винтовки и не хочет этого делать.

— У меня есть «Ремингтон» 700 калибра, но патронов почти не осталось, — сказал Ноа. — Признаюсь, я уже несколько лет не ходил на охоту на оленей. Джулиан постоянно уговаривает меня пойти с ним, но...

— Ну, я бы сказала, что самое время начать? — Бабушка протянула шишковатую руку и

похлопала Ноа по животу. — Хотя у некоторых людей, похоже, достаточно запасов, чтобы продержаться хотя бы несколько недель, во всяком случае.

Квинн фыркнул.

Ноа покраснел, но быстро оправился. Он добродушно пожал плечами.

— Виновен по всем пунктам.

Майло хмыкнул. Бабушка хмыкнула вместе с ним. Квинн улыбнулась. А потом она впервые громко рассмеялась с тех пор, как дедушка умер рядом с ней.

На душе было хорошо. Как будто здесь, в этой теплой, уютной комнате, жили все хорошие воспоминания о дедушке, а не плохие и страшные. И на этот миг боль в ее сердце немного утихла.

Глава 27

Квинн

День четвертый

Квинн не ожидала, что Октавия вернется так быстро. Ей не следовало удивляться ничему, что творила ее мать, но она все равно удивлялась.

На этот раз Октавия привезла с собой Рэя Шульца.

Квинн помешивала на кухне рагу, которое они с бабушкой готовили вместе. В то утро она охотилась на кролика с 22-м калибром. Кролик служил источником белка, а бабушка собирала капусту, чеснок и лук со своего огорода, чтобы придать блюду дополнительный вкус.

В дровяной печи потрескивал и вспыхивал огонь. Пар от почти кипящей жидкости согревал лицо Квинн. Снаружи было холодно, но внутри тепло и уютно.

Октавия ворвалась без предупреждения, требуя еды. Квинн ответила отказом. Она не позволит Октавии снова красть у бабушки прямо у нее под носом. Ни за что.

— Октавия! — Входная дверь с грохотом распахнулась. — Какого черта так долго? Октавия!

Рэй Шульц вошел на кухню, его ботинки размазывали по полу сгустки грязного снега и грязи. Он не потрудился их вытереть.

— Где, черт возьми, еда? Надо идти к Томми. У него есть кое-что, но мы должны принести ему съестное, иначе он оставит все самое лучшее себе. Никель говорит, что дурь почти закончилась. Неизвестно, когда и где мы сможем достать еще что-нибудь после этого.

Один и Тор, уютно устроившиеся перед печью, вскочили на лапы и помчались в гостиную, подняв шерсть и оттопырив уши. Локи остался под столом, шипя.

Они чувствовали угрозу, проникшую в дом, и хотели оказаться как можно дальше. Квинн тоже.

Один и Тор обогнули ноги Рэя, чтобы добраться до безопасной гостиной. Злобно ухмыляясь, Рэй ударил их ногой.

Тор оказался достаточно быстрым, чтобы избежать опасности, но Один был толстым и медлительным. Ботинок Рэя угодил в его пушистый зад. Один издал вопль, вскочил на лапы и побежал за Тором. Под столом Локи шипел все громче.

— Оставь их в покое! — воскликнула Квинн.

— Просто немного повеселился. — Рэй был худым, жилистым белым мужчиной лет сорока, его отливающие солью и перцем волосы уже поредели. Он не отличался крупным

телосложением, но зато обладал злобным и мерзким характером, а это имело большее значение.

Его выдавали глаза — глубоко посаженные, выпуклые, как у лягушки, блестящие от кайфа и едва сдерживаемой злобы.

Гнев пронзил Квинн насквозь. Грубая, беспомощная ярость, которую она едва могла контролировать. Она ненавидела его. Ненавидела его мерзкие, выпученные лягушачьи глаза, его толстые почерневшие пальцы и вонь жира, которым от него разило.

Иногда он подрабатывал механиком, но в основном оставался просто наркоманом, постоянно выпивал и играл в карточные игры со своими кузенами и друзьями, бросившими школу, в грязном трейлере Октавии в парке автодомов «Фолл Крик Эстейтс» через мост.

— Никто не разрешал тебе входить, — огрызнулась Квинн. — Проваливай.

Рэй повернулся к ней, веселье быстро сменилось гневом.

— Убирайся к черту.

Рэй ткнул пальцем ей в грудь.

— Не смей возвращаться домой после этого, маленькая шлюха.

— Я бы и шагу не ступила в эту лачугу, даже если бы ты мне заплатил. — Она ничего не могла с собой поделаться. Она никогда не могла. Мерзкие слова вырвались еще до того, как она их подумала. — О, точно. Ты не можешь мне заплатить, поскольку ты слишком глуп и ленив, чтобы найти настоящую работу.

Рэй рванулся вперед и схватил ее за волосы, оттаскивая от плиты. Кожу головы неприятно обожгло. Лучше всего не двигаться и терпеть, но Квинн никогда не относилась к слабым и покорным.

Такой была ее мать.

Она крутанулась, вырываясь, одновременно нанося удары по груди и лицу Рэя. Пальцами прошлась по его правой щеке. Кожа головы горела, когда несколько прядей синих волос были вырваны с корнем.

— Прекрати! — закричала Октавия. — Рэй! Оставь ее в покое!

Но ее мать ничего не сделала, только прижалась к холодильнику, как всегда. Под столом Локи шипел и выл.

Рэй сильно толкнул Квинн к стене. Ее голова тупо отскочила и сбила календарь на линолеумный пол.

Боль пронзила голову. Страх расцвел в ее груди.

Ей следует заткнуться. Она не должна еще больше раздражать его. Но не в характере Квинн подчиняться кому бы то ни было, не говоря уже о мудаках.

Квинн выпрямилась, заставив себя встретиться с ним взглядом. Одарила его своей лучшей снисходительной улыбкой.

Рэй снова пошел на Квинн, подняв руку, чтобы ударить ее сзади. От него исходили презрение и ненависть. Его ярость казалась осязаемой, угрожающей, наполняющей всю кухню.

Сердце бешено колотилось в груди, Квинн пригнулась, шатнулась в сторону и добралась до стойки. Она прижалась спиной к ящику с кухонными ножами.

Ее взгляд бешено метался по комнате. Рогатка лежала в кармане куртки, висевшей на спинке стула в столовой на противоположной стороне кухни. Ее винтовка 22 калибра была заряжена, но хранилась в шкафу для одежды в гостиной. Бабушкин «Моссберг-500» прислонен к тумбочке в ее спальне.

На деревянной плите кипело рагу. Квинн могла бы бросить в него кипящую жидкость, если бы до этого дошло. Но кастрюля тяжелая и громоздкая, и она может промахнуться.

Она рывком открыла ящик и достала мясницкий нож.

— Я предупреждаю тебя.

Он посмотрел на нее.

— И что ты собираешься с этим делать?

Квинн держала нож низко, не направляла на него. Не хотела тыкать в лицо, просто дала понять, что она не его добыча. И не будет добычей.

— Тронешь меня или бабушку, и я тебя выпотрошу. Не думай, что я этого не сделаю.

— Рэй! — Октавия сдвинулась, нервничая и дергаясь. — Оставь ее в покое. Давай просто возьмем что-нибудь поесть и уйдем. Пойдем.

Рэй не сводил с нее взгляда, его глубоко посаженные глаза сверкали злобой. Он прикоснулся к царапине на щеке, которую Квинн оставила своими накрашенными лаком ногтями. На его пальцах осталось пятно крови.

Он сплюнул на пол.

— Нет, пока я не проучу эту маленькую потаскушку.

Квинн поправила рукоятку ножа. Ее ладони вспотели.

— Нет, точно не проучишь.

Задняя дверь распахнулась. Холодный воздух ворвался в кухню.

Бабушка стояла в зимней рабочей одежде, прижав к плечу помповое ружье «Моссберг-500», одна рука на затворе, другая на рукоятке, палец на спусковом крючке. Она нацелила ствол в грудь Рэя.

— Не смей трогать мою внучку!

Глава 28

Квинн

День четвертый

Испугавшись, Рэй попятился.

— Отойди от нее! — приказала бабушка.

— Я буду делать все, что захочу, старая карга.

— Не в моем доме. Убирайтесь. Вы оба. Я не могу смотреть на ваши жалкие лица.

— Мама... — заныла Октавия. — Ты не должна быть такой. Мы просто хотели...

— В этом-то и проблема? Вы просто хотите и хотите и никогда не удовлетворены, даже когда обираете всех вокруг. Убирайтесь из моего дома, чтобы я могла спокойно оплакивать своего мужа.

— Не смей указывать мне, что делать, женщина! — Рэй сжал кулаки, его лицо побагровело. Он потянулся к пистолету «Смит и Вессон», пристегнутому к поясу. — Ты не станешь...

Ч-ЧУНК! Характерный звук выстрела из помпового ружья расколол воздух. Бабушке сделала два шаркающих шага в центр кухни.

— Непременно.

На лице Рэя застыло удивление. Его глаза расширились.

— Ты уйдешь, — приказала она. — И, если вернешься, тебе не особенно понравится, как тебя встретят.

Что-то изменилось в его лице. Намек на настороженность. Колебания. Как будто он

начал понимать, что бабушка вполне способна застрелить его.

Подняв руки, он сделал шаг назад, прочь от Квинн, к дверному проему в гостиную.

— Ты не хочешь этого делать.

— Не говори мне, что я хочу.

Октавия беспокойно потянула Рэя за руку.

— Пойдем. Ты сказал, что мы должны попасть к Томми. Мы должны идти, пока он не ушел.

Рэй улыбнулся, обнажив свои кривые, пожелтевшие зубы. Очаровательный, как крокодил.

— Не нужно быть такой негостеприимной. Со своей собственной семье тем более.

— Убирайся из этого дома, Рэй Шульц, — скомандовала бабушка. — Прямо сейчас.

— У нас есть дела поважнее, поверь мне. — Рэй посмотрел на Квинн. — И ты. Я имел в виду то, что сказал. Даже не вздумай приползти домой и молить о снисхождении. Я не стану щадить тебя. Я могу тебе это обещать.

Октавия просто уставилась в пол и ничего не сказала.

Квинн открыла рот, чтобы прошипеть что-то гадкое и язвительное, но смогла сдержаться. В этот раз ей хватило ума не подначивать его.

Он наконец-то уходил.

Квинн и бабушка в напряженном молчании наблюдали, как Рэй повернулся и, топая, вышел из дома. Октавия бежала за ним, опустив голову, как пристыженный щенок.

Мгновение спустя, квадроцикл кашлянул и ожил. Октавия и Рэй с ревом выехали с подъездной дорожки. Бабушка не опускала «Моссберг», пока звук квадроцикла не затих.

Квинн с грохотом положила нож на столешницу. Ее руки дрожали. Она прислонилась к шкапам, тяжело дыша.

Она хотела спросить бабушку, все ли с ней в порядке. Сама она чувствовала себя далеко не в порядке. Они обе были потрясены. Она видела это по лицу бабушки.

Есть вещи, о которых слишком трудно говорить. Вместо этого Квинн выбрала безопасный сарказм.

— Что ж, получилось неплохо. Рэй может засунуть свое милосердие прямо в свою немытую задницу.

Бабуля одарила ее усталой улыбкой, к ней вернулся намек на ее прежнюю жизненную силу.

— Я и сама не могла бы сказать лучше, моя дорогая.

Квинн попыталась вернуть улыбку, но она застыла на ее лице.

— Они не остановятся. Они будут создавать проблемы.

Бабушка долго молчала. Она прислонила ружье к одному из кухонных стульев, закрыла кухонную дверь, которую оставила открытой, когда ворвалась в дом, и взяла свою трость.

Коты снова появились из своих укрытий, жалобно мяукая. Валькирия и Один терлись о ноги Квинн, а Тор хромал к бабушке, умоляя взять его на руки.

Локи вынырнул из-под стола и запрыгнул на кухонный стул. Даже Хель появился, выглянув из-за холодильника, его белый хвост возмущенно дергался.

Бабушка почесала Локи за ушами. Когда она заговорила, ее голос звучал резко.

— Октавия создает проблемы с того момента, как покинула материнскую утробу. Нет ничего нового под солнцем, как любил говорить твой дедушка.

— Я думала, ружье лежит в твоей спальне.

Бабушка пожала плечами.

— Я решила, что оно должно быть при мне.

— Обязательно. Рэй и Октавия не единственные голодные. Мы должны быть всегда вооружены.

— Да, это так.

— Нам следует спрятать остальные припасы.

— Большинство из них уже спрятаны.

Квинн бросил на нее взгляд.

— Что?

— У меня кое-что припрятано.

— Например?

Бабушка только цокнула языком.

— Это секретная информация.

Квинн закатила глаза.

— Но ты же знаешь, что я права.

Бабушка кивнула, резко посерьезнев.

— Если это не Рэй, то это будет кто-то другой. Нам нужно быть очень, очень осторожными. Если они станут достаточно голодными, даже наши соседи ополчатся против нас.

Бабушка наклонилась и взяла Одина на руки, проверяя, нет ли у него ран. Он удовлетворенно мурлыкал. Она вздохнула.

— Принимайся за дело, Квинн. У тебя ведь остались новые банки с краской, которые дедушка подарил тебе на Рождество. Используй их.

Квинн снова повернулась к плите. Суп булькал.

— Но рагу...

— Я закончу его. Я хотела попробовать новые травы, чтобы приправить мясо кролика.

— Дрова...

— Завтра все еще будут здесь.

Квинн не могла спорить. Ее эмоции смешались с яростью и болью в сердце. Она хотела только одного — удалиться в спальню, которую ей выделили бабушка и дедушка, чтобы хоть немного заглушить боль.

Она нерешительно возилась с пирсингом в брови. Хотела сказать больше, но не знала, как. Они с бабушкой никогда не любили говорить о своих чувствах. Дедушка был единственным, кто делал это за них. Теперь они должны сами разобраться в этом.

От внезапного всплеска эмоций у нее сжалось горло.

— Я... Я люблю тебя, бабуля.

— Не надо говорить мне эти нежности. — Бабушка скорчила гримасу, сеть морщин оплела кожу вокруг ее глаз, как паутина, но ее глаза увлажнились.

Она наклонилась и ласково сжала плечо Квинн, прежде чем отпустить.

— Проваливай отсюда, пока я тебя не поколотила, девочка. Эта трость не только для ходьбы, знаешь ли.

Квинн достала из шкафа винтовку 22 калибра и оставила его при себе. Теперь она будет спать с ней. Она потрогала свою все еще побаливающую голову.

Она не могла выбросить из головы лицо Рэя. Его глаза. Как они сверкали враждебностью, жаждой хаоса и насилия.

В нем сидело что-то недоброе. Темный, ядовитый рак. Он еще недостаточно проголодался. Не достаточно отчаялся или разъярился. Но он обязательно дойдет до этого.

Может быть, завтра или на следующей неделе, но это случится. Квинн не сомневалась в этом.

Глава 29

Ноа

День четвертый

Несмотря на обещание, данное Розамонд Синклер, прошло два дня, прежде чем Ноа удалось навестить Аттикуса Бишопа в церкви Кроссвей на Мейн-стрит.

Он провел утро, помогая волонтерам перегонять занесенные снегом автомобили, заглохшие посреди улицы, которые требовалось отбуксировать на обочину или переместить на менее используемые боковые улицы, чтобы сохранить Мейн-стрит свободной и расчищенной.

Старый снегоуборщик заработал после того, как Тина Ганди, дочь механика, немного повозилась с ним. Слава богу, за малые радости. Из-за ограниченного бюджета Фолл-Крик не мог приобрести более новую машину уже более десяти лет.

Церковь из серого камня с возвышающимся шпилем и витражными окнами стояла на углу Мейн и Риверсайд-роуд, с одной стороны находилось азиатское бистро, а с другой — магазин аппаратуры Фуллера. Прямо через дорогу располагалась таверна «Файрсайд».

Пьяные завсегдатаи часто приходили к Бишопу на исповедь поздно вечером. Бишоп всегда принимал их с распростертыми объятиями.

Продовольственная кладовая Кроссвей располагалась сбоку от церкви, с левой стороны. Более ста человек стояли в очереди по три-четыре человека, которая тянулась через пустую парковку до самой улицы.

Поначалу Ноа захотелось отвести людей с дороги, но он пересилил себя. Улицы опустели. Автомобили и снегоходы можно отчетливо услышать за милю в этой жуткой тишине.

Люди в очереди оборачивались и смотрели на него, когда он с ревом подъезжал на громоздком реквизированном «Кавасаки». Старый двигатель кашлял, извергая удушливые клубы дыма.

Устроившись между его руками, Майло дрожал на сиденье перед ним. Ноа все еще не нашел няню, поэтому Майло уже третий день подряд ездил с ним на работу.

Он надеялся поговорить с Бишопом по этому поводу. Жена Бишопа, Дафна, работала ветеринарным техником, но сейчас она сидела дома с двумя маленькими дочками.

Может быть, она могла бы присмотреть и за Майло, пока все не наладится.

Ноа снял шлем, спрыгнул с «Кавасаки», сунул брелок в карман и помог Майло спуститься. Сын погрузился в густой снег по самые колени.

Майло стянул с себя огромный шлем, который Ноа нашел для него. Его черные кудри разлетелись вокруг лица в беспорядке. На щеках горел румянец, темные глаза ярко блестели.

— Ты в порядке, приятель?

Майло сморщил нос.

— Папа, я в порядке. Тебе не обязательно спрашивать так часто.

— Прости. Просто хочу быть уверен.

День выдался пасмурным, а мрачное небо обещало еще больше снега. Температура

слегка ниже нулевой отметки. При каждом вдохе его лицо покрывалось клубами пара.

Слишком холодно, чтобы находиться вне дома более нескольких минут без качественной одежды, и все же толпа выглядела так, как будто они уже давно стоят на улице в ожидании.

Семьи прижимались друг к другу. Отцы держали на руках малышей. Пожилые пары обхватывали друг друга за талию, прижимаясь друг к другу, чтобы получить хоть немного тепла.

Каждый застегнул свою верхнюю одежду до горла, обматывая шарфом или повязкой шею и нижнюю часть лица.

Они притопывали ногами, дрожали и крепче сжимали свои корзины, сумки и картонные коробки — все пустые. Пустые, как их кладовки и холодильники, пустые, как их урчащие животы и животы их детей.

Всего через четыре дня после случившегося у людей уже заканчивалась еда. Как и говорила Молли, бабушка Квинн.

После похода за покупками в магазин «Френдли» у Ноа оставалось еды на пару недель. На оставшиеся деньги он купил у Майка Дункана столько дров, сколько смог. Поскольку огонь горел всю ночь, он быстро их расходовал.

Молли помогла ему установить амишское ведро для колодца на его участке. Ведро с водой рядом с туалетом обеспечивало их санитарные нужды. Слава богу, что у них есть септическая система.

Это не слишком весело, легко и удобно, но пока они справлялись.

Ноа наклонился к Майло.

— Иди прямо за мной по моим следам. Держись рядом.

— Я могу это сделать.

— Верно. Я знаю, ты сможешь.

— Офицер Шеридан! — закричал кто-то. — Что происходит?

— Почему мы не можем купить продукты в магазине?

— Ваши люди не пускают в аптеку!

— Я не могу купить лекарства своей матери!

После того, как накануне вечером во «Френдли» едва не произошел бунт, Розамонд и шеф Бриггс приняли решение закрыть магазин, заправку и аптеку Винсона на день или два, пока не будет выработана очередность охраны.

— Это для всеобщей безопасности, — спокойно сказал Ноа. — Как только порядок будет восстановлен, мы снова откроем все для посетителей, в пределах разумного. Мы делаем все возможное, уверяю вас.

Пожилый латиноамериканец сплюнул на снег.

— Разве этот снегоход не принадлежит Билли Картеру? Я узнаю этот рисунок с пауками по бокам.

Ноа признал в нем кассира, работающего на полставки в банке Общественного траста. Дэниел Родригез обычно отличался дружелюбием и приятным характером, а не раздражительностью, как сейчас. Люди начали меняться, и Ноа это не нравилось.

Он заставил себя улыбнуться, хотя не испытывал никакого желания.

— Этот снегоход предоставлен правоохранительным органам на короткое время, чтобы мы могли выполнять свою работу и убедиться, что вы, жители, получаете необходимую помощь и остаетесь в безопасности.

— Безвозмездно, чтоб я сдох, — проворчал Родригез.

Ноа решил не обращать на него внимания. Старик устал, испытывал стресс и был голоден, как и все остальные. Нет смысла расстраивать его еще больше, вступая в спор.

На выданной Ноа куртке сбоку была молния для доступа к служебному оружию. Он расстегнул ее, готовый пожертвовать теплом ради скорости. На всякий случай.

Убедившись, что Майло не отстает от него, Ноа пробирался по снегу вдоль внешнего края очереди. Ноздри саднило, холод ранил легкие. Кончики пальцев все еще жгло и щипало от обморожения.

— Как долго продлится отключение света? — прокричала Максин Хэммонд. — У меня не осталось еды, чтобы накормить детей. Дров тоже нет. Прошлой ночью я думала, что мы замерзнем до смерти.

— Мы не уверены, миссис Хэммонд, — осторожно сказал Ноа. — Но у нас уже есть кое-какие варианты. Средняя школа используется в качестве аварийного убежища, если вам это нужно. Кто-то должен был прийти и уведомить вас.

За последние два дня три офицера, пять офицеров запаса и около тридцати добровольцев ходили от дома к дому — одни на квадроциклах и снегоходах, другие на лыжах и снегоступах — передавая информацию о чистой воде, которую он узнал от Молли, и проверяя, какие дома заняты, а какие пусты.

Они также не забывали спрашивать о наличии ресурсов и припасов. Некоторые жители отвечали на них охотнее, чем другие. Чем больше ресурсов будет у общины, тем эффективнее они смогут помочь всем.

— Да, и что? — Миссис Хэммонд покачала головой, нахмурившись. — Слышала, что прошлой ночью они разместили почти двести человек. Едва накормили их супом, не говоря уже о приличном ужине. Не хватило кроватей, и большинство людей спали на полу спортзала, прижавшись друг к другу, как сардины в банке.

— Мы работаем над этим, — заверил Ноа. — Пожалуйста, потерпите еще немного. Мы делаем все, что в наших силах.

Миссис Хэммонд отвернулась с презрительным фырканьем.

— Этого недостаточно.

Все больше людей обращались к нему. Он не мог ответить на все вопросы, к их неудовольствию. Он продолжал идти.

За последние два дня умерли три человека: женщина с почечной недостаточностью, прикованный к инвалидной коляске мужчина лет восьмидесяти и трехлетний мальчик, который посреди ночи скинул с себя одеяла.

У семьи маленького мальчика не оказалось ни камина, ни дровяной печи, ни генератора. Но и в убежище они не пришли.

Ночные температуры опускались до отрицательных значений, даже без учета ветра. А при штормах с эффектом озера Мичиган ветер всегда дул холодный.

Без средств обогрева дома становились слишком холодными.

Даже при потрескивающем огне они с Майло спали полностью одетые, в нескольких пижамах, толстых носках и свитерах. Прошлой ночью он соорудил обогреватель из цветочного горшка, как посоветовал Квинн.

Обогреватель на удивление хорошо грел. На самом деле, горшки стали слишком горячими, чтобы прикасаться к ним голыми руками.

Даже с дополнительным теплом ему все равно не удавалось заснуть. Он метался и

ворочался всю ночь, постоянно беспокоясь обо всем — об опасном холоде, о близких бунтах, об уменьшающемся количестве еды, но в основном о лекарстве Майло.

После вчерашнего визита к Квинн и ее бабушке он зашел в аптеку Винсона. Роберт Винсон был стройный, подтянутый белый мужчина лет шестидесяти, его редкие белые волосы резко отступали ото лба.

— Я проверил все ящики в подсобке, — мрачно сказал фармацевт. — Еще одна партия должна была прибыть двадцать четвертого числа, но она так и не поступила. А из-за праздников и снежной бури, которая разразилась прямо перед Рождеством и задержала многие поставки, некоторые наши рецепты закончились или находятся в резерве. Прости, Ноа, но у меня закончился гидрокортизон.

Ноа тяжело сглотнул. Поскольку последние несколько дней он давал Майло двойную дозу, у него оставался только недельный запас. И одна инъекция ударной дозы на случай чрезвычайной ситуации. Вот и все.

— Этого не может быть.

Доктор Винсон потер глаза.

— Послушай. Майло может принимать преднизон в крайнем случае, но врачи не советуют назначать его детям, потому что возможны долгосрочные побочные эффекты, включая задержку роста. Но в экстренных случаях...

Он сунул Ноа в руку маленькую бутылочку. Она оказалась заполнена меньше, чем наполовину.

— У тебя должен быть рецепт на это, но я знаю, что сейчас это почти невозможно. Мне жаль. Хотелось бы больше. У меня есть пациенты с лимфомой Ходжкина, болезнью Крона, аутоиммунными заболеваниями. Я бы с радостью отдал все это твоему сыну, но просто не могу.

Ноа уныло кивнул. Преднизон даст Майло еще две недели или около того.

А что потом? Этот вопрос звучал в его голове снова и снова, преследуя Ноа. Что потом? У него все еще нет ответа.

— Ноа Шеридан! — раздался громкий голос, резко вернув его в настоящее. — Я не предполагал, что для того, чтобы привести тебя в церковь, потребуется такое сильное потрясение, но, полагаю, Господь делает то, что должен!

Здоровенный чернокожий мужчина распахнул боковую дверь, проскочил мимо волонтера, наполнявшего чью-то сумку консервированными бобами, и бросился к Ноа.

Он заключил Ноа в крепкие медвежьи объятия, едва не сломав ему ребра.

— Бишоп, — приглушенно произнес Ноа, прижатый к груди друга. — Я тоже рад тебя видеть.

Аттикус Бишоп отстранился и заглянул ему в лицо.

— Тебя даже не видно под всем этим дерьмом. На улице холодно. Заходи внутрь!

Он подошел к Майло и протянул ему руку.

— Привет, Майло. Как дела?

Майло подпрыгнул, чтобы дотянуться до его руки, чуть не упал в снег, но широко улыбнулся.

— Теперь я могу кататься на снегоходе. Папа говорит, что я могу даже управлять им! Папа не ездит слишком быстро, но я точно буду разгоняться до восьмидесяти миль в час, как на варп-скорости.

— Может быть, я сказал «может быть», — уточнил Ноа. — И нет, точно не будешь.

— Почему он проходит без очереди? — закричал кто-то.

— Мы стоим уже два часа!

— Это несправедливо!

— Все будут сыты, — заявил Бишоп, приветливо махнув рукой толпе. — Не волнуйтесь. Несколько человек продолжали ворчать. Бишоп лишь усмехнулся и проигнорировал их.

— Терпение — великая добродетель, — проговорил он, понизив голос и подмигнув Майло, — но почему-то мне кажется, что сейчас они не оценят проповедь.

Глава 30

Ноа

День четвертый

Ноа и Майло последовали за Бишопом внутрь, в большую комнату. Сотни мешков, коробок и банок с едой заполняли металлические стеллажи от пола до потолка. Каждый сантиметр свободного пространства оказался заставлен припасами.

Рядом с боковой дверью находилась перегородка с отверстием, похожим на окно, через которое два волонтера распределяли продукты — по несколько пакетов еды на каждого человека, включая детей.

— Вау, — воскликнул Ноа. — Я под впечатлением.

Бишоп усмехнулся.

— У нас есть еще три комнаты, еще более забитые, чем эта.

Ноа знал, что церковь Кроссвей предоставляет самый большой продовольственный склад в округе, но он не понимал, насколько большой.

— Как вы...?

Бишоп пожал плечами, но в его глазах светилась гордость.

— Не надо ставить мне это в заслугу. Это страсть Дафны. Это она так усердно работала все эти годы — собирала вещи, организовывала волонтеров, заставляла меня выделять все большую и большую часть бюджета на нужды общества. Она всегда говорила, что правительство не будет многого стоить, если что-то пойдет не так на самом деле. Ну, тебе не обязательно выслушивать это от меня. Она здесь.

Дафна повернулась со своего места у окна. Она запихнула по банке спагетти, тунца, зеленой фасоли и две коробки спиральных макарон в пластиковый пакет для покупок.

— Рада снова тебя видеть, Ноа. И я тебя, Майло.

— Привет, мисс Дафна, — сказал Майло.

— И я тебя, Дафна. Вижу, ты держишь Бишопу в узде.

— Всегда. — Дафна передала полный пакет через прилавок пожилой супружеской паре с Ближнего Востока, которым было около семидесяти лет. — Держите, мистер и миссис Амари. Следите за тем, чтобы оставаться в тепле. И помните, что вы можете прийти в церковь вечером, если вам нужно.

Ноа удивленно поднял брови.

— Еще одно молитвенное собрание?

Бишоп криво усмехнулся. Он был одет в свою обычную гавайскую рубашку, поношенную кожаную куртку и джинсы. Единственным признанием жестокой погоды был серый шарф «Детройт Лайонз», обмотанный вокруг толстой шеи.

Он всегда говорил, что ему не нужна шапка, что его волос достаточно, чтобы голова оставалась в тепле. Даже в старших классах он часто приходил в школу в шортах и футболке

в разгар зимы. Он отличался от остального человечества своим метаболизмом.

Они дружили с первого года учебы, когда оба, вместе с Джулианом Синклером, попали в старшую школу. Джулиан и Бишоп никогда не ладили, но ради Ноа терпели друг друга.

Аттикус Бишоп был сложен как полузащитник, на позиции которого он и играл. На поле он слыл монстром, но за его пределами оставался одним из самых добрых и мягких людей, которых Ноа когда-либо знал.

В армии он несколько лет служил капелланом, а затем вернулся домой, чтобы служить своей церкви и обществу с той же преданностью и неустанной энергией, с которой он служил футболу и своей стране.

— У нас есть большой генератор, который мы купили на аукционе несколько лет назад после того, как шторм отключил электричество на пять дней, — поделился Бишоп. — В любом случае, Дафна говорит, что отапливать пустую церковь будет преступлением. И ты знаешь, я никогда с ней не спорю.

— Это правда! — отозвалась Дафна с усмешкой в голосе. — И пусть он не пытается убедить тебя в обратном.

Дафна была пухленькой и фигуристой, с широкой лучезарной улыбкой, искренним смехом и теплой смуглой кожей, которая, казалось, светилась. Как и ее муж, она излучала заразительную энергию и обладала природной способностью пробуждать лучшее в других.

— Этого запаса хватит надолго тебе и твоей семье.

— Вот моя семья. — Бишоп жестом показал на добровольцев, собирающих еду, затем на очередь людей снаружи. — Мы открываем церковь на закате каждую ночь и впускаем всех, кому нужно безопасное, теплое место для ночлега. Прошлой ночью к нам пришло почти тридцать человек. Мы приняли несколько семей с маленькими детьми на неопределенный срок.

— Как скоро у вас все закончится?

— Три или четыре недели, минимум. Мы поступили умно, во всяком случае, Дафна, и запаслись дизельным топливом. Слава богу, генератор старый. Я слышал, что некоторые из более новых моделей тоже не работают.

— Да, не работают. Во всех новых моделях генераторов стоят компьютерные чипы. Они тоже сгорели, как и все остальное. Солнечные батареи Майеров и Рика Рейнольда также не работают. Наверное, потому что они были подключены к сети, когда она отключилась. — Ноа смахнул тающий снег со лба. — Однако большая часть «Винтер Хейвена» все еще пользуется солнечной энергией.

— Рад за них, — проговорил Бишоп, и, в отличие от остальных жителей города, он говорил искренне. — Есть еще какие-нибудь новости? Например, что случилось, и кто это с нами сделал?

— Пока никаких новостей, — ответил Ноа. — Тина Ганди возилась с радиоприемником Дейва, и вчера он заработал. Правительство пока ничего не сообщает. В основном это слухи и домыслы. Большинство людей на радио, похоже, согласны с тем, что это ЭМИ-атака, и она затронула большую часть страны.

— Мы узнали, что Национальная гвардия охраняет границы штата. Они работают над расчисткой дорог и восстановлением линий снабжения. На основных автомагистралях, ведущих в крупные города и из них, установлены контрольно-пропускные пункты.

— Ну, это уже что-то, во всяком случае. А что насчет Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям? Губернатор?

Шеф Бриггс предоставил им отчет этим утром.

— Мы установили контакт с офисом губернатора. Но мы не смогли установить радиосвязь, нам пришлось отправить туда наших ребят. Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям работает над распределением помощи, но логистика затруднена. В первую очередь они сосредоточены на густонаселенных центрах, а затем добираются до сельских городов и деревень. Губернатор не сказал нам, сколько времени пройдет до прибытия помощи. Я сомневаюсь, что он вообще знает.

— Губернатор сказал, что есть сообщения о грабежах и угонах вдоль всех основных автомагистралей. В городах много грабежей, ограблений и бандитских разборок. Наши офицеры попали в засаду на обратном пути по шоссе I-94. Их держали на мушке, забрав оружие и снегоходы. Вот почему им потребовалось так много времени, чтобы вернуться.

— Слава Богу, они в порядке, — рассудительно заметил Бишоп. — Как дела в городе? Вы закончили перепись?

Ноа поднял брови.

Бишоп махнул рукой.

— Люди болтают. Это все, о чем я слышал в последние несколько дней.

— Мы просто хотим знать, кто здесь находится, чтобы проверить их и убедиться, что у всех все в порядке. — Он колебался. — Розамонд думает, что если мы объединим некоторые из наших ресурсов, то сможем помочь большему количеству людей.

— Хм, — отозвался Бишоп, его голос не выдавал его чувств по этому вопросу.

Майло потянул Ноа за куртку.

— Папа, а как же Юнипер и Хлоя?

Ноа взглянул на Дафну.

— Я хотел спросить, не могла бы ты присмотреть за Майло днем, когда я на дежурстве. Я знаю, что прошу многого, но...

Дафна не колебалась.

— Конечно! Девочки будут в восторге.

— У меня в сумке соленые закуски, «Педиалит» и лекарства для Майло.

— У нас здесь есть еще несколько электролитных напитков, — сказала Дафна. — Я найду их для тебя.

Ноа благодарно улыбнулся.

— Ты не представляешь, как много это для меня значит.

— Я отведу тебя к девочкам. — Бишоп с улыбкой посмотрел на Майло. — Ты был очень терпелив, молодой человек. Пойдем.

Ноа и Майло последовали за ним по узкому коридору во вторую комнату, где горстка добровольцев в пальто и сапогах сортировала на столах припасы. Освещение обеспечивали три фонаря на батарейках, расставленные по комнате.

Генератор использовался только для обогрева, а термостат установили на отметку около шестнадцати градусов. Единственное окно завесили одеялом, закрепленным со всех сторон клейкой лентой, чтобы теплый воздух оставался внутри, а холодный — снаружи.

— Девочки где-то здесь. . Они пересчитывают и разделяют консервированные овощи и фрукты. Захватывающе, я знаю. Но почти уверен, что они заодно строят замки из банок из-под супа вон там, в углу, когда думают, что никто не смотрит.

Маленькая девочка лет шести выскочила из-за стены из банок со стручковой фасолью, кукурузой и оливками высотой в три фута. Кожа у Хлои имела приятный коричневый

оттенков, как у ее матери, и она так же приветливо улыбалась. Пластиковые зажимы-бабочки в ее косах звенели, когда она исполнила забавный танец.

— Майло! — радостно прокричала она.

Девятилетняя дочь Бишоп, Юнипер, высунула голову из-за угла одной из полок. Она выглядела сорванцом с грязью под ногтями, одетая в джинсовый комбинезон под синей полосатой курткой, ее жилистые черные волосы были стянуты в два пучка.

— Давай играй! — Юнипер посмотрела на своего отца. — Я имею в виду, работать очень усердно без перерывов!

Бишоп и Ноа усмехнулись. Бишоп сунул руку в карман куртки и достал открытый пакет с зефиром. Он бросил его девочкам, и они, визжа от смеха, поймали его и спрятались за стеной из банок.

Майло вопросительно посмотрел на Ноа, его темные глаза умоляли.

— Можно?

Ноа присел перед ним на корточки.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Папа. — Майло сморщил нос. — Я чувствую себя отлично!

— Тогда вперед, приятель.

Юнипер и Хлоя обе были милыми, энергичными маленькими девочками, полными заливистого смеха и визгов восторга. Они втянули торжественного, серьезного Майло в свою орбиту, танцевали и болтали с ним, пока он тоже не стал улыбаться и хихикать.

Сердце Ноа наполнилось теплом. С болью он подумал об их холодном, тихом, слишком пустом доме. Дом опустел и затих задолго до отключения электричества.

Майло нужно больше таких моментов. Больше шансов просто побыть ребенком без груза их общего горя, всегда лежащего на его маленьких плечах.

Оставив детей радостно играть, Ноа и Бишоп прошли по коридорам, через фойе и вошли в церковь.

Она была большой, но просто обставленной, с двумя рядами деревянных скамей и широким центральным проходом, ведущим к помосту. Простая деревянная кафедра стояла перед крестом в натуральную величину, который висел на задней стене.

Солнечные фонари, разбросанные повсюду, освещали помещение. Несколько пропановых обогревателей согревали большое помещение. Все витражные окна закрывали одеяла, прибитые или приклеенные к стенам.

Полдюжины семей ютились на скамьях. Мать возилась с коляской, убаюкивая своего ребенка. В противоположном углу стоял отец с крошечным свертком на груди, пытаясь заглушить жалобный плач младенца.

— Как я мог отказать им? — тихо сказал Бишоп. — Это наше служение. Наше призвание. Подобно Иосифу и его хранилищам в Египте, мы готовились к такому времени, как это.

— Почему-то меня это не удивляет, — Ноа прочистил горло, поправил свою куртку поверх униформы. Именно этой части визита он боялся. — Итак... ты знаешь, что Розамонд открыла приют в средней школе. Они просят местных жителей, у которых есть немного больше, чем у других, пожертвовать немного вещей. Пока не придет Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям, и мы не решим, что делать дальше.

Бишоп скрестил свои огромные руки на груди. Он ничего не сказал, просто ждал.

Лицо Ноа запылало.

— Мы надеялись, что ты захочешь объединиться с нами.

— Мы?

Ноа неловко переступил с ноги на ногу.

— Мы должны справляться с этим вместе, Бишоп. Все мы.

Бишоп оставался настроен скептически.

— Это наше служение. Не могу сказать, что мне нравится идея, когда кто-то другой решает, кто что получит.

Ноа вздохнул. Это именно то, о чем он переживал. Бишоп всегда был упрямым, самодостаточным парнем. Ему нравилось вести дела по-своему.

Как и Розамонд.

— Какая разница, кто дает, лишь бы люди не голодали и не замерзали до смерти?

Бишоп устремил свой темный, уверенный взгляд на Ноа.

— Я мог бы передать то же самое ей.

Ноа открыл рот, но ничего не сказал. У него не нашлось ответа на это. Во всяком случае, хорошего.

— Все просто. — Бишоп сжал челюсть. — Пусть суперинтендант делает свое дело, а мы будем делать свое.

Ноа в свою очередь проронил:

— Надеюсь, все будет так просто.

Он не знал почему, но в глубине души у него зародилось странное чувство тревоги.

Ничто уже не казалось простым.

Глава 31

Квинн

День пятый

Квинн в ужасе уставилась на красный квадрацикл, припаркованный у обочины дороги, ведущей к церкви Кроссвей. Ее пронзил страх.

Рэй и Октавия здесь. После того, как они с бабушкой выгнали их вчера из бабушкиного дома, они, должно быть, решили, что церковь — более легкая добыча.

Это плохо. Очень плохо.

Бабушка попросила ее отнести несколько пакетов с продуктами и консервы. По словам бабушки, нужно соблюдать осторожность и не сообщать соседям, сколько у них еды, но это не значит, что нельзя помогать обществу.

Пожертвования через продовольственный склад Кроссвей позволяли им делать добро и при этом не терять своих запасов.

Квинн припарковала «Оранж Джулиус» прямо посреди дороги перед церковью. Кто мог ее остановить?

Она оставила пакеты на пассажирском сиденье. Квинн слишком волновалась о том, что могут сделать Рэй и Октавия, чтобы беспокоиться о консервированном горошке.

Она закрыла «Джулиус», положила ключи в карман и поспешила к зданию. Квинн уже бывала здесь раньше. Бабушка и дедушка таскали ее на несколько служб. Она сама не очень-то любила церковь.

Под сапогами хрустел твердый снежный наст. Стальное серое небо низко и зловеще нависло над деревьями. Холодный воздух щипал щеки и уши.

В воздухе все еще висел запах выхлопных газов. Должно быть, они только что приехали.

Длинная, неровная очередь из примерно ста человек растянулась по заснеженной парковке. Семьи с детьми, пожилые пары, одинокие люди — все держали в руках пустые пакеты или картонные коробки, ожидая, когда их наполнят.

Впереди мелькнул клубок темных волос Октавии и ее грязно-желтая куртка. Рэй шел рядом с ней. Они протискивались сквозь толпу, чтобы пробиться к началу очереди.

— Эй! Вам нужно встать в очередь, как все остальные! — крикнул мужчина, когда Октавия протиснулась мимо него.

Октавия даже не потрудилась обернуться.

— Отвали. Мы голодны.

— А ты думаешь, мы нет?

Октавия проигнорировала мужчину и жалобный ропот позади нее. Она дошла до передней части очереди, перегнулась через стойку и вырвала пакет из рук добровольца.

Рэй встал рядом с ней и схватил другой. Он навис над вторым добровольцем — корейкой средних лет, которая заметно отпрянула от него.

Квинн ускорила шаг. Она прошла вперед к началу очереди.

— Октавия! Что ты делаешь?

Октавия проигнорировала ее. Она заглянула в пакет и усмехнулась.

— Это ерунда. Это исчезнет меньше чем через день. Где остальное?

— Только один пакет на человека, — сказала корейка. Она нервно переводила взгляд с Октавии на Рэя. — Вы можете вернуться завтра, чтобы взять еще...

— Потребовался почти час, чтобы добраться сюда! — Октавия врала. — И у нас практически закончился бензин. Завтра мы не пойдем в этот поход. Черт, нет. Дайте нам больше припасов.

— Простите, мэ...

— Вон из очереди! — крикнул мужчина.

— Отходите!

— Давайте! Пропустите следующего человека!

— Мы не уйдем, — процедил Рэй сквозь стиснутые зубы, — пока не получим то, что нам причитается.

Он трясущейся рукой вытер рот тыльной стороной ладони. Его руки дрожали. Все его тело дергалось и пульсировало. Он был под кайфом — метамфетамин или крэк.

Горячий стыд залил щеки Квинн. Она схватила мать за руку.

— Тебе ничего не должны. Просто уходи уже!

Октавия отпихнула ее.

— Не лезь в это, малявка!

— В чем здесь проблема? — Жена пастора — пухлая черная женщина — подошла к окну кладовой и положила руку на плечо добровольца, мягко оттеснив ее с линии огня. Квинн узнала ее, но не помнила имени.

Женщина доброжелательно улыбнулась Рэю и Октавии.

— Мы выдаем понемногу каждый день, чтобы наших запасов хватило надолго, и мы могли помочь как можно большему количеству из вас. Надеюсь, вы сами понимаете, как обменивать то, что у вас есть, чтобы получить то, что вам нужно, добываете это охотой или используете свои пятьдесят долларов в продуктовом магазине. Это лишь дополнение, чтобы помочь вам выжить. Мы надеемся, что вы стараетесь найти надежный вариант на будущее.

— Ты слышала ее, — повторила Квинн более решительно. — Уходи. Сейчас же.

Октавия повернулась и злобно толкнула Квинн.

— Я сказала, оставь меня в покое!

Квинн потеряла равновесие и упала на снег. Не столько больно, сколько неприятно. В ушах звенело от жалостливого ропота толпы. Щеки горели.

Она ненавидела их жалость. Презирала ее. Не хотела ни унции ее. Бедная маленькая Квинн, проблемная девочка без отца и с ужасной наркоманкой в качестве матери.

К черту их. Пошли они все.

Квинн резко поднялась на ноги, повернулась к ожидающей толпе и подняла обе руки. Она показала им средний палец — на обеих руках.

Она ожидала осуждающих и оскорбленных взглядов. Самодовольного цоканья языком и качания головой.

Но Квинн не ожидала удивленных и потрясенных возгласов, лиц, искаженных внезапным страхом. Что-то неладно.

Квинн обернулась.

Рэй вытащил пистолет. Она видела его сотни раз — 9-миллиметровый «Смит и Вессон». Рэй направил его на жену пастора.

— Никому не двигаться, или я стреляю, — прорычал он.

Испуганные, два добровольца вскрикнули и пригнулись.

Половина толпы разбежалась с криками и воплями. Другая половина застыла на месте. Потрясенные, они не двигались. Матери и отцы оттеснили своих детей за спины, но они боялись бросить вызов Рэю, побежать, чтобы привлечь внимание Рэя и самим получить пулю.

Жена пастора попятилась назад, но не пригнулась и не струсила.

— Это неправильно, — сказала она дрожащим голосом. — Вы не должны этого делать.

Страх пронзил Квинн. Ее сердце заколотилось в груди. Она хотела повернуться и убежать, или спрятаться, как все остальные.

Она не стала. Ее ноги напоминали вареные спагетти, но ей удалось устоять на месте.

— Октавия! Останови его!

Октавия сделала вид, что ее дочери не существует. Ее исхудавшее лицо ожесточилось. Она протянула свободную руку к Дафне.

— Отдай мне эту чертову еду! — рыкнула Октавия. — Или я скажу ему, чтобы он тебя пристрелил.

Жена пастора быстро согласилась. Она протянула три наполненных пластиковых пакета, Октавия схватила их и жадно прижала к груди.

Рэй выразительно помахал пистолетом.

— Мы берем то, что хотим. Никто нас не остановит.

— Я остановлю вас, — произнес знакомый голос.

Глава 32

Квинн

День пятый

Квинн перевела взгляд немного вправо, не желая отводить глаза от Рэя и пистолета. Боковая дверь открылась бесшумно, никем не замеченная.

Ноа Шеридан стоял в дверном проеме, расставив ноги, табельный пистолет был снят с предохранителя и держался двуручным хватом, дуло было направлено на Рэя.

Она не знала, почувствовать ли облегчение или еще больший ужас. Сердце колотилось в груди, Квинн смотрела на Ноа на Рэя и обратно на Ноа. Они находились на расстоянии около двадцати пяти футов друг от друга, Квинн стояла к ним обоими лицом.

Безумные, выпученные глаза Рэя бешено вращались.

— Не двигайся! Не двигайся, или я стреляю!

Никто не пошевелился. В воздухе висело напряжение.

Воспоминание пронзило Квинн — она и Ноа, неуверенно цепляющиеся за трос в тридцати футах над землей. Страх, холод, снег и бесконечная темнота. Как они вместе спустились вниз.

Ноа умен и опытен. Он говорил с ней так, будто она настоящий человек, будто ценил ее мнение, а не так, как большинство взрослых — большинство полицейских — обращаются с угрюмыми, развязными подростками.

Она рада, что он здесь.

Ноа вышел из дверного проема. Он не сводил взгляда с Рэя.

— Опустите оружие, Рэй Шульц. Все остальные, пожалуйста, медленно и спокойно пройдите к задней части парковки и аккуратно обойдите здание церкви. Рэй, мне нужно, чтобы ты убрал это.

Квинн не могла знать, послушалась ли толпа. По ее мнению, они могли раствориться в воздухе или самовозгореться.

Ее пульс стучал в ушах. Во рту пересохло. Она стала видеть, как в туннеле. Ее фокус сузился до маленькой точки.

Она видела только Рэя с пистолетом и Октавию рядом с ним. И Ноа, его оружие наставлено на Рэя. И, косвенно на ее мать.

Неважно, насколько сильно она презирала свою мать, Квинн не хотела ее смерти. Ее уши наполнились тупым жужжанием. Время, казалось, остановилось, все стало размытым и замедленным.

Рэй отказался опустить оружие. Он отступил вглубь парковки, не сводя пистолета с жены пастора.

— Нет, я так не думаю. Октавия, подгони квадроцикл. Мы уходим.

Октавия попятилась, ее лицо напряглось от странной смеси страха, ликования, жадности и сомнения. Она прижимала пакеты к своей костлявой груди. Ее длинные черные волосы прилипли к потрескавшимся и покрасневшим щекам. Глаза остекленели и налились кровью.

— Мама! — Квинн закричала, пораженная.

Октавия вела себя так, будто не слышала ее. Может быть, и не могла. Может быть, она слишком далеко. А может быть, ей на самом деле совершенно наплевать на дочь.

Это не удивило Квинн. Но все равно причиняло боль. Как удар в самое сердце.

— Не двигайся, Октавия, — предупредил Ноа. — Все закончится не так, как ты думаешь.

— Все закончится именно так, как я хочу, — прорычал Рэй. — Ты собираешься стрелять в присутствии всех этих гражданских? Ничего у тебя не получится, офицер.

— Нет необходимости в насилии, — громко, четко и твердо проговорила жена пастора. — Мы дали вам все, что нужно.

Рэй фыркнул.

— Какая смешная шутка, обхохочешься.

— Веришь или нет, но мы хотим вам помочь. Почему бы тебе не убрать оружие? Оно тебе не нужно. Мы можем поговорить.

— Именно твой дружок-коп держит свою пушку направленной на мою голову. Почему бы не сказать ему, чтобы он опустил ее первым!

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать, — ровно ответил Ноа. — Но Дафна права. Ты еще не зашел слишком далеко. Просто убери этот чертов пистолет, и мы сможем все уладить. Все напуганы. Все голодны. Мы понимаем, что ты боишься.

Глаза Рэя выпучились, обезумев от ненависти и злобы. Царапина, которую она оставила на его щеке, была того же оттенка пульсирующего красного, что и все лицо.

— Тебе не запугать меня, Шеридан.

Рэй повернулся к Дафне.

— Думаешь, что ты лучше меня, да? Ты и твоя самодовольная кучка тупых овец!

— Нет! — возразила Дафна. — Мы здесь, чтобы помочь тебе...

Рэй поднял пистолет.

Люди закричали. Звук стал тихим и далеким.

Вдруг краем глаза Квинн заметила движение.

Это произошло в одно мгновение. Огромная темная полоса метнулась сбоку и налетела на Рэя. Рэй хрюкнул и тяжело рухнул, завалившись набок.

Пистолет вылетел из его рук. И упал на снег в нескольких ярдах от него.

Мужчина схватил Рэя, перевернул его на живот и ударил коленом в спину, фактически подчинив его себе менее чем за секунду. Крупный чернокожий парень с афрокосичками и в кожаной куртке. Пастор церкви Кроссвей.

— Слезь с меня! — закричал Рэй.

— И не подумай, — ответил Бишоп, тяжело дыша.

Ноа бросился вперед, убрал пистолет в кобуру и достал пару наручников. Он встал на колени рядом с Рэем и завел его руки за спину.

— Рэй Шульц, вы арестованы. Вы имеете право хранить молчание...

В двух ярдах позади него Октавия нагнулась за «Смит и Вессоном». Она подняла его и повернулась к Ноа и Бишопу, выражение чистой ненависти исказило ее лицо.

— Ноа! — закричала Квинн.

Ноа вскочил на ноги и крутанулся на месте. Быстрым движением он достал из своего пояса небольшое странное оружие — электрошокер, направил его на Октавию и нажал на кнопку спуска.

Октавия вздрогнула. Она дёрнулась, задрожала и упала боком на снег. Она корчилась и стонала. Оружие выскользнуло из ее пальцев.

Ноа подобрал его и засунул в карман куртки.

Квинн просто смотрела на свою мать, корчащуюся на снегу, с кислым привкусом в горле. Ее желудок распирало от унижения, мерзкого, извивающегося стыда.

Она не хотела верить, что это происходит. Не хотела верить, что ее мать сделает что-то настолько невероятно глупое. И все же, она сделала. Глупой была Квинн.

Бишоп закончил надевать на Рэя наручники — Рэй ругался и сыпал оскорблениями, а Ноа достал второй комплект и надел их на хрупкие запястья Октавии.

— Ты покойник, Бишоп! — кричал Рэй. — Ты слышишь меня? Я убью тебя!

Бишоп проигнорировал его. Он стоял и счищал снег с джинсов и гавайской рубашки. Как он не замерз до смерти, Квинн не понимала.

Добровольцы столпились за стойкой, плача и обнимая друг друга. Разошедшаяся толпа медленно возвращалась по трое и по четверо, неохотно, все еще ошеломленная и настороженная. Они смотрели и показывали на Рэя, распростертого на снегу, как связанная свинья.

Он ругался и проклинал их, бросая оскорбления и угрозы, выплевывая грязный снег, который так и норовил попасть ему в рот. Октавия только стонала.

Охваченная тоской, Квинн отвернулась от них обоих.

— Теперь вы в безопасности, друзья, — сказал Ноа. — Опасность миновала.

Почему-то от этих слов ей не стало легче.

Глава 33

Ноа

День пятый

Сердце все еще колотилось, Ноа включил рацию. В данный момент на дежурстве находились еще три офицера, и они оставались в пределах досягаемости.

— Мне нужна помощь в церкви Кроссвей на углу Мейн и Риверсайд-роуд. Подозреваемые — Рэй Шульц и Октавия Райли. Оба задержаны и в наручниках.

Джулиан ответил.

— Я на Эппл Блоссом, всего в трех кварталах от тебя. Сейчас приеду.

Рация снова затрещала.

— Рейносо на связи. Я в приюте с Хейсом. Направляемся к вам.

Ноа пристегнул рацию к поясу. Его руки дрожали. От выброса адреналина кружилась голова и его трясло.

Звуки постепенно возвращались — тихие голоса, хныканье ребенка, щебетание синиц и голубых соек на деревьях через парковку. Бешеная тирада Рэя.

Ноа сжал зубы, чтобы они не стучали. Сегодня не шел снег и не дул ветер, но это не делало холод менее жестоким. Его нос и пальцы болели, а уши он уже не чувствовал.

Он повернулся к Квинн, Бишопу и Дафне. Квинн стояла, уперев руки в бока, и выглядела потерянной и несчастной. Бишоп обнял Дафну и прижал ее к себе. Только после того, как опасность миновала, Дафна позволила себе заплакать.

— Слава Богу, ты в порядке, — сказала она Бишопу, ее голос дрожал. — В тебя могли выстрелить. Тебя могли убить.

— Но меня не убили, — успокоил ее Бишоп. — Бог решил уберечь нас. Мы в порядке. Мы все в порядке.

— Дети... — воскликнул Ноа.

— Дети до сих пор внутри, — ответила Дафна. — Играют так же радостно, как и пять минут назад, когда ты их видел. Не волнуйся.

Мышцы Ноа словно завязались в узел, плечи напряглись. Сегодня днем он зашел в церковь только для того, чтобы на минутку провести Майло. Это просто везение, что он вообще оказался здесь.

Бишоп назвал бы это провидением или чудом, но Ноа не знал, как относиться к подобным вещам. Бог на их стороне — это не помешает. Особенно когда пастор — бывший военный.

Он уже собирался нажать на курок, когда увидел Бишопу, пробирающегося через дорогу.

Оставалось только отвлечь Рэя на время, чтобы Бишоп успел проверить свое дело. Что он и сделал.

Бишоп провел рукой по своим волосам, поправил кожаную куртку и оскалился в кривой ухмылке.

— Я как раз находился на другой стороне улицы, приглашал завсегдаев бара на наше сегодняшнее занятие по изучению Библии, соблазняя их теплой, приготовленной едой. Услышал крики и сразу же направился обратно. Наверное, сработала моя военная выучка, и я просто сделал то, что должен был. Я не особо размышлял об этом.

— Я думал, что мне придется застрелить его на глазах у десятков свидетелей, включая детей.

— Слава Богу, ты этого не сделал, — покачав головой, проговорила Дафна.

Молодая мать вышла вперед. Она держала на бедре ребенка, милого малыша с большими голубыми глазами, который сжимал в пухлых ручках пустую бутылочку.

— Надеюсь, я не покажусь вам бесчувственной, пастор Бишоп... — Она самозабвенно переводила взгляд с Бишоп на Дафну. — Но у нас ничего не осталось дома. Только банка фасоли, которую я собиралась приготовить на скорую руку. Я съем это на ужин, но малыш Джейсон не станет.

Лицо Дафны смягчилось. Она высвободилась из объятий мужа и обняла встревоженную мать.

— Не волнуйся, дорогая.

— Мы никого не отправим домой без еды, — обратился Бишоп к толпе. — Возвращайтесь в очередь, и мы продолжим.

Когда Джулиан и Рейносо подъехали на машине, за плечами у них висели ружья «Ремингтон 870», выданные департаментом. Дэниел Хейс, один из офицеров, работающих по совместительству, ехал за ними на белом «Форде» 1977 года выпуска, оснащенный зимними шинами и надписью «Полиция», нанесенной по бокам черной краской из баллончика.

Они припарковались на стоянке и поспешили к зданию. Ноа двинулся им навстречу, чтобы они могли поговорить, не опасаясь присутствия гражданских лиц.

Джулиан нахмурился на Рэя, который все еще выкрикивал угрозы в адрес каждого, кто попадался ему на глаза.

— Ты еще не утихомирил его?

— Мы должны придумать, где их разместить, — сказал Ноа.

— Запереть его и выбросить ключ, — пробормотал Джулиан.

— Что он натворил на этот раз? — спросил Хейс.

Ноа быстро объяснил. Он понимал, что Рэй Шульц и ему подобные могут доставить неприятности. Он просто не ожидал, что все произойдет именно так.

Шульц был местным наркоманом и дилером, который жил в трейлерном парке «Фолл Крик Эстейтс» сразу за мостом. Он уже привлекался за торговлю наркотиками, нападение и побои, а также взлом и проникновение. Он отсидел несколько лет в исправительном учреждении «Лейкленд» в Колдуотере, но сразу после выхода вернулся к прежнему образу жизни.

Он и его двоюродные братья — четыре никчемных брата Картера, а также куча троюродных братьев и единомышленников-неудачников — проживали в близлежащих общинах Бриджман, Найлс, Барода, Сент-Джо и Бентон-Харбор.

Как только правоохранительные органы сажали одного, тут же появлялся другой, чтобы занять место его родственника. Они омрачали жизнь всей округи.

— Мы должны отвезти их в суд для предъявления обвинения, — сказал Хейс.

— Какое обвинение? — усмехнулся Рейносо. — Ни судьи, ни тем более адвокаты не появляются в суде.

В Фолл-Крик не было камер предварительного заключения. Их городок слишком мал для постоянного участка. Обычно подозреваемых отвозили в более крупный соседний городок.

— А как насчет окружных тюрем Ван Бюрена и Касса?

— Я вчера заправил «Ямаху» и проехал по всей области, — сказал Рейносо. — Посетил каждый округ в радиусе семидесяти миль. Там никому нет места. Они не могут справиться даже со своим округом, не говоря уже о наших проблемах. Тюрьма округа Берриен не может никого оформить в электронном виде, это очевидно, но все камеры имеют ручное управление. Они все еще принимают заключенных, но только самых тяжелых преступников. С момента ЧП прошло меньше недели, а они уже переполнены насильниками и убийцами. Все эти ненормальные вылезают на свет. Аферисты, которые думали, что смогут избежать наказания в разгар национальной катастрофы.

— Так ты говоришь, что даже Берриен не возьмет наших задержанных? — спросил Ноа.

— Ни единого шанса, — в ярости прошипел Джулиан. — Они все нас бросили.

— В подвале мэрии есть старая тюремная камера, — вспомнил Ноа. — В музейной секции старого здания суда. Класс Майло недавно ходил туда на экскурсию. Она все еще работает. Мы могли бы использовать ее как камеру, пока не решим, что делать.

— О, черт, нет, — отозвался Джулиан.

— Мы должны мыслить нестандартно, — заявил Ноа.

— Это хорошая идея, — одобрил Хейс. — Что еще нам остается?

Джулиан помрачнел.

— По мне, так преступников надо выстроить вдоль стены и расстрелять в стиле гестапо. Какого черта мы смотрим, как дети голодают, когда они все еще получают три полноценных приема пищи в день благодаря правительству? Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям там. Рейносо сказал тебе? Эти скоты получают еду, а мы нет.

Наступила напряженная тишина.

Ноа тяжело вздохнул. Джулиан накручивал себя. Он не был неправ. Это несправедливо. Ноа чувствовал, как нарастает его собственное разочарование, но нытье по этому поводу не решало никаких проблем.

Когда Джулиан заговорил снова, его голос звучал неестественно ласково.

— Ну, если таков план, тогда мы должны заодно прихватить и братьев Картер.

Ноа поднял брови.

— Что?

— Мы все знаем, что они представляют собой серьезную проблему. Почему не закрыть их сейчас? Устраним плохих парней, пока они не посеяли хаос.

— Закон так не работает, — напомнил Ноа.

— Так он и должен работать, — Джулиан пожал плечами. — Особенно сейчас. Сам же сказал, что нам нужно мыслить нестандартно.

— Вы знаете, что шеф Бриггс никогда не согласится на это, — нерешительно сказал Хейс.

— Ему не обязательно знать все, — уточнил Рейносо, бросив извиняющийся взгляд на Ноа. Обычно в таких вопросах он принимал сторону Джулиана.

— Правильно, — сказал Джулиан. — Мы просто навестим их, хорошо? Посмотрим, как пойдут дела. В этом нет ничего плохого, не так ли, Шеридан?

— Я пойду с тобой...

— Оставайся в церкви со своим сыном, — резко сказал Джулиан. — Мы справимся.

Ноа кивнул, мечтая почувствовать облегчение, но этого не произошло.

Джулиан больше ничего не сказал. Он повернулся и направился к подозреваемым в наручниках. Хейс сочувственно улыбнулся ему и повернулся, чтобы последовать за ним, Рейносо шел по пятам.

Хейс подошел к Октавии, помог ей встать на ноги и, спотыкающуюся и стонущую, повел к машине. Пока Джулиан и Рейносо тащили Рэя, Рэй обернулся.

— Я приду за тобой! — крикнул Рэй Бишопу. — Тебе лучше бояться меня. Тебе лучше бояться!

Глава 34

Ноа

День пятый

Ноа пересек парковку и вернулся в продовольственную кладовую. Бишоп, Дафна и Квинн ждали его.

Квинн скрестила руки на груди и посмотрела на него ровным взглядом.

— Ты собираешься посадить его под замок?

— Безусловно.

— А Октавия?

— Твоя мать — сообщница. Но я посмотрю, что можно сделать, чтобы облегчить ей жизнь.

— Она не заслуживает поблажек. — Тень пробежала по ее лицу. — Она тоже взялась за пистолет.

— Ты права. Но благодаря тебе у нее не получилось никому навредить. Кстати, отличная работа. Может, нам стоит сделать тебя добровольным помощником.

Она посмотрела на него. Ее ярко-синие волосы были убраны под такую же яркую вязаную шапочку. Серебряный пирсинг в брови и на губе сверкал на свету, усыпанный крошечными драгоценными камнями, похожими на сапфиры.

— Ты внучка Молли Райли, верно? — спросила Дафна. — Ты приходила на нашу рождественскую службу в прошлом году.

Квинн нахмурилась.

— Только потому, что бабушка заставила меня.

— Прямолинейно и честно, — Бишоп громко рассмеялся. — Я всегда буду знать, в каких отношениях с тобой нахожусь, это точно. Я Аттикус Бишоп, а это моя жена Дафна. Мои друзья зовут меня просто Бишоп. Они считают забавным, что я пастор, а не священник.

Квинн просто уставилась на него.

— Ты в порядке? — спросил ее Ноа.

Она нахмурилась.

— В полном. Я практически чувствую, как из моей задницы вырываются брызги шампанского и радуга.

Ноа натянуто улыбнулся.

— Осмелюсь предположить, что мы продолжаем встречаться при не самых лучших обстоятельствах.

— Да, у нас тут настоящая череда неудачных событий. — Ее сильно накрашенные глаза сузились. — Может быть, это тебе так не везет.

— Может, и так, — ответил он.

Она закатила глаза. Так же быстро выражение ее лица изменилось. Сарказм и язвительность исчезли. Она пнула кусок снега.

— Есть новости о дедушке?

Осколок вины пронзил его. Дедушка Квинн, вероятно, все еще находился там, на кресельном подъемнике. Горнолыжные курорты занимали последнее место в списке приоритетов любого человека.

У него самого все еще оставался список дел длиной в милю, в который входили вопросы канализации для семей, не имеющих септических систем, не говоря уже о кучах мусора, скапливающихся вдоль обочины каждой улицы.

Он часами собирал показания после того, как прошлой ночью произошло еще четыре взлома. За последние несколько дней вспыхнуло несколько драк между соседями: один обвинял другого в краже керосинового обогревателя, последней канистры бензина или консервов.

И еще два человека умерли за ночь от переохлаждения. В настоящее время они хранили тела в кладбищенском склепе в похоронном бюро «Мерси» в нескольких милях вверх по дороге на старом 31-м шоссе. Оно уже почти заполнилось.

— Я не забыл, Квинн.

— И?

— Я сделаю это, обещаю. У нас тут кризис. Сейчас я работаю изо всех сил, чтобы защитить живых. Люди напуганы. А когда они напуганы, они делают глупости. Пример тому: Рэймонд Терранс Шульц.

— Кстати, о глупых поступках. — Челюсть Квинн сжалась. Она повернулась к Бишопу и Дафне. — Октавия обокрала вас. Позвольте расплатиться за нее. У меня нет денег, но я не боюсь работы.

Дафна махнула рукой.

— О, не беспокойся об этом. У нас еще много.

— Я не воровка. Я не моя мать.

Сердце Ноа наполнилось состраданием к этому непростому ребенку. Быть дочерью Октавии Райли нелегко. В таком маленьком городке, как этот, все знали о делах каждого. Люди быстро осуждали.

— Мы знаем, что это не так, — тихо сказал он.

— Я сказала, что отработаю, и я это сделаю.

— Хорошо, — Дафна тепло улыбнулась ей. — Мы с радостью возьмем тебя на работу, Квинн.

— И вам стоит подумать о том, чтобы обменивать дневной паек на несколько часов работы. Не так уж много от людей требуется, чтобы нарубить дров, постирать одеяла, приготовить суп или что-то еще, что вы здесь делаете. — Она кивнула головой в сторону церкви. — У вас есть место в зале собраний, чтобы начать выращивать еду в помещении с помощью гидропоники. И я уверена, что по крайней мере несколько ваших прихожан умеют

хорошо охотиться.

— Я представляю, что Молли сказала бы то же самое, если бы была здесь, — с восхищением в голосе сказала Дафна. — Это отличная идея.

— Она бы стукнула тебя по голове своей тростью за твою глупость, вот что бы она сделала. Но у меня нет трости.

Бишоп фыркнул.

— Ага. Определенно внучка Молли.

Изнутри церкви доносились раскаты смеха. Из боковой двери выскочили три маленьких фигурки. Они промчались по снегу и бросились на Дафну и Бишопа.

Юнипер и Хлоя обхватили ноги родителей.

— Нам так скучно! Приходите поиграть с нами! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Майло подошел несколько нерешительнее, сначала осмотрев обстановку. К удивлению Ноа, Майло направился прямо к Квинн. Он остановился перед ней и протянул руку.

— Привет, Квинн, — застенчиво сказал он.

Квинн взяла руку Майло и крепко пожала ее.

— Привет, Мелкий. Как дела? Не спрыгивал в последнее время с каких-нибудь гигантских кресельных подъемников?

Серьезное лицо Майло расплылось в ухмылке.

— В последние дни нет. Может, пойдём поищем еще один?

— Неа. Я люблю вносить разнообразие в свои смертельные приключения. Давай в этот раз попробуем что-нибудь другое. Может быть, немного более захватывающее, а не ужасающее.

Улыбка Майло стала шире.

— Договорились.

Ноа наблюдал за Майло и Квинном, в его голове возникла идея.

— Ты хочешь работать, Квинн? У меня есть для тебя предложение. Дафна согласилась присматривать за Майло на неделе до ужина, но мне нужен кто-то на выходные, иногда по вечерам и в экстренных случаях. Я могу заплатить тебе несколькими банками еды.

Квинн скорчила гримасу.

— Я не работаю няней.

Майло сжал ее руку.

— Пожалуйста?

Глаза Квинн потемнели. Она откинула челку с глаз.

— Хорошо. Ладно. Еда есть еда. Я согласна.

Майло поднял в воздух кулак в рукавицах.

— ДА! ДА!

— На поддержание работы продовольственной кладовой уходит много нашего внимания, — поделилась Дафна. — Несмотря на то, что Юнипер, Хлоя и Майло находятся здесь днем, мы не можем уделять им столько времени и внимания, сколько они заслуживают. Если бы ты могла иногда присматривать за ними, может быть, играть с ними в какие-нибудь игры — это очень помогло бы нам.

Квинн выглядела слегка ошарашенной, но не отказалась.

— Я тоже хочу няню! — закричала Юнипер. — Я хочу веселиться!

— Я не веселюсь, — сурово сказала Квинн. — Я связываю своих подопечных шнурками и запираю их в темных ваннных комнатах.

Хлоя подняла руку.

— Я первая! Я первая!

— Нет, я! — завизжала Юнипер.

— И я заставляю их чистить унитазы. Зубными щетками.

— Мы можем использовать щетку Юнипер? — с радостью спросила Хлоя.

— Не говорите, что я вас не предупредила, — мрачно заявила Квинн.

Дафна погладила Хлою по голове и улыбнулась Квинн.

— Я думаю, у тебя все получится.

— Здесь слишком холодно! — объявила Юнипер. — Давайте! Давайте устроим вечеринку с няней! — Она поманила жестом Майло и свою младшую сестру, которые послушно последовали за ней и скрылись в доме.

— Еще одна вещь. У Майло болезнь Аддисона. Он должен принимать таблетки в определенное время и не может пропустить ни одной дозы. Это очень важно.

— Я видела его медицинский браслет. Я так и поняла, что дело в этом. — Она нахмурилась. — Я справлюсь.

Ноа не сомневался, что Квинн может справиться практически со всем, что выпадет на ее долю. Сейчас эта черта характера необходима как никогда.

Глава 35

Ноа

День пятый

— Спасибо, что встретился со мной, — сказала Розамонд.

— Конечно, — улыбнулся Ноа.

Розамонд попросила о встрече Ноа возле своего офиса. Тусклые флуоресцентные лампы мерцали над головой, и в здании было прохладно. Внутри все еще ходили в пальто.

Они пытались сэкономить как можно больше топлива для генератора.

Наступил поздний вечер, и он только что пришел из подвала здания суда, проверив Рэя и Октавию в их камере. Четверо братьев Картер тоже сидели взаперти.

Когда Джулиан, Рейносо и Хейс приблизились к их территории, Томми Картер открыл по ним огонь. Полупьяные братья не ожидали такого визита и их быстро усмирили.

Джулиан все-таки добился своего. Ноа еще не определился, как он к этому относится.

— Я хотела похвалить тебя за все, что ты делаешь, — сказала Розамонд. — Не только за твою сегодняшнюю храбрость, но и за твою преданность обществу и отличные идеи.

Вчера утром на заседании совета Ноа принес баллончик с красной аэрозольной краской и предложил пометить пустующие дома, чтобы правоохранительные органы и другие одобренные добровольцы могли аккуратно и уважительно собрать припасы и поделиться ими с горожанами, которые в этом нуждаются.

Люди все равно начали врывать в пустые дома; лучше, чтобы припасы распределялись справедливо.

По меньшей мере 20 процентов домов пустовали из-за того, что люди уехали на праздники в другие места. Деятнадцать домов также опустели после того, как их владельцы умерли от переохлаждения или ранее существовавших заболеваний.

Когда люди наконец-то вернутся домой, они поймут, что Фолл-Крик сделал то, что должен, чтобы сохранить жизнь их соседям и друзьям. Они должны понять.

Шеф Бриггс сначала сопротивлялся, но в конце концов согласился. Некоторым членам

совета, а именно Дэррилу Виггинсу, идея врываться в дома соседей показалась чересчур привлекательной.

Розамонд положила свои наманикюренные пальцы на предплечье Ноа.

— Спасибо, от всего сердца.

— Не за что. Мы все делаем все, что в наших силах. Мы будем держаться вместе.

Внезапно осторожное спокойствие уступило место, и в ее самообладании появилось несколько трещин. Впервые он увидел беспокойство в ее глазах.

— Ты в порядке? — спросил он Розамунд.

Она фыркнула.

— Я не могу выразить, как я благодарна тебе за то, что ты здесь, Ноа. Я люблю Джулиана, но он не такой... надежный, как ты. Я знаю, что всегда могу положиться на тебя. Всегда. По крайней мере, у меня есть ты. Мой Гэвин еще не вернулся.

Ноа навсегда останется благодарен ей за то, что она всегда считала его одним из своих мальчиков. Как будто он действительно был одним из ее сыновей, а не просто каким-то приبلудным бродягой.

Он пытался полюбить Гэвина Пайка ради нее. Но было в нем что-то такое, что не нравилось Ноа. Он никогда не мог понять, почему. Ханне он тоже не нравился.

Гэвина было легко игнорировать. Он всегда держался на заднем плане. Он был любимчиком Розамонд, что Джулиана всегда возмущало, но Ноа это не беспокоило.

Первый муж Розамонд, музыкант, ушел, когда Гэвин был еще маленьким. Розамонд снова вышла замуж за адвоката и через несколько лет родила Джулиана. Адвокат ей изменил, и Розамонд выгнала его и растила обоих мальчиков одна.

Возможно, Розамонд больше опиралась на Гэвина, поскольку он старше. Ноа никогда не понимал их взаимоотношений. Он просто знал, что у него есть Джулиан, который близок ему как брат, и Розамонд, заменившая ему мать и бабушку.

— Он собирался приехать домой на ужин в канун Рождества. Ровно в пять вечера, как по часам, каждый год. — Ее глаза приобрели отстраненный взгляд, как будто она заново переживала хорошие воспоминания. — Он всегда приносит мне лилии, ты знал об этом?

— Может быть, он помогает загонять заключенных в тюрьму и не может передать тебе весточку. Это ужасно — отсутствие связи. Уверен, с ним все будет хорошо.

— Конечно, будет. Тем не менее, беспокоиться — это прерогатива матери, не так ли? — Она разгладила переднюю часть своего темного пиджака, взяв себя в руки. Когда она снова посмотрела на Ноа, ее глаза выражали спокойствие и уверенность. — Кстати, о беспокойстве. Я волнуюсь за тебя и Майло в вашем промерзшем доме.

— Мы в порядке, — автоматически ответил он, хотя на самом деле это далеко не так.

Он ужаснулся тому, как быстро они расправились с дровами. Он уже приготовил две тумбочки, старую книжную полку и письменный стол, чтобы нарубить их в первую очередь для дополнительного топлива. Даже если он сожжет всю свою мебель, дрова все равно закончатся довольно быстро.

По крайней мере, ему не нужно беспокоиться о сохранении тепла в доме днем, когда Майло в церкви с Квинн и девочками Бишоп.

— А еда?

— Еды мало, но мы справляемся.

Он теребил свое обручальное кольцо, смущаясь, что у них нет больше. Ханна всегда старалась запастись едой на месяц зимой, если не больше. Их кладовая всегда оставалась

полностью заполненной — настолько, насколько позволял бюджет.

Из-за работы и родительских обязанностей Ноа пустил все на самотек. Его лицо вспыхнуло от стыда.

Как же он ошибался во многих вещах.

Розамонд покачала головой.

— Так не пойдет, Ноа. Я не хочу, чтобы Майло мерз в этом холодном доме. Не с его состоянием. Это неправильно. — Она наклонилась и понизила голос. — У меня есть сюрприз. Я приготовила для вас дом в «Винтер Хейвене».

Ноа замялся.

— Я не могу занять чей-то дом...

— Гарсиа сейчас на Арубе. Как ты думаешь, когда они вернутся домой? Не скоро. Если и когда они вернутся, мы с радостью вернем им их дом в том же состоянии, в котором мы его застали. Но я не буду стоять в стороне и не позволю ребенку замерзнуть до смерти, когда для него есть отличный дом со светом, теплом и горячей водой.

Ноа покачал головой. Это все еще казалось неправильным, как кража. Как вторжение в чужое личное пространство. Братъ что-то, что принадлежало кому-то другому, что не принадлежало ему, не должно принадлежать ему.

— Мы должны задействовать неиспользуемые ресурсы. — Розамонд сжала его руку. — Я знаю, что ты слишком скромн, чтобы принять это для себя. Но ты заслуживаешь этого. После всего, через что ты прошел? Твоему сыну нужна горячая ванна и домашние макароны с сыром, которые готовятся в духовке. И электричество для его приставки. Майло заслуживает этого. Сделай это для него, для моего приемного внука.

— Но... — пробурчал Ноа.

— Все уже готово. Я пришлю к тебе людей около шести. Приготовь свои вещи.

Все, что сказала Розамонд, чистая правда. Майло отличался слабым здоровьем. Ноа никогда не забывал о его уязвимости, ни на секунду.

Ноа вспомнил ужас и беспомощность, которые он испытал, оказавшись в ловушке на кресельном подъемнике. Это чувство бессилия. Он готов пойти почти на все, лишь бы не испытывать это чувство снова.

Он отец Майло. Его работа заключалась в том, чтобы обеспечить безопасность сына. Любой ценой.

Если это означало принять грандиозный подарок, который он не заслужил или не заработал, то так тому и быть.

Теснота в груди ослабла. Влага наполнила глаза Ноа против его воли. Он напряженно моргнул, благодарность переполняла его.

— Я не смогу отплатить тебе...

Розамонд махнула рукой.

— Забудь об этом. Ты всегда был для меня сыном, с того самого первого раза, когда впервые появился у нас, застенчивый худой ребенок, который едва мог смотреть мне в глаза. Я помню только то, как ты чуть не слопал все мои запасы.

Ноа покраснел.

— Ты мне нужен, Ноа. Мне важно знать, что я могу на тебя положиться. Страсти поутихли. Реальность начинает проясняться. Ты всегда был миротворцем. Это то, что нам нужно сейчас больше, чем когда-либо.

— Конечно. Все, что я могу сделать.

Искренняя улыбка расцвела на ее лице.

— Мы семья, Ноа. Это то, что делает семья.

Он хотел сказать что-то еще, но она уже отвернулась, когда к ней подошли два сотрудника ее офиса с напряженными выражениями на лицах. Один из них что-то быстро прошептал ей на ухо, и она повернулась на каблуках и пошла за ними, не оглядываясь назад.

Ноа остался стоять один в бежевом коридоре, с открытым ртом, все еще не совсем понимая, что только что произошло. Так обстояли дела с Розамонд Синклер.

Она добивалась своего, независимо от того, нравилось тебе это или нет.

Она была резкой, жесткой, бесцеремонной женщиной. Не всем она нравилась. Но, по опыту Ноа, она всегда поступала правильно по отношению к нему.

И за это он был ей благодарен. И предан.

Глава 36

Ноа

День шестой

— Чем сейчас занимается суперинтендант? — спросил Рейносо.

Ноа пожал плечами и почесал отросшую бороду. Ему нравилось держать лицо гладко выбритым, но за последнюю неделю на бритье не нашлось ни времени, ни желания.

На первый план выходили более важные дела — например, чтобы Фолл-Крик не развалился.

— Кого это волнует? — ответил Хейс. Он запихнул в рот еще одну булочку разогретого в духовке домашнего хлеба с расплавленным сыром. Крошки рассыпались по его груди. — Если все заседания комитета будут такими, как сейчас, я умру счастливым человеком.

Розамонд Синклер созвала очередное утреннее заседание совета, на этот раз в своем доме в «Винтер Хейвене». В электричестве нуждались и более важные здания, чем мэрия. Одним махом она перенесла штаб-квартиру к себе.

Ее дом представлял собой самодостаточный мини-особняк, снаружи отделанный бревнами, а внутри — полы из бразильского дерева, сводчатые потолки, хрустальные люстры, мраморные столешницы и плитка в ванной. Все здесь было огромным, витиеватым и роскошным. Совершенно не в стиле Ноа, но он все равно восхищался каждой элегантною деталью.

Все остальные гораздо больше завидовали свету и теплу, работающей плите и восхитительному гулу холодильника из нержавеющей стали.

Члены совета собрались в изысканной официальной гостиной, расположившись на бархатных диванах и креслах. Табуреты и парчовые стулья для столовой перенесли в комнату для дополнительной рассадки.

Два помощника суперинтенданта разносили тарелки с закусками — сосиски в тесте, таралетки и крошечные буррито. Все горячее и ароматное. Очень вкусно.

На секунду почти удалось забыть, что страна только что погрузилась в хаос. Что их маленький городок отрезан от всего мира, заперт в холоде и темноте, совершенно одинок. Что помощь от правительства не пришла и может не прийти еще несколько недель или месяцев. Почти.

Чувство вины укололо его. Ноа и Майло переехали в свой собственный красивый бревенчатый домик в общине «Винтер Хейвен» вчера вечером. Не такой шикарный, как у

Розамонд, но это не имело значения.

Солнечные батареи работали, вместе с генератором в дни, когда не хватало солнечного света. В кладовой имелся запас еды на две недели.

После нескольких дней без электричества оно уже казалось дорогой роскошью. Ноа и Майло нежились в нем. Принимали горячий душ. Запекли в духовке макароны с сыром, как и советовала Розамонд, и съели все вместе.

Впервые после ЭМИ Ноа спал крепко.

Тем не менее, это решило лишь одну из множества непреодолимых проблем, стоявших перед ним. Его беспокойство по поводу лекарств Майло росло с каждым днем.

Розамонд хлопнула в ладоши, привлекая всеобщее внимание. В комнате воцарилась почтительная тишина. Она сидела на стуле под арочным входом между гостиной и столовой, за спиной у нее виднелась ярко освещенная кухня.

— Спасибо всем, что пришли. Надеюсь, вам понравилось угощение. Уверяю вас, это еще не все. Я обещала позаботиться о вас, и я позабочусь. Но сначала несколько важных вещей.

— Как мы уже обсуждали, у нас просто нет достаточного количества подготовленных специалистов правоохранительных органов для поддержания мира. Мы уже набрали столько бывших военных горожан, сколько смогли найти, в качестве резервных офицеров. Этого недостаточно.

— Нам нужны обученные люди для обеспечения безопасности и гарантии того, что то, что принадлежит нам, останется нашим, и что наши семьи — наши дети — будут здесь в безопасности. Никто не хочет видеть трагедию, подобную той, что едва не произошла вчера. Благодаря быстроте реакции офицера Шеридана никто не погиб. Каким бы оптимистом я ни была, не верю, что нам снова так повезет.

По комнате прокатился негромкий ропот. Новость о ссоре в продовольственной кладовой Кроссвей быстро распространилась. Люди радовались, что преступников заперли в подвале здания суда, но это далеко не единственная проблема города.

— Некоторые из вас знают моего троюродного брата, Маттиаса Саттера, командира бригады добровольцев-ополченцев юго-западного Мичигана в окрестностях Аллегана. Дэйв Фаррис успешно связался с ним по радио. Он готов помочь нам в обеспечении безопасности...

— Ты хочешь пригласить Мичиганское ополчение в Фолл-Крик? — недоверчиво перебил шеф Бриггс.

— Технически, они отделились от Мичиганского ополчения в прошлом году и сформировали свою собственную бригаду. — Розамонд поджала губы. — Я просто выношу на обсуждение возможные ресурсы. Я действительно думаю, что они могут предложить значительные преимущества в плане безопасности.

— Мы нуждаемся в любой помощи, которую можем получить, — сказал Джулиан. — Это лишь вопрос времени, когда хаос в городах доберется и сюда. Нам нужно поставить баррикады из брошенных машин и несколько патрулей на Старом 31-м шоссе, на въезде в город.

— Мы и так слишком загружены, чтобы ставить блокпосты, — проговорил Рейносо, взглянув на Джулиана в поисках подтверждения. — Во всяком случае, эффективные. Нас недостаточно.

Дэйв Фаррис встал и отодвинул свой табурет.

— Я не против охраны и безопасности. Но нам лучше хорошенько подумать, прежде чем

пускать в город кучу чужаков. Фолл-Крик не так уж и беден, как многие другие места. У нас поблизости есть несколько источников пресной воды для питья и рыбалки. Фолл-Крик, не говоря уже о реке Сент-Джо, озере Чапин и, конечно, озере Мичиган. Как только наступает весна и лето, у нас повсюду появляются фруктовые сады и фермы. В Мичигане почти десять миллионов акров сельскохозяйственных угодий.

Дэйв правильно подметил. Округа вдоль юго-западной границы Мичигана известны как фруктовый пояс. Мягкие холмы, песчаная и плодородная почва, близость к озеру Мичиган создавали благоприятный климат для выращивания фруктов. Здесь процветали виноград, персики, яблоки, груши, сливы и клубника.

На мичиганских фермах выращивали кукурузу, сою, пшеницу, картофель, лук, помидоры, спаржу, чернику и малину — список можно продолжать. Не говоря уже о тысячах акров, отведенных под молочных коров и производство яиц. Фермы и сады, где можно собирать урожай, разбросаны по Берриену и соседним округам.

— Как я вижу, если мы сможем пережить эту зиму, то все будет в порядке, — заявил Дэйв. — У нас также есть «Винтер Хейвен» — целый поселок с электричеством. Не исключено, что эти люди придут и решат, что им здесь нравится настолько, что просто захватят власть и вытеснят нас. А что их остановит, если они больше и сильнее нас?

Низкий ропот согласия пронесся по гостиной.

— Мы не будем привлекать неизвестный элемент, — прорычал шеф Бриггс. — Полиция Фолл-Крика следит за соблюдением закона и порядка в городе. Точка. Никаких обсуждений.

— Ополчение — это не закон, — подчеркнул Дэйв. — У них не самая лучшая репутация.

— Не у всех, Дэйв, — возразил Майк. — Мичиганское ополчение насчитывает тысячи человек. Много хороших людей, готовых защищать себя и своих близких от внешних и внутренних угроз. Мой брат и племянники служат в бригаде под Холландом.

— Привлечение сторонних лиц ничем не отличается от того, как компания нанимает частную охрану, — громко сказал Виггинс. Под глазами у него залегли глубокие тени. Он выглядел изможденным. — Это разумный поступок. Мы должны быть в безопасности, и точка. Мир повсюду катится в ад, и нам нужна защита.

— Не уверена, что нам нужны незнакомые мужчины с оружием и во главе города, — заметила Аннет Кинг. — По мне, так это скорее предвестник неприятностей.

Несколько членов совета решительно кивнули. Большинство выглядели растерянными и неуверенными.

Ноа беспокойно теребил свое обручальное кольцо. Он не хотел видеть вооруженных незнакомцев в своем городе, как и все остальные, но в то же время понимал, насколько они ограничены в возможностях, насколько уязвимы.

— Если Розамонд за, то мы должны поддержать ее предложение, — сказал Виггинс. Он оглядел членов совета. — Давайте.

— У нас не диктатура, Розамонд, — огрызнулся шеф Бриггс. — Ты не можешь просто взять и протащить это через...

— Я бы никогда не стала навязывать свою позицию никому из вас. Это должно быть групповое решение. — Выражение лица Розамонд было безмятежным, как всегда, но уголок ее глаза дернулся. — Давайте проголосуем, ладно?

Голосование прошло быстро. Большинство выступило против, но Розамонд, Джулиан и Виггинс проголосовали за.

Лицо Розамонд не изменилось. Она убрала несуществующий кусочек ворса с юбки и сложила руки на коленях.

— Если вы считаете, что Фолл-Крик лучше жить самостоятельно, то пусть так и будет.

Джулиан посмотрел на мать, нахмурившись.

— И все? Мы просто оставим это из-за нескольких старых бумеров, которые не могут идти в ногу со временем?

Розамонд поджала губы.

— Для этого и существует совет.

— Они ошибаются!

— Достаточно. — Розамонд бросила на Джулиана напряженный взгляд, выражающий неодобрение, но ее собственный голос оставался ровным и спокойным. — Решение уже принято.

— Но...

— Хватит. Ты ставишь себя в неловкое положение, Джулиан. Ты это нарочно?

Ей не приходилось повышать голос. Тот умел мгновенно превращаться из сладкого и мелодичного в резкий.

Уязвленный, Джулиан с возмущенным видом откинулся назад и скрестил руки на груди, лицо покраснело от досады.

Ноа положил руку ему на плечо.

— Все в порядке, брат, — тихо сказал он.

Побледнев, Джулиан отмахнулся от него.

Ноа старался не принимать это на свой счет. Джулиан никогда не мог ясно мыслить, когда злился. Он всегда был вспыльчивым, позволяя эмоциям брать верх над собой. День-два, и он снова станет прежним — лучшим другом Ноа.

По крайней мере, он на это надеялся.

Глава 37

Октавия Райли

День шестой

Октавия Райли была слишком измотана, чтобы двигаться. Она прислонилась к бетонной стене и застонала. Деревянная скамья оказалась чертовски неудобной и заставляла ее задницу болеть, особенно после того, как она застряла в этой дыре в последние двадцать четыре часа.

Может быть, прошло больше. Здесь ведь нет часов. Нет никакого способа определить время, кроме той жижи, которой их время от времени кормил охранник. Три приема пищи — отвратительная консервированная фасоль, свекла и вода.

Ей плевать на эту сырую, безвкусную еду. Она жаждала совсем другого.

Ее нервы были натянуты и трепетали от нужды. Холодный пот выступил на лбу. Она вспыхивала то жаром, то холодом, то снова жаром, несмотря на почти минусовую температуру.

Дрожь лихорадила все тело. Она уже дважды бросалась к ведру. Вся камера пропахла кислым потом, запахом тел и рвотой.

Все, чего она хотела, это получить дозу. Больше, больше и больше. Она нуждалась в ней. Жаждала ее. Это единственное, что избавляло от темноты, что заставляло ее убогую жалкую жизнь казаться другой, ярче, лучше.

— Я убью тебя, Агтикус Бишоп, слышишь меня! — кричал Рэй. — Я отрежу твой крошечный писюн и скормлю его тебе и этому крысомордому копу Шеридану!

Октавия застонала, снова переместилась, пытаясь устроиться поудобнее, но безуспешно. Она так сильно устала, но сон не шел.

— Может, хватит уже? У меня ужасно болит голова.

Рэй продолжал вышагивать.

— Я заставлю его заплатить за это! Я заставлю их всех заплатить!

Он часами ходил по узкой камере, плевался и ругался, кричал и завывал, стучал кулаками по древним железным прутьям, словно это могло что-то изменить.

Они находились в подвале исторического здания суда. Она никогда не бывала внутри, но тысячу раз проезжала мимо него по Мейн-стрит. Оно располагалось между азиатским бистро и прачечной, напротив единственного в городе светофора.

Здание суда сохранилось с давних времен, хотя сейчас оно использовалось как музей для школьников, редких шикарных ужинов по сбору средств и скучных заседаний городского совета.

Единственной камере в подвале насчитывалось сто тридцать лет, и она все еще оставалась в идеальном рабочем состоянии, если кому-то это интересно. Железные решетки. Бетонные стены. Единственный керосиновый фонарь висел на крючке у лестницы.

Один из полицейских разбил стеклянный футляр, в котором хранилось старинное кольцо для ключей, и использовал его, чтобы запереть их здесь. Ключ они, скорее всего, выбросили.

— Выпустите меня! — кричал Рэй. — Я приду за каждым из вас!

Октавия едва открыла глаза. Менее чем в десяти футах от нее четыре кузена Рэя расположились в ряд вдоль второй деревянной скамьи. Томми спал, открыв рот и громко храпя, откинув голову к решетке.

Рэнди, прозванный «Никелем» по какой-то дурацкой причине, которую она не могла вспомнить, и самый младший брат, Баки, сидели неподвижно, опустив головы и сгорбившись, положив предплечья на колени. Они тихо переговаривались друг с другом, ругались и фантазировали о том, что сделают с этими суками, как только выберутся из этой чертовой камеры.

Билли был самым страшным. Он сидел прямо, худые плечи отведены назад, глаза блестящие и черные, как панцирь жука. Из-за косого глаза казалось, что он смотрит сквозь тебя, а не на тебя.

Она не думала, что он спал с тех пор, как их привезли через несколько часов после Рэя и Октавии. Октавия не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь видела его спящим.

«Он убивал людей, — сказал ей Рэй. — Вытащил одного парня из трейлера и задушил его голыми руками. Разрезал его тело бензопилой и выбросил куски в озеро Мичиган». Она поверила.

На этот раз Билли и его братья даже ничего не сделали. Глупые копы маленького городка думали, что им все можно, что они выше закона. Сразу после ареста Рэя и Октавии они набросились на Картеров. Арестовали братьев прямо на их собственной территории.

Двоюродные братья Рэя были спохмелья, сонные, неподготовленные. Без мобильных телефонов у Октавии и Рэя не нашлось способа предупредить их.

Автоматическое оружие хранилось в подвале за фальшстеной. Из-за многочисленных тюремных приводов Картеры прятали арсенал, который они собирали годами: AR-15, АК-

47, карабины М4 и все блестящие патроны к ним.

Томми успел схватить охотничье ружье и выскочить на крыльцо. Он открыл огонь, но прежде чем началась настоящая стрельба, прибыли полицейские.

Картеров арестовали и надели наручники еще до того, как у них появился шанс сразиться.

Октавия кипела от ярости. Она знала, что Рэй и остальные чувствуют то же самое. Их презирали и унижали. С ними обращались как с полным мусором.

Они не звери, которых нужно держать в клетке в сыром, промозглом подземелье. Они заслуживали лучшего, гораздо лучшего.

Все это — то, как с ними так несправедливо обращались — наверняка незаконно. Никаких адвокатов. Никаких чертовых телефонных звонков.

Ее уже много раз арестовывали. Она знала, как это должно происходить.

К ним не пускали посетителей. Не пустили бы даже ее собственную дочь. Если бы она вообще пришла.

«Почему ты думаешь, что она захочет тебя навестить? Она тебя ненавидит. И ты заслуживаешь этого».

Октавия попыталась вытеснить этот противный, хнычущий голос из своей головы. Для этого и нужна наркота. Чтобы избавиться от всех мерзких мыслей. От всех темных и мерзких вещей, о которых ей не нравилось думать, которые она предпочла бы выкинуть из головы.

Билли все еще наблюдал за ней. Так неподвижно, если не считать этого странного блуждающего взгляда. От этого у нее мурашки по коже. Все в нем вызывало у нее мурашки.

У нее хватало мыслей и похуже, чем о кузене-маньяке Рэя. Ее встревоженный, изломанный мозг с трудом удерживал какую-то одну мысль. Только потребность, отчаянная жажда, когтями впивающаяся в ее вены.

Она должна выбраться отсюда, должна получить свою следующую дозу, несмотря ни на что. Ей казалось, что без этого она умрет. Она умрет прямо здесь, дрожа в жалкой луже собственной мочи и рвоты.

Глава 38

Ноа

День шестой

— Мы сделаем остановку, — крикнул Джулиан Ноа. Он припарковал свой снегоход перед церковью Кроссвей и снял шлем.

Ноа встал рядом с ним и выключил кашляющий, дребезжащий двигатель. Он снял шлем, и снег ударил ему в лицо.

— Что? Почему? Пора ехать домой. Буря приближается. Черт, такое ощущение, что она уже здесь.

Близилась сумерки. Низкие черные тучи клубились по небу прямо над линией деревьев. Зимние тени стали длинными и темными. Леденящий душу ветер завывал вокруг зданий, грохотал и скрипел в кронах деревьев. Ветер взметал кристаллы снега в огромные тучи и посылал мусор по тротуарам.

Фолл-Крик превратился в город-призрак, но вместо бурьяна здесь царили холод, лед и снег, похожие на крошечные торнадо.

— Это займет всего минуту. — Джулиан соскользнул со снегохода и снова намотал шарф на нижнюю часть лица. Его голос звучал приглушенно сквозь ткань. — Расслабься,

Шеридан.

Джулиан, пиная снег, поднялся по бетонным ступеням и ударил костяшками пальцев в перчатках по массивным деревянным двойным входным дверям церкви Кроссвей.

Нехотя Ноа последовал за ним. Он пригнул голову от колючего снега и плотнее натянул капюшон на лицо. Его щеки, губы и нос обветрились и потрескались. Он практически чувствовал, как замерзают волоски в носу.

Должно быть, температура опустилась градусов на десять ниже нуля. Безжалостный, непрекращающийся холод причинял мучения. Низкие температуры день за днем ставили рекорды в Мичигане.

В ближайшие несколько часов, вероятно, выпадет футовый или более слой осадков, что составит более трех футов только за последнюю неделю. Казалось, что они оказались в ловушке, почти полностью отрезанные от внешнего мира.

Это делало всех раздражительными и нервными. Они все находились в невероятном напряжении.

— Я все еще не понимаю, что мы здесь делаем, — заявил Ноа. — Я уже говорил тебе, что Бишоп хочет заниматься своими делами. Я не понимаю, почему он не должен иметь такой возможности. Он отдает все, что у него есть.

За ними подъехали еще четыре снегохода, снег кружился и исчезал в желтых конусах фар. Двое мужчин оказались офицерами — Хейсом и Рейносом — и еще двое — бывшими военными добровольцами из общины, которых шеф Бриггс несколько дней назад нехотя назначил офицерами запаса.

С каждым днем жители города становились все недовольнее. Розамонд начала терять свою власть над городом. Шеф Бриггс тоже. Всем хотелось кого-то обвинить, особенно когда никто не знал, кто и зачем это сделал.

Люди замерзали, голодали и устали искать все необходимое. Вода больше не текла из крана. Еда не появлялась на полках продуктовых магазинов. Тепло перестало быть простой настройкой термостата.

Чувство вины укололо его. Они с Майло могли считаться счастливыми.

За последние три дня произошло несколько попыток взлома, большинство из них — в общине «Винтер Хейвен». Кто-то разрисовал дом Томаса Блэра грубыми изображениями и совершил акт вандализма.

А вчера вечером пара подростков забралась на крышу дома Мэри Джонс и демонтировала две солнечные батареи, пока она не поймала их и не пригрозила отстрелить им яйца.

Ноа пришлось отпустить их со строгим предупреждением. Держать подростков негде, так как единственную камеру в подвале исторического здания суда в настоящее время занимали Рэй Шульц, Октавия Райли и братья Картеры, пока они не придумали, что с ними делать.

Джулиан пристально посмотрел на него. Его нос и щеки покраснели, глаза налились кровью.

— Приказ суперинтенданта.

— Но шеф...

— Бриггсу нужно идти в ногу со временем. Как и тебе, Шеридан. — В голосе Джулиана прозвучало раздражение. Он казался напряженным. Злым.

В точности как Ноа чувствовал себя сейчас, стоя здесь в полузамерзшем состоянии, его

ноги словно налились свинцом, уши и нос онемели, снег замерз на бровях и ресницах.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Аттикус Бишоп, крепкий, широкоплечий, с копной афро, одетый в свою непревзойденную черную кожаную куртку и новую гавайскую рубашку — голубую с пальмами.

Бишоп не смотрел на Ноа. Несколько секунд он разглядывал Джулиана, а затем медленно перевел взгляд на мужчин, стоявших у подножия ступеней, укрывшихся от ветра и снега.

Все были вооружены, хотя оружие оставалось в кобуре.

Бишоп сжал губы в тонкую линию.

— Синклер. Что ты здесь делаешь?

Джулиан откинул шарф, чтобы говорить яснее.

— Мы просто совершаем обход и просим помощи у местных жителей. У нас в приюте почти сто голодных детей, а еды осталось всего на несколько дней. Уверен, ты понимаешь, как обстоят дела.

— Я понимаю, что помогаю людям, которые приходят ко мне. Понимаю, что я и мои прихожане купили и оплатили банки и коробки с едой и бутылки с водой в этом здании. Я вправе решать, что с этим делать.

— Вау, чувак. Притормози. — Джулиан поднял обе руки в умиротворяющем жесте и широко, бесхитростно улыбнулся. — Мы ни к чему не принуждаем, Бишоп. Ты неправильно нас понял. Мы предлагаем помощь. Нашу помощь. Мы просто просим вас дать кое-что взамен. Не для нас, а для этих голодных детей. Подумай о них.

Бишоп не отрывал взгляда от Джулиана.

— Я думаю о них. И обо всех остальных. Мне кажется, ты собираешься начать именно так, а когда получишь то, что хочешь, продолжишь. Похоже, твоя «невинная» просьба может быстро превратиться в требование.

Джулиан напрягся.

— Это смешно.

— Правда? — ровно спросил Бишоп.

— Ты всегда отличался излишней паранойей, Бишоп.

— Власти перегибают палку. Это то, что они делают.

В животе у Ноа все сжималось от страха. Совместная встреча Джулиана и Бишоп никогда ничем хорошим не заканчивалась. Он не знал, ревновал ли Джулиан к его дружбе с Бишопом или дело в другом, но они всегда держались напряженно и нервно рядом друг с другом.

Ноа обычно выступал в роли миротворца между ними, всегда соблюдая нейтралитет. Сегодня ему не хотелось этого делать.

Он просто желал попасть домой к Майло. После того как он помог подать обед в церкви, Квинн отвезла его в новый дом в «Винтер Хейвене», где они занялись строительством космических кораблей из конструктора Лего.

Он мечтал о теплом, спокойном вечере перед камином, читая Майло «3000 лье под водой» или «Остров сокровищ», пока тот не заснет. После исчезновения Ханна Майло снова и снова просил Ноа спеть, но Ноа не умел петь. А вот читать он умел.

— Мы просто хотим помочь, — вмешался Ноа.

Выражение лица Бишоп застыло.

— Будь осторожен, Ноа. Убедись, что ты знаешь, на чьей ты стороне.

— О, мы уже принимаем чью-то сторону? — Джулиан выглядел обиженным. Или он сделал обиженное выражение лица. Но Ноа знал его достаточно хорошо, чтобы увидеть гнев, вспыхнувший в его глазах. — Мы просто пытаемся сохранить мир. Ты остаешься дома со своей семьей, в тепле и уюте, а мы тут мерзнем, пытаюсь спасти город. Как-то очень эгоистично отказываться помочь хоть немного, не находишь?

Бишоп пожал плечами.

— То, что ты думаешь, не моя проблема. Тебе пора уходить.

Джулиан рванулся вперед, сжав руки в кулаки.

— Подожди минутку...

Ноа быстро встал между ними. Он успокаивающе протянул руку, заставляя Джулиана отступить назад.

— Эй! Помни, где мы находимся и что мы делаем. Никто здесь не враг. Мы все друзья.

— Правда? — мрачно выплюнул Джулиан. — Потому что мне кажется, что некоторые люди здесь только ради себя, а все остальные пусть идут к черту.

Мужчины позади него недовольно зароптали. Нахмурившись, Рейносо переместился на нижнюю ступеньку, готовый поддержать Джулиана.

У Ноа свело живот. Он ненавидел напряжение, витавшее в воздухе, гнев и обиду, клокотавшие на поверхности. Он готов на все, лишь бы это прекратилось.

— Вы имеете право на свое мнение, — ровно сказал Бишоп. — Но я знаю, что поступаю правильно. И это не изменится.

— Аттикус? — Дафна подошла к мужу сзади и встала рядом с ним в дверном проеме. Она держала на бедре светловолосого малыша, завернутого в одеяло, — того самого вчерашнего мальчика. Огонь свечи мерцал на ее красивых чертах. — Все в порядке?

Позади них, в фойе, Ноа увидел людей, копошащихся внутри церкви, большинство из них лежали на скамьях и на полу, укрывшись одеялами и подушками. Они выглядели если не счастливыми, то хотя бы согретыми и устроенными.

— Все в порядке, Дафна, — успокоил Ноа. — Мы просто зашли проведать вас. Вот и все.

— Мы предлагаем защиту, — вступил в разговор Джулиан, — для вас и здешних семей. Точно так же, как мы делаем это в «Френдли», на заправке и в аптеке Винсона. Мы имеем дело с грабежами и взломами каждую ночь.

Дафна неуверенно посмотрела на Бишопу.

Бишоп покачал головой.

— Нет, спасибо.

— Почему нет?

— Во-первых, у меня уже есть защита. Во-вторых, я не принимаю помощь, за которую приходится платить.

— Что это значит? — спросил Ноа.

Бишоп сложил руки на груди, не шелохнувшись.

— Проблема не в «помощи». Проблема в стоимости.

Губы Джулиана скривились в презрении.

— Это полная чушь...

— Бог защитит нас, — мягко сказала Дафна. Она похлопала по спине ребенка, который прижался к ней своим крошечным телом. Внутри церкви начал плакать малыш. — Как только что сказал мой муж. Бог и наши вооруженные дьяконы, наши верные прихожане,

которые вызвались присматривать за церковью.

— Но...

— Спасибо за ваше предложение, джентльмены. Искренне. Мы очень ценим, что вы подумали о нас. Но с нами все будет в порядке. Пожалуйста, приходите завтра в кладовую. Мы будем раздавать последние запакованные пироги, пока они не испортились. У нас есть несколько пекановых, оставшихся с Рождества.

— Это не то, что я... — прошипел Джулиан.

— Спасибо за вашу щедрость, — ответил Ноа, перебивая Джулиана. — Мы обязательно заглянем к вам.

Улыбка Дафны стала шире, в ее глазах появился намек на облегчение. Она переглянулась с Ноа. Они оба старались разрядить напряжение.

— Я оставлю вам один, офицер Синклер. Да благословит вас Бог и сохранит вас в безопасности.

Тяжелые двойные двери закрылись. Вот так просто они получили отставку.

Ноа и Джулиан на мгновение замерли на ступеньках в холоде и темноте. Мужчины вернулись к своим снегоходам и ждали их. Единственный свет исходил от лучей фар снегоходов.

Сильный снег падал густыми спиральными порывами. Замерзшие ветки скрипели, когда ветер завывал и стонал вокруг церкви.

Джулиан набросился на Ноа.

— Он ведет себя эгоистично без всякой причины. Как ты этого не видишь? Никому не станет легче, если эти наркоманы завладеют их запасами. Тогда все будут голодать.

— Эти любители метамфетамина в камере, помнишь? — Ноа беспомощно пожал плечами. — Бишоп упрям. Он всегда был таким.

Джулиан насмешливо фыркнул.

— Они не единственная опасность. Ты знаешь это.

В темноте Ноа не мог разглядеть выражение лица своего друга, но знал, что Джулиан расстроен. Не только из-за Бишопы, но и из-за него самого.

— Джулиан...

Джулиан отвернулся от него, топая по заснеженным ступенькам, чуть не поскользнувшись, направился к своему «Ски-Ду». Его руки все еще были сжаты в кулаки, плечи напряжены.

Он остановился у своего снегохода.

— Он твой друг. Заставь его поумнеть.

«Или что?» Но Ноа не хотел задавать этот вопрос. Он повис в холодном воздухе без ответа.

Холодок тревоги пробежал по его груди, когда он посмотрел на темную дорогу, на пустые улицы и здания, которые, как знал, находились там, но не мог увидеть — на весь Фолл-Крик, пустынный, замерзший, безлюдный.

Глава 39

Октавия Райли

День седьмой

— Кто-то идет, — сказала Октавия.

Она быстро села. Ее пронзила волна кислой тошноты. Кожа зудела от холодного,

колючего пота. Она ожесточенно почесала руки. Октавия пребывала в полусне, полугаллюцинации. Пауки ползали под ее кожей. Тараканы и личинки.

— И что? — Рэй не спал с тех пор, как они оказались здесь. Он сидел и отдыхал какое-то время, но теперь снова встал и метался, как лев в клетке, подергивая хвостом в подавляемой ярости. — Пусть приходят!

Они съели уже пять порций, но вот уже несколько часов никто не спускался покормить их. Казалось, что прошел целый день. Их помойное ведро тоже не опорожнялось, и от него нестерпимо воняло.

Она вздрогнула.

— Я слышу его. Шаги настоящие.

— Заткнись, черт возьми, — мрачно прорычал Томми. — Мы пытаемся заснуть.

Они понятия не имели, день сейчас или ночь. Внизу не наблюдалось ни одного чертова окна. Мог наступить конец света, а они даже не узнали бы об этом.

При этой мысли она издала хриплый смешок. Кого она обманывала? Конец света уже наступил. А они здесь, пропускают все веселье.

Шаги гулко отдавались на лестничной клетке. Все здесь выложено большими старыми каменными плитами. Каждый звук усиливался.

— Они реальны, — прошептала она.

Шаги становились все громче. Кто-то топал по лестнице здания суда в подвал. Появилась фигура.

Мужчина, судя по росту и обхвату, широким плечам. На нем тяжелая черная куртка до колен, капюшон надвинут на лицо, густой мех скрывает черты лица в тусклом свете единственного керосинового фонаря.

— Какого черта тебе нужно? — спросил Рэй. — Ты здесь, чтобы выволить нас из этой дыры?

— Вы не можете держать нас здесь так долго без адвоката и телефонного звонка! — заявил Никель. — Я знаю свои права!

— Вы не кормили нас весь день! — Баки, пошатываясь, поднялся на ноги. Его массивные руки, покрытые шрамами, сжались в кулаки по бокам. — Мы засудим ваши задницы по полной программе.

— Неа, — пробурчал Томми. — Мы сделаем лучше. Мы найдем ваши семьи. А потом разрежем их на мелкие кусочки прямо у вас на глазах.

Билли ничего не сказал. Он сидел на скамейке с прямой спиной, его черный взгляд медленно блуждал по человеку, стоящему за решеткой, и его странствующий взгляд, казалось, устремился прямо на Октавию.

— Вы хотите выбраться отсюда? — спросил мужчина. Его голос звучал глубоко и хрипло, словно он пытался замаскировать его. — Тогда заткнись, черт возьми. Иначе я сейчас же развернусь и пойду обратно по этой лестнице. И уверяю вас, эти люди позволят вам сгнить здесь. Они уже обсуждают, кормить ли вас в следующий раз или нет.

Братья Картеры матерились и проклинали его. Томми выплюнул сигарету, которая упала на ботинки мужчины.

— Заткнись уже! — Октавии удалось подняться на ноги. Не обращая внимания на тошнотворное бурление в животе, она подошла к Рэю и ухватила за решетку. Все мужчины вели себя как болтливые идиоты. Им нужна женщина, чтобы справиться с этим. — Мы слушаем.

Мужчина показал ржавый железный ключ.

— Это поможет вам выйти. Ваш охранник наверху, храпит. Но сначала мне нужна от вас услуга.

Глаза Рэя выпучились. Он кипел. Она уже видела этот отблеск злобы в его взгляде. Он был достаточно разъярен, чтобы разнести что-то. Или кого-то.

— Какого черта мы должны что-то делать для тебя?

Октавия жадно смотрела на ключ.

— Мы сделаем это.

Билли и Никель поднялись на ноги.

— Это нам решать, — сказал Никель, нахмурившись. — Не тебе.

Все они двинулись к решетке, даже Билли. Пять опасных мужчин, напряженных и ощетилившихся, беспокойных и голодных, как дикие собаки.

Октавия все еще не могла разглядеть лицо пришедшего. Керосиновый фонарь висел на стене позади мужчины, поэтому он оставался в тени. Все, что она могла сказать, это то, что он белый и не старый. Но он казался знакомым. Как будто она должна его помнить, если бы ее измученный мозг не напоминал швейцарский сыр.

— Работу, если хотите, — спокойно продолжил мужчина. — В церкви Кроссвей.

— Я убью Аттикуса Бишоп! Он труп! — выругался Рэй. — Эти набожные засранцы крадут еду у хороших, честных обычных людей вроде нас, а потом раздают ее так, будто они боги! Как будто у них есть на это право по сравнению с нами!

— У них есть не только еда, — тихо сказал мужчина. — У них есть золото.

Рэй уставился на него так, словно тот нес чепуху.

— Золото.

— Да, золото. Золотая валюта останется даже после того, как бумажные деньги станут бесполезными, как это происходит сейчас. У них есть по крайней мере двадцать золотых слитков стоимостью от тридцати до сорока тысяч долларов. Представьте, что вы можете сделать с этим прямо сейчас? Какие предметы первой необходимости вы могли бы купить, когда все остальные застряли с ничем не стоящими бумажками и кусочками пластика?

У Октавии пересохло во рту. Кровь жадно бурлила в ее жилах. Она могла себе это представить. О да, она могла. Они с Рэем могли бы выкупить такой запас, какого у них никогда не было, чтобы хватило на месяцы. Даже годы.

— Где? — спросил Билли.

— Где-то в церкви. В сейфе. Это вся информация, которая у меня есть. Но я получил сообщение, что они собираются переместить его в более безопасное место. Сейчас самое время нанести удар.

Мужчина развел руки в перчатках.

— Как вы понимаете, я не могу сформировать команду и сам нанести удар. Как погляжу, мы можем помочь друг другу. Если вы... выберетесь... из этой антикварной клетки с ее ржавеющим, ненадежным замком, и, если найдете сейф и заберёте его содержимое, думаю, будете иметь право на шестьдесят процентов вознаграждения, чтобы разделить его между собой.

— Девяносто процентов, — заявил Билли. — Десять процентов вознаграждения за находку для вас.

— Семьдесят процентов, — отозвался мужчина.

— Восемьдесят, — откликнулся Рэй, — и по рукам.

— Договорились, — согласился мужчина.

— Черт, я бы сделал это и бесплатно. — Рэй рассмеялся, уродливый, злобный звук отразился от сырых каменных стен. — Этого пастора ждет расплата. Такая расплата, какой еще никому не доводилось видеть.

Октавия почувствовала головокружение. Они не только выбрались отсюда, они только что заключили сделку с самим дьяволом. Они разбогатеют. Они будут жить как лорды и леди.

Она могла бы купить дом для себя и Квинн. Она могла бы купить своей малышке особняк.

Это быстро избавит Квинн от гнева и обиды. Они могли бы снова стать семьей. Они могли бы снова быть счастливы, как раньше.

Это был новый смелый мир. Мир, в котором они могли править.

Кого волновало, что электричество отключили навсегда? Закон и порядок рушились. То, как все обстояло всегда, теперь исчезло.

Может быть, правительство полностью потеряет свою власть. Может быть, все навсегда освободятся от дурацких законов. Это не имело значения.

Октавия думала только о текущем моменте. Сегодня, на этой неделе, в этом месяце, весь городок Фолл-Крик оказался отрезанным от мира. Он мог бы и вовсе не существовать.

Не существует никаких последствий. Никаких адвокатов и судей, никаких зданий суда и тюрем.

Они могли делать все, что хотели. И они непременно сделают.

Как только она получит свою очередную дозу.

Мужчина вставил ключ в замок. Он колебался.

Октавия перестала дышать. Ее тело дрожало от напряжения. Она хотела только одного — оторваться и отомстить этим самодовольным неудачникам, которые унизили ее и Рэя, которые посмели утаить то, что принадлежало им по праву, а потом издевались над ними за это.

Они заплатят. Они заслуживали расплаты. Как сказал Рэй, золото это всего лишь бонус.

Мужчина колебался, как бы сомневаясь.

— Они не пойдут навстречу, — сказал мужчина. — Они не отдадут его вам просто так.

Билли впервые улыбнулся. Его губы раздвинулись над кривыми желтыми зубами. Его черные глаза блестели от предвкушения.

— Не волнуйтесь. Мы знаем, что делать.

Глава 40

Квинн

День седьмой

— Покажи нам еще раз, Квинн! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Хлоя схватила руку Квинн, подпрыгивая на носочках, ее темные глаза расширились, пластиковые заколки на концах ее косичек звенели.

Квинн закатила глаза.

— Здесь слишком холодно. Я устала.

— Еще разок? Пожалуйста? — взмолилась Юнипер.

Квинн посмотрела на Майло. Он стоял на вершине снежного холма, который они соорудили в этот день возле заднего выхода из церкви, укутанный в снежную экипировку по

самые уши. Он ничего не сказал, но кивнул с застенчивой улыбкой, его глаза сияли.

Он вел себя гораздо тише, чем девочки. Как будто его поглотила их энергия и энтузиазм, их аура яркого кружащегося хаоса.

Но это не совсем верно. Он не растворился в их энергии — он грелся в ней, как будто просто близость к ним делала его тоже ярче.

Они вчетвером стояли на парковке за церковью. Асфальт примыкал к густому лесу, деревья вокруг были голыми, облезлыми и тяжелыми от мокрого снега.

Пара сердито стрекочущих белок гонялась друг за другом по веткам, сбивая куски снега на землю с тихим стуком.

Вчерашняя метель за ночь навалила еще один фут снега. Повсюду лежали огромные сугробы глубиной в несколько футов. Злобный ветер наконец-то утих к утру.

Квинн постаралась сделать этот день веселым. Они лепили снеговиков и создавали самых совершенных снежных ангелов, катали друг друга на старомодных санях, которые Бишопы привезли из своего дома, а дети радостно и беспощадно атаковали Квинн снежками.

Во второй половине дня, после нескольких игр в прятки, девочки нарисовали ей розово-фиолетовую мишень на огромном листе ватмана, который они раздобыли в одном из шкафов в комнате воскресной школы.

Майло нашел несколько крепежей и предложил прикрепить мишень к дереву, чтобы Квинн могла научить их стрелять из рогатки. Девочки принесли из дома несколько стеклянных шариков, и дальше все пошло как по маслу.

Дети пришли в полный восторг, им нравилось, когда она попадала в яблочко с пятнадцати футов, двадцати пяти футов и сорока футов снова и снова.

Однако они не хотели видеть, как она убивает белку. Все трое детей проявили непреклонность в этом вопросе.

Нянчиться с малышкой оказалось не так плохо, как ожидала Квинн. Майло и даже непоседливые девочки оказались милыми, веселыми и послушными. Они ходили за ней по пятам, как надоедливые маленькие утята.

Всю свою жизнь она думала, что ненавидит детей. Оказалось, что только тех, которые строят из себя наглецов, грубиянов и сопляков. Некоторые из них на самом деле вполне приличные люди.

— Пожалуйста, Квинн! — снова взмолилась Юнипер.

— Еще раз, но не больше, — сурово сказала Квинн, потрясая рогаткой над Юнипер. — Потом мы пойдем в дом, чтобы помочь твоим родителям приготовить и раздать ужин.

Она отгородилась от звуков визжащих девочек, от всех отвлекающих факторов. Закрепила защиту на запястье, положила шарик в чехол и притянула ремешки к щеке. Наклонила рамку горизонтально, выровняла прицел, выдохнула и отпустила.

Шарик со звоном ударился о ствол дерева. Уже опускались сумерки, но она знала, что попадет в цель. Обычно ей это удавалось.

— Ну как?

Хлоя, Юнипер и Майло подбежали к дереву.

— Я вижу! — пискнул Майло. — БАМ! Он пробил дыру прямо по центру! Этот плохой парень мертвее мертвого!

— Я же говорила. — Квинн пожала плечами и усмехнулась. Она засунула рогатку в карман. — А теперь тащите свои маленькие ж... то есть задницы, внутрь!

Следующие несколько часов прошли в суматохе — приготовление огромных кастрюль

томатного супа и сборка нескольких сотен бутербродов с сыром (чтобы использовать хлеб и молочные продукты, пока они не испортились), раздача всего в последние бумажные миски и тарелки, наблюдение за детьми, которые с нетерпением и небрежностью обслуживали семьи, оставшиеся на ночь внутри.

В церкви остановилось от пятидесяти до семидесяти человек. Дафна приняла предложение Квинн на вооружение, и теперь каждая семья помогала стирать одеяла и подушки, собирать дрова и выполнять другие повседневные обязанности.

— Давай снова поиграем в прятки! — предложил Майло после того, как ужин закончился, и Квинн дала Майло его лекарства.

Ноа подарил ей механические часы, чтобы она следила за тем, когда Майло нужно принимать лекарства. Запомнить время без таймера на телефоне не так-то просто, но она знала, как это важно.

По плану Ноа собирался забрать Квинн и Майло час назад. Он выматывался до предела, с каждым днем тени под его глазами становились все глубже. Она не могла упрекнуть его за опоздание, хотя и хотела бы.

Ей просто не терпелось вернуться домой и посидеть с бабушкой при свечах, может быть, свернуться калачиком перед дровяной печкой с кучей мурлыкающих кошек на коленях и изъеденным собаками экземпляр «Пятницы» Роберта А. Хайнлайна.

Квинн устало вела детей обратно в церковь.

— Я слишком вымоталась для подобного, Мелкий. Как насчет истории вместо этого? Или так, или я отлуплю вас сваренными спагетти.

Юнипер скорчила гримасу.

— Фу, гадость!

— Как я уже сказала, выбирать вам.

— История! Я выбираю историю! Я знаю идеальную! — Хлоя побежала за книгой в одну из комнат воскресной школы. Юнипер поспешила за ней, чтобы «проконтролировать» процесс.

Квинн опустилась на одну из пустых скамей у входа в зал. У нее болели мышцы ног и горели глаза. Она сильно устала.

Майло уютно устроился рядом, прижавшись к ней своим маленьким телом, как котенок. Она откинула голову назад и закрыла глаза, поглаживая его волосы.

Квинн чувствовала себя по-другому. Почти как совершенно иной человек, чем неделю назад.

Дедушка умер. Она выжила в снежной буре, застряв на кресельном подъемнике. Весь штат, а может, и вся страна погрузились во тьму, но она все еще здесь; она справлялась.

Все, что она позволяла себе раньше — вредные девчонки, снобистские бывшие друзья, плохие оценки, ее мать-тунеядка, ужасное состояние практически всего — все это уже не имело такого значения.

Ее привычный способ защиты — сарказм и язвительность, угрюмое молчание — отошел на второй план. Она чувствовала себя здесь полезной. Желанной и ценимой.

Ноа Шеридан стал первым взрослым, кроме бабушки и дедушки, который относился к ней как к настоящему человеку, с мыслями, чувствами и идеями, такими же обоснованными, как и его собственные. Дафна и Аттикус Бишоп относились к ней так же. Несмотря на свой природный цинизм, она любила их за это.

Далекий крик эхом разнесся по церкви.

Квинн открыла глаза.

Весь день она сталкивалась с криками, воплями и визгом. Дети кричали все время. Но сейчас всё иначе.

Это кричал взрослый. Высоко и отчаянно. От этого крика у нее застыла кровь.

Крик раздался снова, откуда-то снаружи. А может быть, из продуктовой кладовой или зала собраний на другой стороне церкви.

Шею сковало. Волоски на руках встали дыбом.

Квинн села прямо. Майло сонно пробормотал, когда она слегка толкнула его в сторону. Но у нее не оставалось времени беспокоиться о его комфорте.

Вокруг нее мужчины и женщины смотрели друг на друга, озадаченные, растерянные, встревоженные. Еще один крик — высокий, истеричный вопль.

Мальш начал плакать. Мать прижала его к себе и укачивая на своем бедре.

— Что это было? — спросила она у соседей.

Никто не успел ей ответить.

Двери в церковь распахнулись. Несколько одетых в черное фигур ворвались внутрь. Черные лыжные маски закрывали их лица. В руках они держали сверкающие, злобно выглядящие автоматы.

Целую страшную секунду никто не двигался. Все сидящие на скамьях в шоке смотрели на фигуры. Их мозг не мог осмыслить эту странную новую информацию. Это не имело смысла.

Этим людям здесь не место. Оружью здесь не место.

Тем не менее, они находились здесь.

Глава 41

Квинн

День седьмой

Сердце Квинн подскочило к горлу. Ее легкие сжались. Все вокруг стало медленным и отрывистым, настолько ярким и светлым, что образы пронзили ее веки.

Майло начал приподниматься. Инстинктивно она толкнула его обратно.

Все произошло так невероятно быстро. Ее мозг не успевал вычислять сигналы, проходящие через синапсы, осмысливать сцену, разворачивающуюся прямо перед ней.

Фигуры с оружием ничего не говорили. Они не выдвигали требований, не выкрикивали оскорблений или угроз.

Они просто подняли оружие и открыли огонь.

В церкви начался шум и хаос. Треск и грохот выстрелов. Панические крики и вопли раскололи воздух.

Пули врезались в каменные стены. Разбивали витражные окна. Пробивали деревянные скамьи, подбрасывая в воздух щепки. Какофоническое «рат-а-тат» разрывало барабанные перепонки. Так громко, невозможно громко.

И тела. Тела дергаются, как марионетки на ниточках. Тела дергаются, падают, заваливаясь.

Она едва могла слышать сквозь звон в ушах, паника захлестнула ее. На какое-то ужасное застывшее мгновение Квинн не могла пошевелиться. Она сидела, держась одной рукой за Майло, с открытым ртом в шоке, в безмолвном ужасе, когда смерть объяла все вокруг.

Люди бежали, перепрыгивая через скамьи, падая и ползя на четвереньках к боковому

выходу. Темноволосый мужчина, бегущий по центральному проходу, внезапно упал вперед, его застрелили в спину. Шея женщины свернулась в сторону. Она была мертва еще до того, как упала на ковер.

Мужчина вскарабкался на помост к большому деревянному кресту, как будто только это могло его спасти. Его ноги не слушались. Он полз, опираясь на руки, а за ним тянулся кроваво-красный след.

Фигуры в черном выходили из задней части церкви. Двое шли по центральному проходу. Еще двое заняли дальние проходы. Последние двое охраняли двери.

Люди в масках продвигались вперед, целясь и стреляя во все, что двигалось.

Латиноамериканка за пять скамей перед ней повернулась лицом к Квинн. Их испуганные глаза встретились.

Квинн узнала в ней парадонтолога, работавшую в стоматологии «Брайт Смайлс», которая чистила зубы Квинн как по часам два раза в год и всегда делала комплименты ее синим волосам.

Женщина открыла рот, словно собираясь что-то сказать Квинн, предупредить или дать важный совет — может быть, секрет, как выжить в грядущем, как спастись от этого чудовищного ужаса, который схватил их в свои челюсти.

Что бы она ни собиралась сказать, Квинн так и не услышала.

Тело женщины дернулось, когда пули разорвали ее туловище. Ярко-красная кровь брызнула из головы, когда она упала набок.

Ужасное зрелище вывело Квинн из шокового состояния. Она пригнулась к скамье и прижалась к Майло. Как будто тонкий клин полированного дерева мог спасти их от пули.

Скатившись со скамьи, она опустилась на ковер. Потянулась вверх, схватила Майло за руку и повалила его на пол. Он упал на нее сверху, его костлявый локоть уперся ей в живот, а нога ударила по голени.

Она протиснулась в сторону, наполовину под соседнюю скамью, и притянула его к себе. Пространство между скамьями не отличалось большими размерами, но Квинн удалось втиснуться в него, как и Майло. В спертом воздухе пахло немытыми ногами и пылью.

Она почувствовала, как в носу свербит. Зажав рот и нос одной рукой, Квинн поборол желание чихнуть.

Сердце колотилось в груди, пульс гулко отдавался в ушах. Они должны выбраться отсюда.

Лицо Майло находилось в нескольких дюймах от ее лица. Его зрачки казались огромными, маленькая грудь гулко билась.

— Не смотри, — прошептала она ему на ухо. — Не шуми. Это похоже на игру. Ужасная игра. Но мы собираемся выиграть ее. И способ выиграть — не смотреть.

Майло кивнул, глаза расширились и стали испуганными.

Она перевернулась на живот и продвинулась вперед на фут, чтобы видеть между скамьями прямо перед собой. Повернула голову, чтобы заглянуть под скамьи по обе стороны.

Выходная дверь находилась в левой передней части церкви. А вот она сама оказалась на правой стороне. Квинн не могла видеть дверь отсюда, но последнее воспоминание о ней еще свежо в ее памяти — мертвые, окровавленные тела, лежащие перед все еще закрытой дверью. Никто не смог выбраться. Не этим путем.

Ее тело покрылось испариной, когда адреналин хлынул в кровь. Во рту пересохло.

Мысли приходили паническими, бешеными рывками. «Думай, черт возьми, думай!»

Если они побегут, нападавшие увидят их и перестреляют. Их слишком много. Они ни за что не пропустили бы девочку и маленького мальчика, бегущих в безопасное место.

Но и просто сидеть здесь и ждать, пока их убьют, они тоже не могли.

Сердце зашло в груди, Квинн вывернула шею, прижалась щекой к коврику и повернула голову, чтобы посмотреть в другую сторону, на заднюю часть церкви — фойе, вход с двумя дверями.

Она видела их ноги. Черные ботинки. Нападавшие двигались медленно, методично, проверяя каждый ряд, прежде чем двигаться дальше.

Они все еще находились в пятнадцати или около того скамьях. Шквал выстрелов замедлился до редких очередей.

Потому что все остальные уже мертвы.

Она не стала отгонять эту мысль или пытаться игнорировать ее. Она использовала тошнотворный страх, бурлящий в животе, чтобы заставить себя двигаться.

Квинн тронула Майло за плечо. Когда он посмотрел на нее, на его маленьком лице отразился ужас, она прижала палец к губам.

«Абсолютная тишина. Никаких разговоров».

Майло кивнул. Он понял.

Двое нападавших что-то кричали друг другу, но ее измученный мозг не мог сосредоточиться на их словах. Все ее внимание сконцентрировалось на том, чтобы выбраться наружу.

Она толкнула Майло под скамью перед ними. Извернувшись, проползла рядом. Майло был маленьким и легко протиснулся под скамью.

Квинн была сильной, но тощей для шестнадцати лет, и это спасало ее сейчас, когда она извивалась вслед за Майло, повернув голову набок, царапая щекой шершавый ковер и прижимаясь всем телом. Она вцепилась ногтями в пол, используя только руки и кисти, чтобы тянуть себя вперед.

Одна скамья. Потом две. Три.

Кто-то застонал. Раздался выстрел, и все стихло.

Шаги позади них, все ближе. Как далеко они сейчас? Двенадцать рядов? Десять?

Они двигались быстрее, чем она и Майло могли ползти.

Пахнущая медью кровь заполнила ее ноздри. Кровь пропитала ковер. Она просочилась в ее брюки, на толстовку, скользкая и мокрая под ее голыми руками.

Она протиснулась вперед Майло, слегка повернувшись, чтобы заслонить ему вид на то, что ждало впереди. Они добрались до тела парадонтолога. Пораженная, Квинн заставила себя протянуть руку и прижать два пальца к горлу женщины.

Она была мертва. Они все погибли.

Рядом с женщиной лежало еще одно тело. И еще одно, и еще. Стеклянные, остановившиеся глаза. Истерзанные, окровавленные туловища и конечности. Забрызганные кровью лица, застывшие в гримасе ужаса.

Тела преграждали им путь вперед. Она и Майло застряли между двумя скамьями, их головы и туловища виднелись между рядами, а ноги скрывались скамьей позади них.

Ее разум отчаянно бился. Но она не могла остановиться. Она не могла остановиться на отвратительных образах, пронзивших ее мозг.

Она и Майло должны выжить. Это все, что от них требовалось. Она сделает то, что

должна сделать.

Она все еще частично закрывала Майло обзор своим телом. Снова потянулась к телу женщины, затем коснулась его плеча.

Когда он повернулся, чтобы посмотреть на нее, она размазывала кровь по его щекам и лбу. Его глаза расширились, встревоженные и растерянные. Он открыл рот, но с его губ не слетело ни звука.

Кто-то вскрикнул. Еще один выстрел.

Ближе.

Времени оставалось все меньше. В панике она протянула руку под скамью и коснулась головы мертвой женщины. Липкая влага, осколки костей и кусочки мозговой ткани, только скользкая жижа там, где должны быть череп, кожа и волосы.

Ее желудок судорожно сжался, а в горле разлилась противная кислота. Она размазала кровь по лицу. С трудом повернувшись на бок, провела мокрыми руками по груди и животу. То же самое проделала с Майло.

Квинн надеялась, что он понимает, ненавидя, что не может объяснить ему. Если бы он мог понять, если бы мог выслушать ее и сделать то, что она от него требовала, возможно, они смогли бы пережить следующие пять минут.

На большее у Квинн планов пока не было.

Глава 42

Квинн

День седьмой

Шаги и голоса приближались.

От страха у нее перехватило дыхание. Они не успевали.

Квинн прижалась щекой к ковру, заставив свое тело обмякнуть и расслабиться. Она наклонила голову, чтобы Майло мог видеть ее лицо, и закрыла глаза, отчаянно посылая любые мысли, молитвы или флюиды, которые заставили бы его понять, что она хочет, чтобы он сделал.

Она взглянула сквозь едва приоткрытые веки. Он лежал с закрытыми глазами. Не двигаясь. Ее пронзила дрожь ужаса. Измазанный в крови, он и сам выглядел мёртвым.

Это, разумеется, и требовалось.

Квинн заставила себя закрыть глаза и усилием воли подавила жизнь в руках и ногах. Ее волосы растрепались, а лицо и шея вымазаны чужой кровью. Она надеялась, что выглядит такой же мертвой, как Майло. Это их единственный шанс.

В нескольких рядах позади них кто-то вскрикнул. Два выстрела. Крики смолкли.

Квинн ждала, ее разум кричал внутри черепа, сердце собиралось выскочить прямо из груди. Едкий запах кишок и человеческих экскрементов ворвался в ее ноздри, едва не задушив. Ее закрытые глаза слезились и горели.

Шаги остановились. Они уже совсем близко, так близко. В их ряду или прямо за ними. Наблюдал ли он за телами, изучал их на предмет движения, признаков жизни?

Квинн не дышала. Она чувствовала каждый мускул, каждый дергающийся нерв и заставила себя быть абсолютно неподвижной. Никогда еще ее пульс не звучал так громко.

— Что там у тебя? — крикнул глубокий мужской голос в нескольких футах от нее.

— Здесь тихо, — ответил другой голос, уже с другого конца церкви. — Они все мертвы. Все.

Ближайший к ним нападавший фыркнул.

— Получили по заслугам, верно?

— Мы поймали жену! — крикнул третий нападавший из фойе.

Сердце колотилось в ушах, сдерживаемое дыхание жгло легкие. Голоса звучали знакомо. Квинн не могла ясно мыслить. Бешеная, трепещущая паника мешала думать, все мысли сводились к одному — остаться в живых.

— Приведите ее сюда, — сказал первый нападавший. — Уверен, она уже готова говорить.

Шаги. Звук чего-то тяжелого, волочащегося по полу. Кто-то закричал — высоко, резко и отчаянно.

— Отпустите меня! Вы не можете этого сделать! Вы не..., — голос оборвался на мучительном вопле. — Нет! Нет, нет, нет!

Квинн чуть не вздрогнула. Этот голос она узнала без сомнения — Дафна Бишоп.

— Мои дочери! — Дафна плакала. — Что вы с ними сделали? Если вы причинили им боль, если они пострадали..., — ее голос растворился в судорожных, икающих рыданиях.

Дафна обезумела. Она только что увидела невообразимую бойню. Возможно, она подумала, что ее дочери мертвы. И, возможно, так оно и было.

А может быть, они все еще прятались в комнатах воскресной школы. Все еще живые. Все еще имея шанс на спасение.

Ботинки, наконец, удалились, шаги гулко отдавались в фойе.

Квинн слишком сковал ужас, чтобы почувствовать облегчение. Она отчаянно втянула воздух, но держала голову опущенной, ее тело затекло.

Раздался резкий хруст. Дафна застонала.

— Скажи нам, где сейф, и, может быть, мы оставим тебя в живых, — проговорил дерганый.

— Что? Я не знаю... Где мой муж? Где мои девочки? Пожалуйста, не трогайте их. Мы все сделаем. Пожалуйста...

— Сейф. Где он?

— Какой сейф? Я не...

— Золото, тупая шлюха!

Еще один резкий звук. Как будто один из них ударил ее по лицу или голове прикладом своей винтовки.

Дафна только застонала.

— Нам нужно найти этих твоих красоток? — проговорил третий голос, медленный, сонный и угрожающий. — Это заставит тебя открыть свой красивый рот и сказать нам то, что мы хотим знать?

Сердце Квинн бешено колотилось. Холодный озноб пробежал по ее позвоночнику.

Она где-то слышала эти голоса. Она знала, что слышала. Разбитые, перемешанные осколки ее мыслей снова собирались вместе. Складываясь в ужасную и страшную картину.

— Нет! Пожалуйста! Я расскажу вам все. — Слова Дафны путались и звучали невнятно словно ее рот наполнен кровью. — Я не знаю, о чем вы говорите...

— Оглянитесь вокруг, леди. Что вы видите? Вы думаете, мы терпеливые люди? Вы думаете, мы не сделаем этого? Вам нужна еще одна демонстрация?

— Пожалуйста, Господи! — Дафна теперь рыдала, отчаянно, неистово, совершенно беспомощно. — Защити моих детей. Хотя я иду долиной смертной тени, я не боюсь зла.

Жезл Твой и посох Твой, они утешают меня...

— Заткнись! — крикнул дерганый. — Заткнись, черт возьми!

По кафельному полу фойе промаршировали шаги.

— Мы нашли пастора, — сообщил четвертый голос.

Неровный, рычащий тембр этого голоса — он не забывается. Сколько раз она слышала его, выкрикивающего оскорбления и проклятия через хлипкую дверь своей спальни? Десятки. Сотни.

Рэй Шульц.

И теперь она узнала остальных. Медленный говор Томми Картера. Дерганый, высокопарный вой его брата, Баки. Глубокий голос Никеля.

Билли должен быть где-то рядом.

А ее мать? Она тоже здесь? Она тоже участвовала в этом ужасе?

Что-то всколыхнулось внутри Квинн, что-то глубокое, темное и уродливое.

— Мы нашли священника в одной из подсобок, — сказал Рэй. — Приведи жену. Он не говорит, но как только увидит ее, сразу начнет.

Что-то мокрое и склизкое коснулось ее руки.

Сердце Квинн бешено заколотилось. Адреналин леденил ее вены. Она чуть не закричала.

Майло. Это был Майло. Он просунул свои пальцы сквозь ее и сжал. Она сжала в ответ.

Квинн пыталась ясно мыслить сквозь панику. Она не могла сейчас беспокоиться об Октавии. Майло поступил правильно. Они не могли лежать здесь и надеяться, что эти подонки просто уйдут. Они не уйдут.

Она видела достаточно фильмов, чтобы знать, что солдаты и обученные бойцы прочесывают поле боя после нападения и всаживают патрон в голову каждой жертве, независимо от того, мертва она или нет.

Эти монстры все еще могут вернуться.

Она должна выбраться отсюда, вытащить Майло, пока они все еще отвлечены Дафной. Она ничем не могла помочь Дафне.

Отчаяние бурлило в ее животе, Квинн судорожно пыталась представить себе здание церкви. Она побывала здесь всего несколько раз, но исследовала его, играя в прятки с Майло и девочками.

Кроме двойных дверей в задней части здания, которые вели в фойе и к парадному входу, здесь имелись еще две двери: выход в передней левой части и дверь за помостом в передней правой части.

Она не знала их официальных названий, но там располагались несколько подсобных помещений и длинный коридор, который вел к классам воскресной школы. В конце коридора есть выход, ведущий на парковку, где всего несколько часов назад она и дети установили бумажную мишень.

Она снова напрягла слух. Голоса и шаги доносились через заднюю дверь. В зале воцарилась тишина.

Мышцы болели от напряжения, она задвигала ногами из стороны в сторону, вытаскивая нижнюю половину тела из-под скамьи позади себя. Используя руки, она попятилась назад, пока не выбралась из-под обеих скамей.

Квинн поднялась на четвереньки, держа голову опущенной.

Майло посмотрел на нее. Все, что она могла видеть на его лице под красными

полосами, — это безумные белки глаз. Его грудь вздымалась, через приоткрытый рот вырывались быстрые, неглубокие вдохи.

Ему нельзя перенапрягаться, иначе его тело повернется против него самого. Она понимала это. Но не знала, что с этим делать. Все, на чем она могла сосредоточиться, — это вытащить их отсюда живыми.

Квинн снова поднесла палец к губам. Ему нужно оставаться тихим и спокойным еще немного.

Осторожно, так тихо, как только могла, она поползла по полу параллельно скамьям. Осторожно перебралась через ноги мужчины и отмахнулась от его обмякшей руки: золотое обручальное кольцо сверкало под яркой красной кровью, покрывавшей его кожу, как краска.

Добравшись до конца скамьи, она заглянула за край. Трое из четырех нападавших исчезли. Дафны тоже не было.

Один нападавший остался. Он прислонился к спинке первой скамьи, отвернувшись от зала, лицом к открытым двойным дверям, которые вели в фойе и к парадному входу в церковь, и курил сигарету.

Она не видела винтовку, но знала, что она поблизости.

Квинн посмотрела в другую сторону. Скамьи частично закрывали ей обзор. Повсюду лежали тела, чьи конечности искривились в гротескных позах. Мужчины и женщины. Дети.

Ее взгляд скользил по лицам. Она не могла этого вынести.

Все, что им нужно сделать, это добраться до ближайшего выхода. Открыть дверь. Выбежать.

Как просто это звучит. Как трудно это будет сделать.

Глава 43

Квинн

День седьмой

Не имея возможности повернуться в узком пространстве между скамьями, Квинн поползла назад к Майло. Добравшись, она сумела повернуться лицом к нему. Напряженный и испуганный, он смотрел на нее, ожидая, что она скажет, что делать, куда идти.

Дверь на выход находилась слева, на противоположной стороне церкви. Дверь, ведущая в помещения воскресной школы и другой выход, оказалась с их стороны, но им пришлось бы раскрыть себя, взобравшись на помост.

Если охранник сзади обернется... Если кто-то войдет в тот самый момент, когда они будут двигаться...

Так много «если».

Может быть, они могли бы продолжать притворяться мертвыми, пока эти безумцы наконец не уйдут, и кто-нибудь не придет их спасти. Может быть, Рэй и его шайка не вернутся сюда снова и не всадят пулю в голову каждой жертве, просто чтобы перестраховаться.

Так много «может быть».

В любом случае, они могут умереть. Любой из этих вариантов может оказаться неправильным выбором. Нужно принимать решение.

Нерешительность тоже можно назвать решением.

Квинн колебалась, сомневалась, спешка и отчаяние теснили ее грудь, мешали дышать.

«Ты должна оставить его, — прошептал голос в ее голове. — Он будет только

сдерживать тебя. Возможно, из-за него тебя убьют».

Этот голос принадлежал не ей. Это был голос Октавии. Голос, который она презирала. Уродливый и эгоистичный. Но не всегда неправый.

Маленькая рука сжала ее руку. Она посмотрела вниз. Майло смотрел на нее, страх пронизывал все его тело. Но не только страх — в его глазах светилось доверие.

Майло Шеридан верил, что Квинн вытащит его отсюда живым. А ведь она всего лишь девочка-подросток, практически без оружия, без плана или запасного варианта, без чего-либо, кроме рогатки в кармане и собственного бешеного разума.

Она для него единственный шанс. Она отвечала за него.

Квинн не хотела этого. Огромная часть ее души мечтала просто развернуться, убежать и найти ближайший выход как можно быстрее, к черту Майло и ответственность. Позаботиться о себе. Спасти себя.

Это не эгоизм. Это чувство самосохранения. Самый древний инстинкт, известный человеку.

Октавия бы убежала. Октавия давно бы уже бросила мальчика. Черт, она бы принесла его в жертву, если бы думала, что это может спасти ее собственную шкуру.

И не только Майло. Квинн знала, что она предаст собственную дочь за гораздо меньшее, чем жизнь. Она уже сделала это. Ради нового блестящего бойфренда. Ради своего следующего шанса.

Ее мать бежала от ответственности, от обязательств, от семьи при каждом удобном случае. Если Квинн сделает это — если она оставит Майло Шеридана — она будет такой же плохой, как Октавия.

А этого она не хотела, не могла себе позволить.

Квинн останется с Майло. И она бы нашла девочек Бишопов и спасла их тоже, если бы смогла.

Она сжала руку Майло, наклонилась и прижалась ртом к его уху. Она рискнула прошептать.

— Если они придут, падай и притворись мертвым. Я отвлеку их. Помни, Мелкий, не смотри ни на что, кроме меня. Только на меня.

Он кивнул.

Она двинулась впереди него. Они ползли в одну шеренгу, почти не дыша, кровь стучала в ушах, ковер царапал ладони и колени.

«Двигайся, двигайся, двигайся». Мантра звучала в ее голове яркими огнями цвета крови, разлитой повсюду в этом помещении, крови, окрасившей ее руки, лицо, одежду и душу.

Левым плечом она задела полку с гимнами, установленную в задней части скамьи.

Квинн и Майло замерли. Она напрягла слух, ожидая удивленного возгласа, ожидая автоматной очереди, которая покончит с ними здесь и сейчас.

Ничего. Ни звука из глубины здания.

Они продолжали ползти. Добрались до прохода у стены в конце ряда скамей и отправились вдоль стены по направлению к передней части. Каждое движение руки или колена выполнялось с особой осторожностью и точностью.

Что, если один из этих монстров подкрадывается к ним прямо сейчас, направив дуло на их открытые спины? Квинн повернулась, вывернув шею, чтобы оглянуться назад.

Ничего. Только голая стена. Витражные окна занавешены одеялами с дырами.

Они достигли конца скамей у входа. Прямо впереди возвышался помост с органом,

кафедрой и огромным деревянным крестом.

Она остановилась. Майло приблизился к ней. За крышкой передней скамьи они ненадолго встали на четвереньки, тяжело дыша и прислушиваясь.

Пульс громом отдавался в ее голове. Каждый вдох раздавался оглушающе, как взрыв. Ужас свернулся в груди, ее внутренности словно вода.

Чтобы добраться до ступеней помоста, им предстояло преодолеть несколько открытых участков. Подняться по ступеням, пробежать по помосту, обогнуть орган и горшечное растение и попасть в зал, скрытый за ним.

Просто несколько секунд.

Один взгляд назад, и парень в маске увидит их и поднимет тревогу. Это все, что нужно. Один звук. Один неверный шаг.

«Не думай об этом. Просто двигайтесь».

Их глаза встретились. Она подняла палец. «Раз, два, три».

Толкнув Майло перед собой, она вцепилась в его потную, блестящую от крови руку, они пригнулись и бросились через широкий проход к помосту. Согнувшись вдвое и не высовываясь, пересекли помост, уворачиваясь от растений в горшках, изуродованных тел — «не смотри, не смотри, не смотри».

Обогнув орган и прижавшись к стене, они добрались до задней стенки, затем пробежали по короткому коридору и остановились перед закрытой дверью.

Ее разум кричал, чтобы она распахнула дверь и продолжала бежать, но любой звук выдал бы их. Квинн заставила себя повернуть ручку и мучительно медленно открыла дверь.

Она затаила дыхание. «Не скрипите, дурацкие петли. Не скрипите».

Не скрипнули.

Майло скользнул вперед, как окровавленный призрак. Она последовала за ним и тихо закрыла за собой дверь, поморщившись от слабого щелчка.

Ноги подкосились. Квинн прислонилась к двери, пытаясь успокоиться и отдышаться.

Они выбрались из зала церкви, но все еще оставались в ловушке внутри здания, где находились по меньшей мере пять безумцев в масках, вооруженных автоматическим оружием. Одним из них был Рэй Шульдц. Возможно, среди нападавших была ее собственная мать.

Квинн вытерла окровавленную руку о куртку и сунула свободную руку в карман. Ей хотелось подержать рогатку. Ей необходимо ощутить, как наличие хоть какого-то оружия успокаивает.

Если бы дошло до дела, она могла бы использовать ее для защиты.

Она не боялась убить человека. Не в том случае, если он этого заслуживает.

Она крепче сжала руку Майло.

— Бежим!

Глава 44

Ноа

День седьмой

— Как дела? — спросил Ноа. — Или мне не стоит спрашивать?

— Мы справляемся, Ноа, — отозвался Шен Ли без улыбки.

Ли был слегка полноватым американцем китайского происхождения лет тридцати с короткими, уложенными гелем черными волосами, широкой улыбкой и открытым,

дружелюбным лицом. Обычно он отличался невыносимым оптимизмом, но сегодня казался напряженным.

Ли работал детским медбратом в больнице Лейкленд в Найлсе, но вместе с Аннет Кини он вызвался руководить приютом для пострадавших в средней школе. Поскольку доктор Прентис застрял где-то в Калифорнии, Ли выступал в роли главного медицинского эксперта.

Ноа оглядел спортзал средней школы. В спортзале на раскладушках, одеялах и гимнастических матах разместились почти две сотни горожан. Генератор поддерживал тепло наряду с несколькими пропановыми обогревателями и фонарями на батарейках и керосине, которые люди раздобыли в подвалах и гаражах.

Взрослые сгрудились в кучки и группы, а дети бегали вокруг с криками и воплями. Часть малышей плакала. Большинство людей выглядели напряженными и уставшими, их волосы были немыты, одежда в беспорядке.

Многие из них кашляли и чихали. У некоторых слезились глаза, их лихорадило.

— Люди болеют?

— Мы имеем дело с несколькими случаями пневмонии и переохлаждения, — объяснил Ли. — И грипп ходит по округе. Медикаментов не хватает, но пока мы справляемся. Пока нет никаких вспышек.

Ноа кивнул, почувствовав облегчение.

— Мистер Винсон сказал, что в аптеке заканчиваются антибиотики. Может быть, мы сможем организовать поездку в Лейкленд, чтобы попросить помощи?

О нехватке запасов в аптеке Ноа знал все. У Майло оставалось таблеток на пять дней. У Ноа не осталось сил объяснять, что другие города уже перегружены собственными нуждами и не хотят делиться.

— Посмотрим, что можно сделать.

Приют в школе значился последним пунктом в его контрольном списке перед тем, как он мог закончить работу. Ночь выдалась длинной. Он просто хотел забрать сына и отправиться домой.

По плану он собирался забрать Майло и Квинн два часа назад. Время ускользало от него. Просто накопилось слишком много дел, а квалифицированных кадров не хватало.

Как же он скучал по мобильным телефонам, когда связь происходила мгновенно, стоило только отправить текстовое сообщение. Из всех удобств современной жизни, которых они только что лишились, отсутствие телефонов оказалось одним из худших.

К ним подошла Аннет Кинг, вид у нее был взволнованный.

— У нас мало еды. Осталось всего на день, может, на два, если очень постараться. В последние несколько дней нам пришлось урезать пайки, и люди продолжают голодать. Многие рассердились. Джонсоны начали кричать, опрокинули несколько мусорных баков. Они толкнули одного из моих волонтеров. На минуту я подумала, что они действительно могут ворваться в столовую и начать воровать оставшиеся припасы. Как только один человек начнет, все быстро пойдет кувырком.

— Вы хотите, чтобы я попросил их уйти?

Аннет понизила голос.

— У них двое детей. Нет камина и колодезной воды. Что они будут делать? Возможно, мы дойдем до этого момента, но не сейчас. Я надеялась, что ты сможешь просто их предупредить.

— Конечно.

— Что нам нужно, кроме продуктов и туалетной бумаги, так это охранник. Кто-то, кто будет следить за порядком.

Ноа покрутил обручальное кольцо, его беспокойство росло. Прошла всего одна неделя, а у приюта уже явно появились трудности. Люди испытывали все больший стресс. Слова Розамонд «каждый может внести свою лепту» не работали, когда у людей оставались скудные запасы и им нужно было кормить собственных детей.

— Я не могу вам ничего обещать, кроме того, что мы постараемся чаще заходить в приют.

Аннет вздохнула.

— Да, я понимаю.

— Простите, Аннет, — сказал он. — Ладно, покажите мне Джонсонов...

— Шеридан, ты там? — раздалось из рации. — У нас проблема.

Ноа отцепил рацию от пояса и отошел от Аннет и Ли, чтобы уединиться.

— Я здесь, Джулиан. Какая проблема? Что теперь?

— Наши задержанные в здании суда, похоже..., исчезли.

Ноа застыл на месте.

— В смысле?

— Один из наших новобранцев — Ченнинг Харрис — дежурил в здании суда. Он признался, что задремал наверху где-то около пяти вечера. Около семи он проснулся, но не проверял их до восьми, когда пришел сменить помойное ведро. Они пропали.

Ноа напрягся.

— Что?

— Дверь стояла открытой. Он говорит, что ключ лежал на столе, но теперь его нет. Он думает, что они как-то взломали старинный замок. Этой штуке сто тридцать лет.

— Тогда зачем они взяли ключ?

— Откуда я, черт возьми, знаю, Шеридан?

— А с чего вы взяли, что Харрис не выпустил их сам?

— Мы не знаем. Вот почему Рейносо держит его под стражей, пока не выясним, что, черт возьми, только что произошло.

У Ноа заньло внутри.

— Может быть, один из прихвостней Картеров просто прошел мимо его жалкой храпящей задницы, стащил ключ и выпустил их прямо у него под носом.

— Возможно, ты прав. Вот что получается, когда вынужден доверять гражданским лицам такое дерьмо.

Ноа взглянул на часы. Уже восемь тридцать. Они находились на свободе порядка трех часов, а может быть, и больше, в зависимости от того, насколько Харрис был честен в отношении своего сна.

— Проклятье!

— Мы отправимся за ними. На этот раз без обвиняков. К черту шефа Бриггса. Полагаю ты не против.

Ноа направился к входным дверям спортзала.

— Я иду с вами.

— Мы собираемся и направляемся в лагерь Картеров. Конечно, они могут скрываться у своего троюродного брата, Фрэнка Ламберта, на Сандерс-роуд возле Бароды...

— Нет!

Неправильно. Все неправильно. Рэй Шульц не стал бы «укрываться». Не после того, что случилось вчера в кладовой. У них было три часа. Достаточно времени, чтобы добраться до места, собрать оружие и отправиться в путь.

Его кровь заледенела.

— Джулиан, — проговорил он изменившимся голосом, переходя на бег. — Я знаю где они.

Глава 45

Квинн

День седьмой

Квинн крепко схватила Майло за руку и потянула его за собой. Они бесшумно, но быстро двинулись по затемненному коридору.

Комнаты воскресной школы располагались по правую сторону. Вдоль левой стены располагались высокие узкие окна, через которые проникал слабый свет. Генератор использовался только для электроснабжения церкви. Густые тени покрывали все вокруг. Она моргнула, чтобы глаз привыкли к темноте.

Они продолжали двигаться. Эта часть помещения не отапливалась. Холод пробирал до костей. Они оба дрожали.

Миновали комнату для изучения Библии, кладовку уборщика, небольшой туалет — всюду пусто. Квинн открывала каждую дверь, пробиралась внутрь и выжидала, прислушиваясь к звукам и движениям, каждый мускул ее тела находился в напряжении.

Она звала девочек срывающимся, отчаянным шепотом.

— Хлоя? Юнипер?

Никто не отвечал.

Здание церкви имело форму буквы Г. Церковные помещения находились в длинном крыле буквы Г. Кладовая и комнаты для хранения продуктов располагались на противоположной стороне от святилища в коротком крыле.

Она полагала, что Рэй и его дружки сейчас в коротком крыле, но не знала наверняка. Им нужно быть осторожными.

Квинн и Майло крались в темноте. На ковре их шаги отдавались тихо, но в ее ушах они звучали слишком сильно. Она крутила головой, оглядываясь во все стороны в поисках опасности, наполовину ожидая, что нападающий в маске выскочит из тени и схватит ее за горло.

Остановившись у кабинета секретаря, она прислушалась. Ни звука. Ни намека на движение. Она положила левую руку на ручку двери и повернула ее.

Щелчок вышел оглушительным. Дверь открылась.

Квинн шагнула внутрь, разглядывая тенистые формы книжных шкафов, большой деревянный стол, большой копировальный аппарат в углу.

— Юнипер? Хлоя? Это я. Выходите.

Прижав Майло к себе, она обследовала более глубокие тени в углах, по бокам ксерокса, за столом. Вытянув руку, она зашагала вперед, нащупывая путь.

В результате она размазала по столу что-то скользкое и мокрое. Она коснулась мягкого, хлюпающего предмета, который вроде бы должен быть тёплым, но уже остыл, став восковым.

Тело.

Квинн отпрянула, отступив назад так резко, что столкнулась с Майло.

Он споткнулся и ударился головой о копировальный аппарат. Стук эхом отозвался в неестественной тишине.

Нахлынувший адреналин заставил Квинн пригнуться и потянуть Майло за собой. Она приложила палец к губам и замерла.

Теперь их могут обнаружить. Один из нападавших наверняка мог слышать. Они ворвутся с оружием и безумными, полными ненависти глазами за лыжными масками и сделают с ней и Майло то же, что сотворили в церкви.

Они ждали, слыша только стук собственного сердца и неровное дыхание.

Ничего.

Никто не пришел за ними. Никто не выстрелил.

Пока нет.

Она поднялась на ноги, дрожа всем телом, и потянула Майло за собой. Оставив тело на столе, они вернулись в коридор и стали искать следующую дверь.

«Беги, кричал ей мозг. Просто беги».

Но есть сестры Бишоп. Потерянные, напуганные и прячущиеся. Она сама когда-то была такой. Она тоже боялась. Не точь-в-точь. Но очень похоже.

Трусилась и боялась в чулане, зажав уши маленькими ручками, чтобы заглушить крики. Она так боялась выйти, что описалась в семь лет. Или в других случаях, просыпаясь в мертвой тишине трейлера, она с абсолютной уверенностью знала, что осталась одна, что мать бросила ее, чтобы веселиться где-то далеко.

Квинн не станет Октавией. Она не бросит их.

Соседняя дверь вела в кабинет пастора. Он тоже пустовал.

Следующая комната служила чем-то вроде кладовки. Десять на десять. Полки с большими пластиковыми контейнерами. Темные куски и формы, которые она не узнала. Квинн нащупала вешалки с одеждой на плечиках.

Сначала ее мозг не мог понять, что это, но потом она сообразила. Сетка, натянутая на проволоку в форме крыльев. Халаты и длинные хлопковые платья. Накрученные на круглую проволоку губки для чистки труб. Детские костюмы. Ангелы и библейские персонажи для рождественских и пасхальных программ.

Она протиснулась сквозь одежду, ожидая, что коснется стены. Вместо этого она нащупала что-то теплое и мягкое.

Оно с криком отпрянуло от нее.

— Тсс! Это я. Это Квинн, — яростно прошептала она. — Ш-ш-ш.

Девочка затихла. Квинн выпустила руку Майло и помогла выбраться из-за стойки с одеждой. Хлоя Бишоп бросилась к ней и зарылась лицом, залитым слезами, в живот Квинн. Ее маленькое тело сильно дрожало.

В соседней вешалке зашуршала ткань, и Юнипер вылезла наружу. Ее трясло, но глаза оставались сухими.

— Мы слышали громкие хлопки и страшные звуки и спрятались.

— Отличная мысль, — прошептала Квинн.

Майло обнял Юнипер.

— С нами ты в безопасности.

— Что происходит? — Голос Юнипер дрожал, как будто она едва держалась, отчаянно пытаясь быть храброй старшей сестрой.

— Плохие парни стреляют в людей, — ответил Майло.

В поисках подтверждения Юнипер и Хлоя посмотрели на Квинн.

Большинство взрослых лгали детям. Они думали, что те не выдержат или что они защищают их, скрывая правду. Квинн ненавидела, когда ей лгали и опекали. Она бы не стала так поступать с сестрами.

Она едва могла различить их фигуры, не говоря уже о том, чтобы прочитать их лица или выражения.

— Пришли плохие парни. Они причиняют людям боль. Убивают их.

— А мама и папа? — спросила Юнипер.

— Они взрослые. Не время беспокоиться о них. Мы должны беспокоиться о себе.

— Что это за запах? — наморщила нос Хлоя.

Квинн почти забыла о том, что она измазала кровью Майло и себя.

— Кровь, — правдиво ответила она. — Мы в порядке, но другие люди — нет.

— Мы убегаем от плохих парней, — прошептал Майло. — Квинн говорит, что нам нужно убираться отсюда.

— Не бросай нас, — проговорила Юнипер со страхом в голосе. — Я так боюсь.

— Не стану, — пообещала Квинн, и она говорила серьезно. — Мы должны вести себя как можно тише, чтобы суметь выбраться отсюда и добраться до безопасного места, хорошо?

Сестры кивнули.

Рядом с ней застыл Майло. Он сжал ее руку.

Квинн посмотрела на него. Он молча указал на что-то за ее спиной.

Квинн вздрогнула, ее сердце забилось сильнее.

Луч фонарика пробежал по стене напротив комнаты для хранения костюмов. Кто-то приближался.

Глава 46

Квинн

День седьмой

Квинн прижалась к стене в узком пространстве за открытой дверью, втянув живот, повернув голову набок, чтобы стать как можно меньше. Она схватила рогатку, прижатую к боку, заряженную пулькой.

Юнипер и Хлоя снова спрятались за стеллажами с одеждой. Майло присел за штабелем из трех пластиковых корзин в дальнем углу. Мысленно Квинн настоятельно советовала детям: «Сидите тихо. Оставайтесь невидимыми».

Свет вспыхнул ярче. Шаги стали громче. Две пары шагов? Или только одна?

Когда сердце гулко стучит в ушах, трудно определить. Она заставила себя не дышать. Рукоятка рогатки прилипла к ладони, кровь успела засохнуть на коже. Чужая кровь. Кровь мертвецов.

Фигура остановилась в открытом дверном проеме. Луч фонарика осветил комнату.

— Эй, маленькие отродья. Давайте, выходите. Где бы вы ни спрятались.

Квинн напряглась, запаниковав. Она узнала этот скучающий, сиплый голос.

Билли Картер вошел в комнату. Она скорее почувствовала, чем увидела его, оценивая движения по тому, как менялся и становился все ярче свет фонарика. Он стоял где-то слева от нее. Дверь закрывала обзор, кроме узкого клина прямо перед ней.

Одежда на вешалках. Несколько вешалок все еще шевелились. Слегка подрагивая.

От ужаса по жилам побежали мурашки. Квинн крепче сжала рогатку.

Может быть, он не заметит. Может, он просто выйдет и...

Билли направил фонарик на вешалку с костюмами.

— Вот вы где.

Прежде чем она успела что-либо предпринять, он бросился вперед, оказавшись в поле ее зрения, запустил одну руку в костюмы и выдернул Хлою.

Бросил ее, взвизгнувшую и запищавшую, и метнулся к Юнипер.

В мгновение ока обе девочки были вытащены из своих укрытий. Они скорчились на полу, плача и сопя, хныча от ужаса, обхватив друг друга маленькими ручками.

Билли опустил свою полуавтоматическую винтовку на перевязь, чтобы схватить девочек, но теперь она снова находилась у него в руках — готовая стрелять, творить ужасные вещи.

Квинн не помнила, как он положил фонарик, но он лежал на ковре рядом со сложенными пластиковыми контейнерами в углу, а комната озарилась жуткой смесью резкого света и глубоких теней.

Легкие Квинн сжались. Она должна что-то сделать. Что такое рогатка против винтовки? Ничего. Но она точно не собиралась стоять в стороне и смотреть, как он причиняет боль маленьким детям.

Ей нужно несколько секунд, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце, подумать.

«Не высовывайся, — мысленно прошептала она Майло. — Не высовывайся, Мелкий. Несмотря ни на что».

Он не послушал.

Майло выскочил из-за пластиковых контейнеров, его руки сжались в маленькие кулачки, а храброе маленькое личико побелело.

— Не трогай их! Я не позволю тебе их обидеть!

Квинн не готова действовать. У нее еще не было плана. Но сейчас это не имело значения. Она должна их защитить.

Казалось, что все происходит в замедленной съемке.

Билли повернулся к Майло.

Квинн оттолкнулась локтем от двери и подняла рогатку, стальной шар диаметром три восьмых дюйма, направленный в резиновую перевязь, был наготове. Она оттянула ее назад, прицелилась в затылок Билли Картера и выстрелила.

Билли что-то почувствовал и в последнюю секунду крутанулся. Снаряд задел его голову по касательной, но не попал в центр черепа с силой, сокрушающей кости.

Вскрикнув от боли, он уронил винтовку на перевязь и схватился за голову. Кровь просочилась между его пальцев.

— Что за...

Отчаянно пытаясь попасть в него снова, Квинн возилась с рогаткой, судорожно роясь в кармане в поисках новых зарядов, но недостаточно быстро.

Он мгновенно оказался перед ней.

Билли Картер был невысокого роста, как и она, но каждая унция его маленькой фигуры состояла из твердых и жилистых мышц. Он обладал невероятной силой.

Схватив за волосы, он выдернул Квинн, сопротивляющуюся и кричащую, из-за двери. Вытащил ее в центр комнаты рядом с девочками и ударил прикладом винтовки по голове.

Горячая белая молния взорвалась под веками. Ослепительная боль. Ноги подкосились, и

она упала на колени.

— Ах ты маленькая шлюшка! Ты чуть не выбила мне глаз!

Билли нанес жестокий удар ногой по ее руке. Боль пронзила руку, прокатилась по пальцам и ладони. Рогатка полетела через всю комнату. Квинн не видела, куда та упала.

Прежде чем она успела среагировать или пошевелиться, он направил дуло винтовки ей в лицо. Огромная черная дыра заполнила ее затуманенное зрение.

— Не надо! — Майло опрокинул контейнеры для хранения и бросился к ней, встав своим крошечным телом между Квинн и дулом AR-15. — Не делай ей больно!

Билли смотрел на нее. Кровь капала из прорехи в его лыжной маске. Она не могла разглядеть его лица под этой ужасной маской, только черные блестящие глаза. Один глаз смотрел на нее, другой — на что-то другое.

— Вы оба умрете сегодня вечером, малыш, — прорычал он. — Теперь ничто этого не изменит.

Квинн удалось обхватить Майло за талию и оттащить его с линии огня. Он обмяк рядом с ней, вцепившись в руку. Позади нее Хлоя и Юнипер тихо плакали.

Она пыталась мыслить ясно, что-то сообразить, но паника гудела в ее сознании. Она потеряла всякую способность думать. Остался только страх. И боль.

Появился еще один человек. Одетый в черное, как и Билли, но повыше и стройнее. Черная лыжная маска. AR-15 в руках. Он весь дрожал, дергался.

Заметив их, человек остановился. Повернув голову, он увидел маленьких девочек, прижавшихся друг к другу и рыдавших. Квинн стояла на коленях вместе с Майло перед человеком с винтовкой.

Билли в раздражении выругался и сплюнул на пол.

— Я знаю, что ты питаешь слабость к детям. Тебе лучше развернуться и уйти прямо сейчас.

— Не к детям. — Человек указал на Квинн. — Только к этой девчонке.

Время замедлилось. В ушах Квинн зазвенело. Волна потрясения прошла сквозь нее, до самой глубины души.

Октавия. Ее мать здесь.

Глава 47

Квинн

День седьмой

Квинн в ужасе уставилась на свою мать.

Октавия Райли причастна к случившемуся. К этому ужасу. Всем этим убийствам и бойне.

Рэй всегда походил на акулу, и Октавия никогда не сомневалась в его жестокости и не сдерживала свою собственную жестокость. Но это?

Квинн чувствовала себя так, будто ее только что ударили кувалдой в грудь.

— Как ты посмела? — спросила Квинн. — Как только ты могла это сделать?

— Заткнись! — рыкнула Октавия, даже не потрудившись посмотреть на нее.

Октавия нервно переминалась с ноги на ногу, ее движения казались дергаными и неистовыми. Она была на взводе, как коршун. Квинн не обязательно видеть ее бледное лицо, чтобы понять. Это чувствовалось в ее дергающихся конечностях, в ее хриплом, лихорадочном голосе.

— Твое отродье чуть не убило меня, — процедил Билли, жестом указывая на Квинн. — Какого черта она здесь делает?

— Будь я проклята, если знаю. Я не ее сторож.

— Ты знаешь, что сказал бы Рэй. И Томми. — Голос Билли звучал низко, предостерегающе. — Они же предупредили, никаких свидетелей.

Октавия не двигалась. Квинн слышала ее учащенное дыхание, чувствовала запах кислого пота, исходящий от нее.

— С ней не будет проблем, — наконец проговорила Октавия. — Я велю ей, и она никому ничего не скажет.

Квинн прикусила язык. Горячее медное тепло залило ее рот. Она редко делала то, что говорила ей Октавия, но сейчас не время сообщать об этом.

— Если она проболтается, вы обе умрете.

— Я не дура. Я знаю.

Билли не двигался, не сводя с Квинн своего пристального взгляда.

— Я хочу прикончить ее за то, что она сделала с моей головой!

— Она моя кровь. — Октавия почесала шею под лыжной маской. — Я буду у тебя в долгу.

Похотливым взглядом Билли прошелся по телу Октавии. Он кивнул, казалось, удовлетворенный.

— Да, будешь.

Он перевел взгляд с Квинн на Майло.

— НЕТ! — Квинн вскочила на ноги. — Не трогай его, или я убью тебя!

— Возможно, ты не захочешь убивать и этого, — заметила Октавия. — Это сын Шеридана. Полицейского. Он может пригодиться.

— Он чертова обуза. Как и все они.

— Так убей его позже, — предложила Октавия так легко, как будто обсуждала что приготовить на обед. — Рэй требует девчонок. Вот почему я пришла, чтобы помочь тебе. Ты слишком задержался.

— Не смей их забирать! — закричала Квинн. — Вы не можете их забрать!

Юнипер издала ужасный вопль. Хлоя тихо хныкала.

Октавия игнорировала их.

— Ты теряешь время.

— Никаких свидетелей, — сказал Билли. — Таков уговор.

Его глаза сузились. Он переместил палец на спусковой крючок, собираясь застрелить Майло.

Квинн отключилась от боли, пульсирующей в черепе. Мир исчез — подсобка, ее мать, одетая в черное, рыдающие девочки и Майло, вздрагивающий рядом с ней, злобные глаза Билли, ствол винтовки.

Она толкнула Майло на пол. Почти тем же движением, на одном дыхании, бросилась на Билли. Накинулась на него с диким, исступленным криком, руки вытянуты, пальцы как когти.

— Нет! — закричал Майло. — Квинн!

Ствол винтовки ударился о ее грудь и отлетел в сторону. Оружие не выстрелило. Она царапала лицо Билли, целясь в глаза, ногтями обдирая ткань лыжной маски. Ногти глубоко вонзились в плоть над его носом и левой щекой.

Билли издал удивленный возглас. Он зашатался и упал назад. Под действием импульса Квинн упала на него, винтовка оказался между ними, но она не могла ее достать.

Она не думала. В ней бурлила животная ярость. Она вцепилась в него, рвала, раздирая пальцами лицо. Дурацкая лыжная маска не давала ей причинить достаточный ущерб. Квинн зарычала в возмущенном, отчаянном гневе.

Билли выгнулся под ней, схватил за плечи и сбросил с себя. Она тяжело упала на спину. Боль пронеслась вверх и вниз по позвоночнику. Он перекатился на нее, поставил колено на грудь и сильно ударил по лицу.

Мучительная боль пронзила скулы до самого мозга. Перед глазами замелькали белые пятна, горячая кровь хлынула по губам и подбородку. Квинн повернула голову и захлебнулась кровью и слизью, попавшей через нос в горло.

Маслянистые черные глаза Билли сверкнули, когда он навис над ней. Он схватил автомат, все еще висевший на перевязи через плечо, и прижал ствол к ее лбу.

— Сейчас ты умрешь, маленькая...

— Ты хочешь золото или нет, Билли? — Октавия подошла к девочкам. Она опустила винтовку на перевязь, схватила самую маленькую — Хлою — и подхватила девочку под одну руку. — Бишоп молчит. Даже когда Томми занимается его женой. Рэю нужны девчонки, и они нужны ему сейчас.

— Хочешь, я расскажу ему, как ты тут бездельничал? Как думаешь, сколько времени осталось до появления копов? У нас все меньше и меньше шансов. Запри их. Давай сделаем дело, а потом вернемся за ними. Этот парень может стать нашим билетом, если дела пойдут плохо. Ты умный, Билли. Давай. Прекрати сходить с ума и все обдумай.

Билли выругался. Он опустил дуло со лба Квинн и слез с нее.

Квинн едва почувствовала облегчение. Темнота застилала ей глаза. Она лежала на спине, не в силах пошевелиться, кровь была у нее во рту, на лице, стекала по горлу.

— Тогда присмотри за ними, — сказал Билли Октавии.

— Как скажешь. Просто иди.

Он выхватил Хлою из рук Октавии.

— Я серьезно.

Квинн попыталась сесть, чтобы подобраться к ней, но тошнота заставила ее снова опуститься. Ее череп словно раскололи надвое топором. Она сплюнула на ковер капли крови и мокроты.

— Не трогай меня! — кричала Хлоя и бесполезно била своими маленькими кулачками по его лицу и плечам. Билли делал вид, что не чувствует этого, как будто она не более чем раздражающая мошка.

Он посмотрел на Юнипер.

— Ты тоже пойдешь со мной. Если попытаешься убежать или сделать что-то еще, кроме того, что тебе скажу, я сверну шею твоей сестре голыми руками. Мне нужна только одна из вас. Понятно?

Юнипер уставилась на него, глаза пустые, лицо осунулось. У нее был шок. Ее разум отключился, чтобы защитить себя.

— Стойте! — закричал Майло. — Не забирайте ее!

— Беги, Юнипер! — крикнула Квинн. Звук собственного голоса ударил в ее пульсирующую голову. — Не слушай его! Беги и прячься!

Но Юнипер не убежала. Она послушно шла рядом с Билли, ее движения стали жесткими

и скованными, как у робота.

Билли повернулся и вышел из комнаты. Юнипер молча последовала за ним.

— Квинн! — Хлоя плакала. — Помоги! Квинн!

Ее ужасные крики эхом разносились по коридору и врезались в мозг Квинн.

И вот так они ушли.

Глава 48

Квинн

День седьмой

Октавия взмахнула стволом AR-15.

— Парень, иди вон туда, к стене со всей одеждой. Сядь, скрестив ноги и сложив руки на коленях так, чтобы я их видела. Квинн, уходи. Ты должна выбраться отсюда.

Квинн не послушалась. Не послушался и Майло.

Она моргнула, пока зрение не прояснилось, и неуверенно поднялась на ноги. Головокружение пронзило ее, но она устояла на ногах.

Квинн встала в центре комнаты, Майло рядом с ней, и посмотрела в лицо матери.

— Как ты могла позволить ему забрать их! Ты знаешь, что он сделает!

— Сейчас это тебя не касается. Ты должна думать о себе, малышка. Какого черта ты вообще здесь оказалась?

— Не называй меня так. Не смей меня так называть. — Квинн подалась вперед. Ее дыхание было неглубоким, с гортанными хрипами. Голова раскалывалась с каждым шагом. — Мы должны остановить его. Мы должны спасти девочек...

Октавия подняла винтовку и снова направила ее на нее.

— Нет.

Квинн остановилась.

— Что ты делаешь?

— Они не мы! Они совсем не похожи на нас. Они те, кто осуждал нас, отвернулся от нас. О, девочка, я провела всю свою жизнь, подвергаясь осуждению и презрению со стороны этих людей. Они ненавидели тебя так же, как ненавидели меня. Ты знаешь, что я права. Они получают по заслугам. Они получают именно то, что заслужили.

И вот оно. Холодное безразличие. Пренебрежение к жизни. Обычный, пренебрежительный эгоизм ее матери. То, как воспринимаемое ею плохое обращение оправдывало все и вся.

Горячая ненависть вспыхнула внутри Квинн.

— Отойди.

Октавия стянула лыжную маску с лица. Ее кожа приобрела пепельный оттенок, а взгляд стал беспокойным.

— Забудь о них. Они ушли. В опасности только ты. Я попросила Билли уйти, чтобы ты могла выбраться отсюда. Ты должна уходить, дорогая.

— Отойди с дороги!

Лицо Октавии побледнело.

— Я пытаюсь помочь тебе!

— Помочь? По-твоему, ты это делаешь?

— Ты должна уходить. Между нами и выходом никого нет. Я спасла тебе жизнь, малышка. — Выражение ее лица ожесточилось. — И подставила под удар свою задницу,

чтобы сделать это. Небольшая благодарность не помешает.

Гнев захлестнул Квинн, побеждая страх и боль. Она едва могла сдерживать свой голос.

— Ты убила всех этих людей!

— Я не нажимала на курок, — просипела Октавия. Ее глаза затуманились, стали отрешенными. — Я ничего не сделала.

— Ты все равно виновата! Ты так же виновна!

— Виновна в чем? Мы хотим только то, что нам причитается. Вот и все.

— Ты видела зал церкви? Видела, что они сделали?

— Я ничего не видела. — Октавия покачала головой, резко вскинув подбородок. — Это не мое дело. Рэй сделал то, что должен был сделать. Он не слабак, как большинство мужчин.

Именно этим Октавия и занималась всегда. Врала и манипулировала правдой, чтобы соответствовать своим желаниям. Отмахивалась от реальности, если она ей не нравилась — или она не хотела признаваться в этом кому-то другому.

Она не хотела знать. И поэтому не знала.

Квинн слизнула кровь с губ и сплюнула на ковер. Тыльной стороной ладони вытерла лицо и сделала шаг вперед. С нее хватит. Пора покончить с этой женщиной, которая внесла свой вклад в ее ДНК, но не более того.

— Дай нам пройти, ты, пустая трата кислорода.

Октавия подняла винтовку.

— Эти девчонки больше не твое дело. Теперь тебе надо думать о Билли Картере. Этот человек никогда не оставляет обид. Никогда. Я знаю его. Он передумает. Как только выполнит то, что хочет Рэй, он вернется сюда. И не с мыслью о прощении.

— Я не боюсь его.

Но Квинн боялась. Она точно знала, на что способен Билли. Она видела это воочию. Она нахмурилась, чтобы мать не увидела ее страха.

— Вот это зря, малышка. — Бескровные губы Октавии сжались. — А теперь отойди или ты вынудишь меня сделать то, чего я не хочу.

— Ты не выстрелишь в меня. У тебя не хватит смелости.

— Не в тебя. — Октавия передвинулась и поправила винтовку в своих трясущихся, судорожных руках. Дуло нацелилось не на Квинн. Оно было направлено на Майло.

Сердце Квинн превратилось в лед.

— Октавия...

— Я не буду стрелять в тебя. Я никогда не смогу выстрелить в тебя, малышка. Но я выстрелю в мальчишку. Прямо в ногу.

Майло прижался к боку Квинн, дрожа как лист, но все еще храбрый, такой храбрый.

— Мой папа придет за тобой! Он не позволит тебе обижать нас!

Октавия фыркнула.

— Парню не обязательно оставаться целым, чтобы обеспечить нашу защиту. Он — заложник, чтобы обеспечить нам выход из этого места живыми. Видишь, это я думаю о таких вещах. Я. Рэй никогда не продумывает все наперед. Он не слишком умный. А я — да.

Квинн напряглась.

— Майло пойдет со мной.

— Черта с два. Он — моя страховка. Отойди, мальчик. Останешься там, где ты есть.

— Я никуда с тобой не пойду! — воскликнул Майло.

— Они убьют его, — сказала Квинн.

— Нет, не убьют. — Октавия усмехнулась, обнажив пожелтевшие зубы, ее лицо напоминало скелет и выглядело мрачным в жутком свете фонаря. — Тебе не нужно беспокоиться о нем, малышка. Речь только о нас. Ты и я.

Октавия заблуждалась. Да она не думала сама убивать Майло. Квинн верила в это. Чувствовала сердцем.

Но Октавия Райли плевать хотела на всех, кроме себя. И так было всегда.

Гулкий треск эхом разнесся по коридору.

Приглушенный и далекий. Выстрел.

Квинн и Октавия вздрогнули.

Майло испуганно всхлипнул.

— Что это?

Но они знали. Они все знали.

За первым выстрелом последовали еще четыре. Затем тишина.

Аттикус и Дафна Бишоп. Юнипер и Хлоя.

Квинн почувствовала, что разбивается на осколки. Разрывается на части. Угрожая разлететься на тысячи кусочков.

Нет, нет, нет! Этого не происходит. Не может быть. Это сон. Ужасный кошмар, от которого она все еще может проснуться.

Какие бы границы ни существовали для здравомыслия, она оказалась за ними, за пределами того, что может вынести нормальный человек.

Но она не могла упасть в пучину страха и отчаяния. Она должна продолжать двигаться, продолжать бороться.

Ни за что на свете она не умрет здесь сегодня. Ни она. Ни Майло.

Ярость вспыхнула в ней, как лесной пожар. Она позволила ей сжечь себя, позволила ей уничтожить все.

Со свирепым воплем Квинн бросилась вперед и схватилась за ствол винтовки.

Октавия зарычала и дернулась назад. Ремень все еще был перекинут через ее плечо. На ее лице промелькнула неуверенность.

— Что ты делаешь, малышка?

Квинн не потрудилась ответить. Она дернула винтовку.

Она всегда была сильной, ее мышцы окрепли от лазанья по деревьям, разгребания подъездной дороги и помощи дедушке в колке дров. Наркотики, бурлящие в организме Октавии, придавали ей силы тоже.

Они боролись за оружие в тихой, неистовой схватке. Каждая хваталась за винтовку, пальцами цепляясь за ствол, рукоятку, магазин и приклад.

Ничего не получалось. Драгоценные секунды уходили. Каждая прошедшая секунда приближала Билли Картера к этой комнате, приближала к убийству ее и Майло.

Билли не станет колебаться. Квинн тоже не стала.

Она напрягла мышцы, пригнулась и изо всех сил ударила мать коленом в живот. Слепая паника подстегивала ее.

Октавия рухнула на пол, задыхаясь от резкого вздоха. Она выпустила винтовку.

Квинн стянула лямку с плеча матери и освободила оружие. Затем она вырвала его из рук Октавии. Размахивая ею, как битой, она ударила мать по голове.

Октавия упала назад, шок и осознание предательства отразились на ее лице на долю секунды. Ее тело упало, как марионетка, у которой перерезали ниточки. Она не шевелилась.

Квинн не сожалела. Она не чувствовала вины. Может быть, позже. Она не могла ни о чем думать, не могла позволить реальности заполнить душу, иначе она ее раздавит.

Единственное, что она сейчас чувствовала, это страх и яростное, первобытное желание выжить.

Кровь скапливалась в горле с каждым глотком. Она липла к ее лицу, волосам. Голова пульсировала, нос казался сломанным. Адреналин помог ей встать на ноги.

Майло оказался рядом с ней. Он смотрел на нее, а не на обмякшую Октавию.

— Ты в порядке?

— Мы в порядке. — Квинн держала большое, громоздкое оружие так, как бабушка учил ее стрелять из 22-го калибра, упираясь прикладом в плечо, как это делали безумцы, когда несли смерть и разрушение в святилище.

Она направила винтовку прямо вперед, держа палец на спусковой скобе, но готовая выстрелить в любую угрозу, которая встанет между ней и Майло, и их спасением.

— Пошли, Мелкий. — Квинн перешагнула через потерявшую сознание мать. — Нам нужно спешить.

Глава 49

Ноа

День седьмой

Пригнувшись, Ноа пробирался к заднему входу церкви Кроссвей, его оружие наготове, мышцы напряжены, все чувства на взводе.

Холодный воздух был жестким и колючим. Ветер не шевелил деревья. Их ботинки глухо хрустели по плотному снегу. Где-то неподалеку ухала сова.

Он напрягся, чтобы прислушаться, но снег, казалось, поглощал все звуки в себя. Широкая, бескрайняя тьма захватила весь свет и цвет.

Ночь выдалась абсолютно черной. Никаких огней из города. Ни красных полос от самолетов над головой. Ни уличных фонарей. Ни теплого света из окон соседних домов. Только узкие лучи их тактических фонариков пронзали темноту.

Холод проникал прямо сквозь куртку, выданную ему в отделении. Он обжигал легкие при каждом вдохе, обжигал каждый сантиметр его открытой кожи. Он шокировал своей жестокостью. Холод превратился в жестокого хищника, лишаящего их энергии и сил, но не решимости.

Джулиан и еще два офицера стояли по бокам от него — Орен Труитт и Клинт Молл. Один из офицеров, работавших по совместительству, Саманта Перес, держалась позади и прикрывала их четверку.

Шеф Бриггс, Хейс и их команда приближались к церкви спереди, а Рейносо и третья команда из трех офицеров-добровольцев отправились к запасному выходу с западной стороны.

Все офицеры облачились в стандартные бронежилеты, включая баллистические. На бедрах у них были пристегнуты выданные департаментом пистолеты «Глок», а в руках — ружья «Ремингтон 870» 12-го калибра с тактическими фонарями, закрепленными на стволах.

Обычно в группу реагирования входят помощники окружных прокуроров и офицеры из различных муниципалитетов округа. Но сегодня их насчитывалось всего тринадцать человек против стольких же хорошо вооруженных, невменяемых маньяков, скрывавшихся внутри.

Никакого подкрепления. Нет вертолетов, чтобы вызвать поддержку с воздуха. Ни спецназа. Ни соседних участков, чтобы вызвать дополнительную поддержку. У них даже не осталось диспетчера.

Они оказались полностью предоставлены сами себе.

Желудок Ноа все сильнее сжимался от страха и ужаса. В церкви находились десятки невинных людей. Один из его самых дорогих друзей, его прекрасная жена и дочери.

И собственный сын Ноа.

Вся жизнь и смысл Ноа заперты в этих каменных стенах. Его пульс гулко отдавался в ушах, во рту пересохло. Что там происходило? Все ли в порядке с Майло? В безопасности ли он?

Или они уже опоздали?

Ноа не мог позволить себе думать об этом. Не мог позволить себе думать ни о чем, кроме предстоящей миссии. Он служил закону. Его работа заключалась в спасении людей.

Шепот сомнения пробрался сквозь него. Кем он себя возомнил? Он не супергерой. Он простой полицейский из маленького городка. Обычная проверка на дорогах. Вождение в нетрезвом виде, штрафы, ссоры между соседями.

За шесть лет работы в полиции он мог по пальцам одной руки пересчитать количество случаев, когда ему приходилось доставать табельное оружие. Один из таких случаев произошел здесь, на этой парковке, всего два дня назад.

Он не был готов к этому. Совсем не готов.

Но у него не осталось выбора.

Когда все поставлено на карту, он обязан сделать шаг вперед. Должен выполнить свою работу.

Ради Майло. Все было бы ничего, если бы не Майло.

Они обогнули пустую парковку и двинулись к заднему выходу. Крадущиеся тени, пробирающиеся сквозь темноту, оружие наготове, дыхание вылетает беззвучными клубами.

Ноа не сводил взгляд с задней двери. Джулиан взламывает ее, а Ноа, Труитт и Молл бросятся внутрь и будут охранять территорию. Хейс одновременно нанесет удар со своей командой с противоположной стороны.

Когда до входа оставалось десять ярдов, задняя дверь распахнулась.

Адреналин ударил в сердце. Ноа поднял оружие. Джулиан сделал то же самое

В дверной проем протиснулась фигура. С винтовкой AR-15 в руках

— Стоять! — крикнул Ноа. Его тело дрожало от напряжения, тревога скручивала его внутренности. Палец зудел на спусковом крючке, готовый к действию.

— На колени! — скомандовал Джулиан. — Руки за голову! ЖИВО!

Сердце Ноа забилося, когда он двинулся вперед, нацелив «Ремингтон» на подозреваемого.

— На землю!

Подозреваемый упал на колени и рывком поднял руки вверх. Винтовка упала в снег. Фигура была вся в крови. Залитая ею.

Движение позади первого подозреваемого.

Нервы натянулись, палец Ноа дернулся на спусковом крючке.

Он почти выстрелил. Почти.

Вторая фигура появилась рядом с первой. Меньше, ребенок.

— Не стрелять! — крикнул Ноа.

Черные кудрявые волосы окрасились в буро-красный цвет. Лицо покрыто красными пятнами, видны только белки глаз. Огромные расширенные зрачки сужаются в резких лучах фонаря.

Мозг Ноа обрабатывал информацию медленно и с трудом. Дыхание перехватило в горле. Легкие сжались. Ствол его ружья опустился на дюйм.

— Майло?

— Папа!

Ноа не думал. Он только отреагировал. Выронил свое оружие, упал на колени в снег и широко раскинул руки. Его сын пробежал через заснеженную парковку и врезался в него.

Ноа обхватил Майло руками, наслаждаясь его теплом, его жизнью, его сердце переполняли радость и облегчение

— Отставить! — крикнул Джулиан. — У нас двое гражданских. Повторяю, двое гражданских несовершеннолетних. Не стрелять!

Саманта Перес быстро говорила по рации, связываясь с командами Бриггса и Рейносо и передавая информацию. Остальные офицеры стояли на страже, держа оружие наготове.

Ноа не слышал ни слова из того, что она говорила. Все его внимание сосредоточилось на сыне.

Он заставил себя отодвинуть Майло на расстояние вытянутой руки и осмотреть его. От него исходило медное зловоние крови и смерти.

Сердце Ноа заколотилось. В груди стало слишком тесно. Он не мог дышать. Его ребенок стоял прямо перед ним, но крови было так много. Слишком много.

Майло ранен, возможно, смертельно.

Отчаяние зародилось внутри Ноа. Он опоздал. Слишком поздно, чтобы спасти сына. Он провалил свою самую важную работу — защитить своего ребенка.

— Покажи мне свои раны, — выдавил он. — Где ты ранен?

— Я в порядке, — с дрожью в голосе ответил Майло. — Папа, я в порядке.

— Тогда откуда кровь?

— Это не его, — произнес молодой женский голос.

Ноа вскинул голову. Квинн Райли все еще стояла на коленях на снегу в нескольких ярдах от него, подняв руки вверх, пока Молл обыскивал ее, а Перес конфисковал винтовку AR-15.

Ноа даже не узнал ее. Синие волосы прилипли к черепу, черная подводка для глаз размазалась по окровавленным щекам. Ее одежда выглядела так, будто кто-то окунул ее в малиновую краску.

— Это я сделала, — сказала Квинн. — Я вымазала нас в крови. Чтобы притвориться мертвыми. И остаться в живых.

Внутренности Ноа превратились в лед. Его охватил холод, не имеющий ничего общего с температурой.

— Чья кровь?

— Людей. Людей в церкви.

— Сколько погибших?

Она уставилась на него потухшими глазами.

— Все.

Глава 50

Ноа

День седьмой

Пошатываясь, Ноа поднялся на ноги. Тошнота подтачивала его внутренности. Он едва не захлебнулся.

Все эти люди, что находились с Бишопом в церкви. Семьи. Дети. Как они все могли умереть? Это казалось нереальным. Он не хотел, чтобы все это стало реальностью.

— Кто это сделал? — Он уже знал ответ, но все равно должен был спросить. — Ты видела?

— Они были в лыжных масках. Но я узнала их голоса. — Квинн резко вдохнула, пошатнувшись. — Рэй Шульц и его головорезы. Билли Картер и его братья. И моя мать. У них автоматическое оружие.

— Сколько? — резко спросил Джулиан. — Сколько всего нападавших?

— Пять или шесть, судя по тому, что я видела.

— Ты уверена?

Квинн сглотнула.

— Моя... Октавия... без сознания. Или была.

— Она пыталась навредить нам, но Квинн ей не позволила, — сказал Майло.

Ноа обнял его.

— А что насчет Бишопы? Его семья?

— Рэй и Томми забрали их в продовольственную кладовую, кажется. Я-я не знаю, мерт... — Голос Квинн сорвался.

Она не могла произнести эти слова вслух. Никто из них не мог.

— Мы должны войти туда, — заявил Джулиан. — Сейчас же.

Ноа резко кивнул. Он хотел только одного — крепко обнять сына и никогда не отпускать. Но он не мог этого сделать. Пока не мог.

Это еще не конец. До конца было еще далеко.

— Шеридан, прием, — вызвал Хейс по рации. — Мы засекли шестерых подозреваемых, скрывающихся в северном направлении по Элм Вэлли-роуд на снегоходах. Они сбежали до того, как мы смогли перекрыть периметр.

— Мы преследуем их, — сообщил Рейносо по рации.

Ноа схватил рацию свободной рукой.

— Принято. Мы с Синклером проверим церковь.

Пока Джулиан передавал по рации новую информацию командам Бриггса и Рейносо, Ноа осмотрел детей.

Оба сильно дрожали. Они не одеты для лютого холода, и их влажная от крови одежда делала их более восприимчивыми к переохлаждению.

Они напуганы, их зрачки расширены. Они нуждались в тепле, жидкости и медицинской помощи как можно скорее.

Ноа пощупал лоб Майло, проверил пульс. Кожа была холодная, но не липкая, пульс быстрый, но ровный.

— У тебя кружится голова или есть слабость? Чувствуешь усталость? Живот не болит?

Майло прикусил нижнюю губу и покачал головой.

— Хорошо. Очень хорошо. — Ноа поднял его, крепко обнял и попытался передать в руки Орена Труитта. — Отведи его в безопасное место. Он не должен оставаться здесь в таком состоянии.

Майло прижался к нему, схватившись за шею.

— Папа! Не уходи!

— Я скоро вернусь. — Голос Ноа надломился. — Я вернусь, обещаю. Я должен помочь Бишопу. Мне нужно помочь Юнипер и Хлое. Хорошо? Теперь ты в безопасности, сынок. Я обещаю.

Скрепя сердце Ноа силой усадил сына, все еще тянущегося к нему, на руки Труитта. Лицо Труитта побледнело, но он продолжал держать Майло, пытаясь погладить его по спине.

— Все хорошо, малыш.

— Нет! — Майло закричал. Слезы текли по его лицу. Они оставляли четкие следы на крови. Он протянул руки к отцу. — Не уходи! Не оставляй меня! Папа!

Никогда Ноа не видел его таким безутешным. Даже после исчезновения Ханны. Отчаянные крики сына разбивали сердце Ноа на тысячи кусочков.

Майло проявил столько силы и храбрости, спасаясь из церкви, и теперь, когда он наконец-то был в безопасности, его маленькое восьмилетнее тело больше не могло держать себя в руках.

Еще никогда в жизни Ноа не чувствовал себя таким растерянным. Он жаждал быть рядом со своим ребенком, который только что пережил ужас, который Ноа не мог себе и представить. Но при этом он понимал, что его навыки крайне необходимы, чтобы справиться со смертельно опасной ситуацией.

Майло в безопасности Бишоп — нет.

Это его работа. Он должен её выполнить.

Он проглотил комок в горле и повернулся к Труитту.

— Отвези их к Розамонд Синклер. Майло знает ее. Суперинтендент сообразит, что делать. Потом найди медбрата, Шена Ли. И бабушку Квинн нужно известить как можно скорее.

— Понял, — сказал Труитт.

— Папа! — Майло заплакал, в его голосе слышалось отчаяние.

Квинн встала между ними. Она протянула руки.

— Мелкий. Я здесь. Я пойду с тобой.

Майло практически бросился к ней. Труитт отпустил его. Майло вцепился в нее, как обезьяна.

Она обнимала его так же крепко, как он ее.

— Машина припаркована за банком через дорогу, — сказал Труитт. — Там быстро станет тепло, и у нас есть аптечка и несколько одеял для экстренных случаев.

Квинн повернулась и пошла за ним.

Ноа коснулся ее плеча.

— Квинн. То, что ты сделала для Майло... — Его грудь сдавило. Слезы навернулись на глаза. Он не мог произнести эти слова вслух. Они застряли у него в горле, как камни.

Она спасла жизнь Майло. Рисковала своей собственной жизнью, чтобы защитить его сына. Он обязан ей всем.

Она посмотрела на него, ее лицо выражало горечь и сожаление.

— Я не спасла девочек. Я не смогла их спасти.

У Ноа пересохло во рту.

— Ты сделала все, что было в твоих силах.

Лицо Квинн ожесточилось. Она выглядела как дикая королева викингов, только что

вернувшаяся с поля боя. Как будто только что прошла через сам ад, чтобы вывести Майло с другой стороны.

— Просто поймай тех тварей, что это сделали, — сказала она. — Обещай мне.

Ноа пообещал:

— Мы их обязательно поймаем.

Глава 51

Ноа

День седьмой

Церковь Кроссвей превратилась в кровавую бойню. Ноа никогда не видел ничего подобного.

Это место походило на поле битвы. Но это не Сирия или Ирак. Это США. Это сельская местность на юго-западе Мичигана.

Слов не было. Не существовало человеческого языка, чтобы передать ужасы, обрушившиеся на него. В церкви царила полная тишина. Здесь воняло смертью. Кровью и трупами, телесными жидкостями, газами и человеческими экскрементами.

Телами, которые его разум не желал и не мог описать.

Ноа и Джулиан прокладывали себе путь через бойню, держа оружие наготове, медленно поводя тактическими фонариками туда-сюда, их желудки сводило, они оба испытывали сильнейшее потрясение.

Они знали этих людей. Махали им в ресторанах или на заправке, болтали на пятничных футбольных матчах и в парикмахерской. Тренировали их детей в Малой лиге. Останавливали их для оформления штрафов.

Слезы текли по лицу Ноа. Он едва осознавал, что плачет.

Лицо Джулиана исказилось от гнева. Его глаза покраснели и увлажнились.

Нет ничего постыдного в их слезах. Только чувство отчаяния.

— Лучше бы они позволили помочь им! — проговорил Джулиан, в его голосе звучали страдание и ярость. — Этого никогда бы не случилось, если бы мы были здесь!

Собственное чувство вины обрушилось на Ноа, удушающее и гнетущее.

— Мы не могли знать, что ситуация обострится до такой степени. Мы не знали.

Джулиан не ответил.

Они продолжали двигаться, мысленно фиксируя разрушения, словно это всего лишь очередное дело, очередная работа. Это единственное, что не давало им обоим развалиться на части.

Верхний свет был разбит. Витражные окна тоже, покрывала, закрывавшие их, изрешечены пулевыми отверстиями. Еще больше дыр зияло в гипсокартоне, скамьях, органе и кафедре. Тут и там тихо светились несколько опрокинутых фонарей.

Они уже обследовали все помещения вдоль длинного Г-образного крыла церкви. Они нашли секретаршу, лежащую на столе в луже застывшей крови. Обнаружили костюмерную с брызгами крови, которые рассказывали о жестокой истории, которую они еще не понимали.

Если здесь Квинн и оставила свою мать без сознания, то теперь ее уже не было. Рэй, должно быть, нашел ее и забрал с собой, когда они сбежали.

Пройдя длинное Г-образное крыло и святилище, они быстрым шагом направились в фойе. Они вернутся позже, чтобы описать преступления, совершенные над каждой бедной душой, провести расследование, позаботиться о мертвых и отдать дань уважения, оплакать

их.

Жертвам уже никто не мог помочь. Но если в этом аду кто-то еще жив, Ноа и Джулиан его найдут.

Ни мужчины, ни женщины в масках не выскочили с оружием наперевес. Ни один выживший не выскочил из укрытия. Только новые тела. Еще больше трупов.

Пара пистолетов валялись рядом с несколькими мужчинами и женщинами. Они, видимо, пытались отбиться, но нападавшие их одолели.

В коротком Г-крыле еще несколько тел лежали в коридоре или в зале общения, где они упали — большинство из них получили пули в спину, когда бежали от расправы.

Ноа узнал нескольких добровольцев: Джеймс МакДилл. Сандра Перкинс. Ральф Хендерсон-Смит и его жена Лорен. Учителя. Банковские кассиры. Менеджеры ресторанов. Матери и отцы. Сестры и братья, тети и дяди, друзья и наставники.

Это было бессмысленно. Непостижимо. Невозможно найти причину, которая могла бы объяснить такое зверство. То, что люди делали друг с другом. Зло, которое человечество способно причинить.

Кому нужно верить в дьявола, если люди и так достаточно злы?

Волна грубых, отвратительных эмоций обрушилась на него. Его горло сжалось. Ноги превратились в желе. Ноа привалился к стене рядом с большой фотографией в рамке, на которой прихожане Кроссвей выстроились в весенних платьях и костюмах возле церкви, улыбающиеся и счастливые.

Он согнулся, уперся предплечьями в бедра, сжимая дрожащими пальцами ружье и задыхаясь от нехватки воздуха. Его мутило от головокружения. В голове мелькали образы мертвых, один за другим, один за другим...

Джулиан встал рядом с ним, держа оружие наготове, готовый к опасности.

— Не сорвись, брат. Не здесь. Не сейчас.

— Майло... — Ноа выдавил из себя. — Он был здесь. .

— А теперь его здесь нет. — Черты лица Джулиана казались призрачными в тусклом свете. Его рот превратился в тонкую линию, глаза налились кровью и смотрели с тревогой. — Он выбрался. Он не один из них. Помни об этом.

— Я стараюсь.

— Держи себя в руках и делай свою работу. Делай свою чертову работу.

Ноа почувствовал, что Джулиан обращается не только к нему, но и к себе. Его плечи напряглись, шея затвердела. На лбу пульсировала вена.

Мысленно он затолкал все это вглубь — ужас и отвращение, страх и тревогу. Он знал, как это делать. Знал, как держать все чувства, слишком темные и болезненные для анализа, где-то в глубине, где не нужно их ощущать или думать о них.

Так он прожил последние пять лет без Ханны.

Ноа удалось кивнуть. Кто-то должен продолжать, кто-то должен исправить ситуацию. И этим кем-то должен стать он. Он и Джулиан.

— Ты прав.

— Мы — копы. Хорошие парни. Мы прижмем этих отморожков к стенке.

— Джулиан... — Момент неподходящий. Но здесь, в окружении всех этих смертей, он должен спросить. — Мы с тобой по-прежнему друзья? Ты и я?

Джулиан взглянул на него. Его глаза смягчились.

— Ты не сможешь потерять меня, даже если захочешь. Это ты и я. Так было всегда. Я

прикрою тебя, Шеридан.

Ноа оттолкнулся от стены и заставил свои ноги выпрямиться. Он поправил рукоятку «Ремингтона», его руки вспотели, несмотря на прохладный воздух в церкви.

— Ты в порядке? — спросил Джулиан.

Он кивнул.

— Да.

Он совсем не в порядке. Далеко не так. Ничто из этого нельзя назвать порядком.

Но он встал на ноги. Этого должно быть достаточно.

Все чувства пришли в состояние повышенной готовности, Ноа последовал за Джулианом из зала общения по последнему коридору. Только четыре комнаты оставались не зачищенными. Три подсобки и главная кладовая для продуктов.

Четыре комнаты, где предстоит узнать судьбу его друга.

Они держали оружие наготове, постоянно мечась туда-сюда, тени вздрагивали и дрожали, тьма сгущалась прямо вне досягаемости лучей их фонариков.

Ужас был вполне осязаем. Живое, дышащее существо, притаившееся позади него, рыскало прямо за ним, его прогорклое жадное дыхание обжигало шею Ноа.

Он вздрогнул. Ощущение не рассеялось. Более того, оно усилилось.

Его внимание привлек какой-то шорох.

Ноа и Джулиан замерли.

Мягкий шорох ботинок по кафелю. Он доносился откуда-то спереди.

Джулиан жестом указал на ствол своего дробовика. Ноа молча кивнул.

Они пригнулись, держа оружие наготове. И вместе крадучись двинулись по коридору.

Глава 52

Ноа

День седьмой

Ноа двинулся вдоль стены, держа «Ремингтон» наготове, пульс гулко отдавался в ушах. Джулиан бесшумно двигался впереди него.

Дверь в пяти ярдах впереди справа стояла открытой. Вторая дверь дальше слева вела в общественную кладовую.

Ноа и Джулиан расположились слева от дверного проема, Ноа присел на корточки, прицелился, Джулиан встал над ним, наготове.

Осторожно облокотившись на край дверной коробки, Ноа с ружьем в руке осмотрел помещение.

Полки с едой и припасами. Рис, фасоль и пшеница высыпались из мешков и пластиковых контейнеров, пробитых пулями. Холодный воздух проникал из разбитого окна вдоль дальней стены.

В задней части комнаты рядом с окном человек в черной лыжной маске сгорбился над стопкой складских ящиков.

Он испуганно поднял голову.

— Полиция! Не двигаться! — закричал Джулиан.

Подозреваемый бросился к автоматической винтовке, прислоненной к полке в нескольких футах от него.

Адреналин в крови Ноа забурлил. Он вбежал в комнату, пригнувшись, и выстрелил по ногам мужчины. Контейнер разорвался в закрытом помещении. Осколки плитки взлетели

вверх и осыпали голени подозреваемого.

Мужчина отпрыгнул назад, громко ругаясь.

— Руки вверх! — крикнул Ноа сквозь звон в ушах, уже досылая в патронник еще один патрон. — Сейчас же!

Мужчина поднял обе руки. Его лыжная маска была задрана и надвинута на лоб. Всклокоченная коричневая борода. Болезненная, покрытая пятнами кожа. Пожелтевшие зубы. Рэнди Картер — тридцать два года, наркоман, дилер и бывший заключенный. По прозвищу Никель.

Никель накинул одеяло на оконную раму и поставил у стены несколько пластиковых контейнеров для хранения. Через окно Ноа разглядел снегоход, припаркованный неподалеку, и задний прицеп, забитый церковными контейнерами с едой.

Его оставили здесь. Возможно, намеренно, чтобы он мог украсть больше припасов. А может, случайно в хаосе.

Какой бы ни оказалась причина, сейчас он стоял здесь.

— Эй! Ты выстрелил в меня! — Никель держал руки поднятыми, прыгая на одной ноге. На его левой голени расцвело несколько пятен крови от осколков плитки.

Гнев и отвращение пылали в груди Ноа. Этот отморозок превратился в кровавого убийцу. Худшего из худших. Он нес ответственность за резню в церкви.

В этот момент Ноа пожалел, что не выстрелил в него. Прямо между глаз.

— По-моему, ты в порядке, — сказал Джулиан. — Встань на колени.

Они с Ноа прошли дальше в комнату, держа наготове огнестрельное оружие. Битое стекло хрустело под их сапогами, пол залило сиропом из разорвавшихся банок.

— Я здесь работаю! Я волонтер, помогаю раздавать все это дерьмо, — бешено заговорил Никель. Его растерянный взгляд метнулся к винтовке. — Просто пытаюсь защититься от сумасшедших, которые напали на нас. Вот и все!

— Мы прекрасно знаем, кто ты такой! — прошипел Джулиан. Он дрожал, его лицо покраснело и покрылось пятнами от ярости. — Ты думаешь, мы настолько глупы, что не узнаем тебя?

Расфокусированные глаза Никеля сузились.

— Эй! Я...

— На пол! — заорал Джулиан. — Живо!

Никель бросился за оружием, одновременно протягивая руку за спину.

Инстинктивно Ноа потянулся к спусковому крючку.

Ответный выстрел расколол воздух.

Никель опустился на колени. Он схватился обеими руками за грудь. Кровь расцвела и растеклась по его куртке. Револьвер, к которому он тянулся, спрятанный в задней части джинсов, упал на пол.

У Ноа зазвенело в ушах. Звук стал звонким и далеким. На мгновение ему показалось, что он сам нажал на курок. Но его палец все еще лежал на спусковом крючке.

Это сделал Джулиан. Джулиан стрелял в Никеля.

— Ты выстрелил в меня? — спросил Никель, задавая вопросы, как будто он настолько ошеломлен тем, что это происходит с ним, что не уверен, что это реально. — Ты выстрелил в меня!

Джулиан бросился вперед и ударил Никеля ногой в грудь. Картер упал на бок.

— Джулиан! — закричал Ноа слишком поздно.

Его реакции замедлились, ужас этой ночи перевернул все вверх дном и вывернул наизнанку, его перегруженный мозг с трудом справлялся с обработкой новых раздражителей.

Джулиан встал над раненым, приставил табельное оружие к его черепу и второй раз нажал на спусковой крючок. Голова подозреваемого откинулась назад. Его тело обмякло. Из отверстия в центре его лба вытекла одна бисеринка крови.

Рэнди «Никель» Картер был мертв.

— Ты убил его, — сказал Ноа потрясенно.

Джулиан повернулся к нему. Выражение его лица оставалось мрачным, рот — ровной линией. Однако взгляд пылал.

— Ты не видел, что он сделал? Ты не видел мертвых маленьких детей?

Ноа сглотнул.

— Видел.

— Тогда знаешь, что я должен был. Убить его — правильно. Это оправдано. Ты видел. Ты видел, как он достал оружие.

Ноа видел это. Конечно, это убийство было оправданным. Он не должен сомневаться в Джулиане, даже на секунду. Разве сам Ноа не мечтал убить монстра всего несколько минут назад?

Но все же какое-то слабое, тревожное чувство терзало его душу. Этот голос шептал у него в голове. Первый выстрел был законным. А вот второй...

Его взгляд зафиксировал то, чего он отчаянно не хотел видеть. Подозреваемый лежал без оружия. Брызги мозга и крови на полу и полках описывали историю, которую расскажет вскрытие. Убийство безоружного подозреваемого совершено в упор.

Он чувствовал себя больным. Его кишечник сводило судорогой. Ему хотелось выbleвать содержимое всего, что он когда-либо ел. Слишком много всего. Слишком много смерти.

Эта ночь. Это всё. Все трупы впечатались в его сознание. Его друзья и соседи. Убитые зверями. Монстрами.

— Мы сделали то, что должны были сделать, — яростно сказал Джулиан. — Мы усыпили бешеное животное.

Страна переживала кризис. Они должны защищать город. Джулиан сделал то, что должен был сделать. То, что сделал бы любой хороший полицейский.

— Я знаю, — сказал Ноа.

— Я прикрою тебя, брат. Ты знаешь это. Семья на первом месте, всегда. — Джулиан коснулся его руки. — Нам нужно зачистить последние несколько комнат. Я позабочусь об остальном. Ты иди домой к Майло. Ты ему нужен.

Ноа кивнул и заставил себя отвернуться от трупа.

По коридору эхом прокатился стон. Низкий, болезненный и полный отчаяния.

Сердце Ноа остановилось. Бишоп.

— Ноа, нет...

Ноа выбежал из кладовой, «Ремингтон» крепко зажат и готов к стрельбе, но в голове у него только одна мысль. Он помчался по коридору к последней двери слева. Звук его шагов и колотящегося сердца наполнил его уши.

Чувствуя Джулиана прямо за собой, он обогнул дверной проем, держа оружие наготове, инстинктивно осматривая комнату.

Ошеломленный, он остановился и замер. Опустил ружье, его руки онемели от шока.

В луче фонарика Джулиана сверкнули металлические стеллажи с припасами, стоявшие вдоль стен. На полу валялся измельченный картон и битое стекло. Десятки протекших банок разбросаны повсюду. Тошнотворно-сладкий запах персикового сиропа смешивался с медным привкусом крови.

Аттикус Бишоп стоял на коленях в центре кладовой. Багровые лужи запятнали линолеум. Его кожаная куртка и гавайская рубашка покрыты брызгами крови.

Несколько истертых отрезков паракорда лежали на полу позади него рядом с окровавленным осколком разбитой банки. Кровь текла из его правой руки и капала с манжеты куртки.

Бишоп не оглянулся и не заметил их присутствия. Его широкие плечи сгорбились в страдании и горе, голова опущена.

В своих сильных, крепких руках он держал свою семью. Добрую, красивую Дафну. Энергичную Юнипер. Игривую малышку Хлою.

Все они были мертвы.

Глава 53

Ноа

День восьмой

Прошло три часа, прежде чем Бишоп произнес хоть слово. Полночь наступила и прошла. Никто даже не заметил.

Ноа сидел в кладовой, скрестив ноги, прислонившись спиной к стене, ружье лежало на полу рядом с ним. Он не двигался уже несколько часов. Бишоп тоже не шевелился.

Никто не трогал Бишопу и не пытался высвободить его семью из его объятий. Бишоп позволил Ноа накрыть их тела одеялами. Вот и все.

Это не соответствовало протоколу. Но протокол умер вместе с электросетью.

Они оставили Бишопу под присмотром Ноа.

Джулиан и другие офицеры работали на месте преступления в меру своих возможностей. Это была мрачная работа. Без электричества у них больше не имелось средств для анализа ДНК или ввода улик в базы данных, хотя они все равно собирали образцы жидкостей, крови, волос и гильз, как могли.

Этой работой всегда занимались криминалисты. Ноа понятия не имел, как обстоят дела в больших городах, существует ли еще костяк правительства и правоохранительных органов, или система рушится везде, где нет доступа к связи, транспорту, компьютерам и высокотехнологичному оборудованию.

Все шло неправильно, все казалось странным. На полу не стояли разноцветные пластиковые конусы, на стене не висели пронумерованные куски ленты для обозначения различных видов улик. Никаких техников в костюмах Тайвек, собирающих образцы, делающих фотографии и измерения, превращая место массового убийства в нечто живое, активное и осмысленное.

Ноа неловко пошевелился. У него разболелась спина, и онемели ягодицы. Кто-то принес керосиновый обогреватель, стопку пожертвованных одеял из одной из кладовых и фонарь на батарейках. По крайней мере, ему тепло.

Он хотел пить, но не хотел есть, хотя ничего не брал в рот с полудня. При мысли о еде его передергивало.

Он сидел с Бишопом и ничего не говорил. Он ждал, пока Бишоп заговорит первым. Он

ждал бы всю ночь, если бы пришлось. Его друг заслуживал этого, по крайней мере.

Ноа не настолько глуп, чтобы верить, что ему есть что сказать. «Мне жаль. Я сожалею» — это камешек, брошенный в ураган. Хуже, чем ничего не сказать.

За последние пять лет он услышал тысячу «мне жаль», пока ему не захотелось задушить каждого благонамеренного незнакомца, знакомого или коллегу, который это говорил.

Он потрогал обручальное кольцо. Его мысли вернулись к Ханне.

Он потерял ее. Она просто растворилась в воздухе. Как будто ее похитили инопланетяне или она попала в параллельную вселенную, навсегда оставив эту.

Кто-то забрал ее. Ноа верил в это. Украл ее из их жизни, вычеркнул из существования. Но верить и знать — две разные вещи.

У него не осталось тела, которое можно похоронить. Ни похорон, чтобы завершить дело, ни общей скорби. Никакой уверенности.

Даже пять лет спустя горе все еще настигало его, иногда из ниоткуда. В самых странных местах, в самое неподходящее время. В продуктовом магазине. На одной из игр Малой лиги Майло. Или если по радио звучала песня, которую Ханна всегда любила напевать.

Несколько нот «*Hallelujah*», «*I Still Haven't Found What I'm Looking For*» или «*When Doves Cry*», и все возвращается в одно мгновение — Ханна, свернувшаяся калачиком с Майло перед сном, поющая ему рок-песни как колыбельную. То, как она смотрела, когда пела, как чистота ее голоса наполняла его эмоциями, переносила куда-то еще — почти как волшебство.

И вот так горе обрушивалось на него, приливной волной, цунами, затягивая его под себя, поглощая целиком, пока Ноа не переставал дышать, пока ему не казалось, что он умирает. Страдания переполняли его настолько, что смерть казалась облегчением.

Ноа понимал горе. Но понимание не могло помочь ему облегчить боль друга. Его сердце болело за Бишопа, он скорбел вместе с ним.

Он понимал и чувство вины. Сегодня вечером Ноа чуть не потерял Майло. Он не мог примирить свою скорбь по Бишопу со своим собственным огромным облегчением. Только случайность — только синеволосая Квинн Райли — уберегла Майло от той же участи.

Его ребенок находился в безопасности. Его ребенок был искупан и спал в теплой постели у людей, которые заботились о нем. Дети Бишопы остывали в его руках, и последними воспоминаниями о них остались ужас на их лицах и крики о помощи, на которые он не смог ответить.

Ноа ненавидел себя за это, за то, что даже подумал об этом, но ничего не мог с собой поделать. Он с радостью перенес бы вину за сотню потерянных жизней, если бы это означало, что Майло сможет открыть глаза утром.

— Я подвел их. — Сильный грудной голос Бишопы нарушил тишину. Он звучал хрипло и надломлено. — Я сделал все, что мог, чтобы спасти их, но этого оказалось недостаточно. Этого оказалось слишком мало.

— Бишоп...

— Я муж без жены. Я отец без детей.

— Ты...

— Оставь меня.

— Я тебя не брошу.

— Уходи.

— Нет.

— Я хочу остаться один.

— Тебе нужен друг, Бишоп. Хочешь ты или нет, я с тобой. Я никуда не уйду.

Из горла Бишопа вырвался звук, похожий на вой раненого зверя, который разорвал сердце Ноа и разбил его заново. Исчезло его легкое обаяние и заразительный смех, доброта, согревавшая его черты. Бишоп изменился почти до неузнаваемости.

Он не говорил ничего несколько минут.

Ноа ждал его. Он продолжал ждать.

Труитт передал ему сообщение по рации два часа назад. Майло находился в безопасности. Он и Квинн под присмотром Розамонд. Медбрат уже выехал. Ноа очень хотел быть с сыном, но он не мог оставить Бишопа. Не так.

— Это был Рэй Шульц, — наконец произнес Бишоп. Он дышал тяжело, короткими глубокими вдохами, каждое слово стоило ему огромных усилий. — Это сделали они.

— Они сделали это... из мести?

— Да. — Бишоп поднял голову и посмотрел на Ноа. Его зрачки казались огромными. А взгляд отстраненным. Пустой и невидящий. — Я думал, что дьяконов будет достаточно. После того, что случилось в продовольственной кладовой, мы поставили охранника на страже круглосуточно. Я думал, что мы поступаем умно. Но мы не смогли их остановить. наших пистолетов оказалось мало. Они пришли с автоматическим оружием, и мы ничего не смогли сделать... Они хотели мести. Они хотели крови. С ними невозможно было договориться. Они вели себя как... животные. Демоны. Чистое зло.

Бишоп замолчал и долго смотрел в пустоту.

— Они искали сейф. Требовали сказать, где золото. Они думали, что мы что-то скрываем, что-то, что им нужно.

— Золото?

— Они... творили такое. Они били Дафну... а потом просто... застрелили ее. Застрелили их. Прямо на моих глазах. Я был связан. Я не мог им помочь. Я ничего не смог сделать.

— Какое золото?

— Я не знаю. — Он покачал головой, нахмутив брови в замешательстве, словно пытался разгадать кусочки огромной и невероятно сложной головоломки, пытаясь и не сумев соединить их вместе. — Здесь нет золота. Нет сейфа. И никогда не было.

Глава 54

Ноа

День восьмой

— Мы найдем тех, кто это сделал, — сказал Ноа, его голос дрожал, когда он пытался подавить собственное отчаяние. — Это единственное, что я могу тебе обещать. Мы поймаем их, и они заплатят за то, что сделали.

Бишоп моргнул.

— Они заплатят?

— Да.

— Я думал, они уже арестованы. Они все содержались в той камере под старым зданием суда. Это то, что ты мне сказал.

— Все получилось случайно. Ужасный несчастный случай.

— Несчастный случай, что они выбрались?

— Мы все еще расследуем. Этого не должно было случиться.

Бишоп коснулся одеяла, под которым лежала его мертвая жена. Его лицо исказилось в мучительной гримасе.

— Ты лучше, чем это, Шеридан. «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Я проповедую доверие, сострадание и пользу от сомнений. Но это слишком много, чтобы проглотить, даже для меня. Даже для тебя.

Ноа замолчал на мгновение.

— Есть вещи, которые ты не видишь, Ноа. То, чего ты никогда не видел. И не хочешь видеть.

— Что это значит?

Мышца на челюсти Бишопа дернулась.

— Ходят слухи. У некоторых людей в этом городе есть скелеты в шкафу. И не один.

Ноа уставился на него в недоумении.

— Это сделали сумасшедшие. Безумцы. Ничего другого.

— Кто-то всегда наживается на зверствах, — сказал Бишоп. — Кто наживается здесь, Ноа?

Это говорило его горе. Кипящий, беспомощный гнев затаившийся в глубине души. Бишоп катился по спирали в черную дыру. Цепляясь за спасательный плот отчаяния, он сваливал вину и ответственность куда только мог. Даже там, где им не место.

Это естественная реакция на травму, с которой Ноа имел непосредственный опыт. Ему нужно помочь ему, вернуть его с края пропасти.

— Нам нужно позаботиться о твоей семье, — проговорил Ноа мягко, меняя тему разговора и направляя его в более подходящее русло. — Пришло время.

Через минуту Бишоп мрачно кивнул.

— Возможно, ты прав.

Осторожно, почти благоговейно, Бишоп снял жену со своих колен и положил ее рядом с двумя дочерьми. Он поднялся на ноги и встал над окутанными одеялами фигурами. По его щекам текли слезы.

— Я зывал к Богу, но Он не слышал меня. Отец, где Ты?

У Ноа не нашлось ответа на этот вопрос. Кризис веры не та проблема, которую он знал, как решить.

— Пойдем со мной. Ты останешься с нами. У нас есть свободная спальня в доме в «Винтер Хейвене».

Тень пробежала по лицу Бишопа.

— Я не уйду.

Ноа открыл рот.

— Что? Ты не можешь остаться здесь.

— Это мой дом. Моя церковь. Мои люди.

— Но... это место преступления. Здесь тела повсюду.

Лицо Бишопа приобрело еще более глубокий оттенок серого. Он закрыл глаза, его плечи дрожали.

— Мне жаль, — извинился Ноа. Те самые слова, которые он ненавидел произносить.

Бишоп открыл глаза и потер лицо.

— На рассвете голодные семьи выстроятся на улице. Если меня здесь не будет, им нечем будет кормить своих детей.

— Эти семьи могут обратиться за помощью в школьный приют. Не тебе одному нести это бремя.

— Я сам избрал эту ношу. Я буду продолжать нести ее, сколько смогу.

Ноа уставился на него, ничего не понимая.

— Почему? Почему ты вообще хочешь остаться?

— Это мое призвание. Бог направил меня сюда. Бог все еще здесь, несмотря на то, что ты можешь думать. Возможно, Он позволил моей семье покинуть этот мир, но моя вера не поколеблена. Я все еще верю. Я всегда буду верить. Он не оставил меня, и я не оставлю Его. Я не откажусь от своего призвания помочь этому городу пережить его самые темные дни.

Возможно, это делало его глупцом, но Ноа всегда восхищался непоколебимой верой Бишопа в нечто большее, чем он сам. Иногда Ноа хотелось, чтобы у него самого нашлось что-то большее, на что он мог бы опереться, чем собственное хрупкое и неверное «я».

Но это. Это было что-то, чего он не мог понять.

— Еда и припасы здесь принадлежат церкви. Если меня здесь не будет, что с ними станет?

Ноа не смог ответить на этот вопрос.

— Совет конфискует их. Возможно, часть попадет к людям. Но часть попадет на полки богатых и влиятельных. Таков порядок вещей. Так было всегда. Это десятина Господа. Сто процентов ее принадлежит тем, кто в ней нуждается — а не тем, кто хочет украсть ее для себя.

Ноа покачал головой.

— Бишоп, я не хочу этого говорить. Правда не хочу. Но это место преступления. Ты не можешь здесь оставаться.

Лицо Бишопа ожесточилось. Он навис над Ноа, его мощные мышцы напряглись и стали выпуклыми, в нем появился устрашающий солдат.

— Пока ты не наденешь на меня наручники и не вытащишь отсюда, я не уйду. Ты готов это сделать, Ноа?

Ноа не был готов. Он сомневался, что кто-то другой тоже. Не сейчас. Не после всего этого.

— Я буду спать в ванной в конце коридора. Там есть одеяла. У меня есть вся необходимая еда и вода. Я остаюсь.

Ноа разочарованно вздохнул.

— Хорошо. Я прослежу, чтобы тебя не беспокоили. Мы храним умерших в похоронном бюро. Там не будет места для всех этих... — Он чуть не сказал «трупов», но остановил себя. — Девочкам и Дафне найдется место. Будет. Я свяжусь...

— Я похороню их. Сегодня вечером.

Ноа замаялся.

— Ты просто не сможешь — земля замерзла.

— Сначала я разожгу костер.

— Это не имеет значения. Ты не можешь просто закопать тела на заднем дворе...

— Ты еще не понял, Ноа? — Гнев боролся с печалью, омрачающей черты лица Бишопа. — Все кончено. Все рушится. Что мне делать? Позвонить в похоронное бюро? Запросить гробовщика? Они не на работе. У них нет электричества, как и у всех нас. Единственное тело, о котором они сейчас беспокоятся, — это их собственное. Они беспокоятся о том, как сохранить жизнь себе и своим семьям. Все, что мы сейчас можем

обеспечить, зависит от нас самих. Никто из государственных чиновников не станет тратить время на то, чтобы выписывать штрафы за неправильно захороненные тела. А если так, то пусть приходят. Я готов к последствиям.

Ноа хотел поспорить. Если бы он не чувствовал себя настолько измотанным, настолько травмированным после этой ночи смерти и резни, он мог бы это сделать. Вместо этого его плечи опустились в знак поражения.

— Позволь мне хотя бы помочь тебе.

Но Бишоп устало покачал головой.

— Это мой крест, который я должен нести. Я сделаю это один.

Его тон не допускал никаких возражений.

— Иди домой к своему сыну. Обними его крепко и скажи ему, что он любим.

Свежее чувство вины пронзило Ноа. Он с трудом мог смотреть Бишопу в глаза.

— Тебе что-нибудь нужно?

Бишоп устало покачал головой.

Когда Ноа повернулся, чтобы уйти, Бишоп заговорил в последний раз.

— Держи глаза открытыми, мой друг. Дьявол — рыкающий лев, ищущий, кого поглотить. И он не всегда тот, о ком ты думаешь.

Глава 55

Ноа

День восьмой

Ноа и Джулиан, наконец, вернулись в дом суперинтенданта далеко за два часа ночи, уставшие и совершенно измученные.

Обычно они выполняли лишь одну из ролей в огромном потоке бумажной работы и процессов. Нужно было собрать и систематизировать доказательства, взять показания, опросить свидетелей, привлечь обвинителей и адвокатов защиты, назначить дату суда. Судебные процессы, вердикты и тюремные сроки.

Теперь он не знал, как все будет происходить.

Хейс сообщил по рации два часа назад. Они выследили Рэя, Билли, Октавию и остальных до жилища Картеров — сорока акров земли за рекой в нескольких милях к северу от Фолл-Крик. Лесной участок располагался на вершине холма, примыкавшего к реке, с крутым оврагом по западному периметру.

На вершине холма стояло полдюжины трейлеров, а также несколько больших сараев, навесов и других хозяйственных построек. У них имелся колодец, доступ к реке и лесу для охоты и заготовки дров. Расположение на вершине холма обеспечивало им преимущество.

Одновременно здесь жили от двадцати до тридцати человек. Все преступники и их женщины, а также несколько оборванных, сопливых детей.

Команда Рэя добралась туда раньше полиции. Когда Бриггс попытался провести арест, их встретили шквалом огня и отбросили назад. Офицер резерва Клинт Молл был ранен в руку, после чего они вынужденно отступили.

Им требовалось перегруппироваться и спланировать операцию по захвату участка.

Это будет совсем не просто. Рэй, Билли, Томми и остальные будут готовы. Они будут готовы к встрече с представителями закона.

Противостояние обещает быть кровавым и жестоким. Полицейский департамент Фолл-Крика сильно уступал в численности. И, судя по сообщениям о множестве

полуавтоматического и автоматического оружия в церкви, преступники также превосходили их в вооружении.

Но это вопрос завтрашнего дня. Как и проблема, что делать с телами жертв. Кладбищенский склеп в похоронном бюро «Мерси» уже переполнен.

В качестве временной экстренной меры они завернули тела в промышленные мешки для мусора и перевезли их в большой металлический сарай Пола Истли. Холодная температура должна обеспечить сохранность тел достаточно долго, чтобы разработать план.

Завтра добровольцы отправятся на поиски холодильников в похоронные бюро и медицинские учреждения.

Но сейчас Ноа не мог думать ни о чем подобном. Он совершенно вымотался физически и эмоционально. Ему больше нечего дать городу. Майло теперь его единственная забота.

Как только Джулиан отпер входную дверь Розамонд, Ноа сразу же направился в гостевую спальню. Было темно, но луна показалась из-за туч, и слабый серебристый свет мерцал над двумя спящими фигурами.

Детей искупали и переодели в пижамы, данные на время, их волосы чистые — у Квинн снова синие, у Майло черные, вьющиеся и влажные, прижатые к подушке. Они оба полулежали под кучей одеял. Квинн обнимала Майло, прижимая его к себе, защищая даже во сне.

Грудь Ноа сжалась, переполненная любовью.

Он позволил им спокойно спать и вернулся на диван в гостиной. Через пять минут он отключился, все еще полностью одетый.

После рассвета Майло пробрался в гостиную и забрался на него сверху. Полусонный, Ноа обнял сына и просто наслаждался его теплом, свежим запахом шампуня с зеленым яблоком в его волосах, его маленьким сердечком, бьющимся о грудь Ноа.

Час спустя Розамонд наконец удалось выманить Майло из объятий отца и Квинн из кокона кровати, пообещав завтрак из яиц и блинов с арахисовым маслом и взбитыми сливками для Майло.

Яйца были в порошке, а блины — из коробки, но это никого не волновало. На удивление, у всех проснулся аппетит.

Возможно, столкновение со смертью делает человека жадным до жизни. Даже когда разум не мог переварить ужас и травму, тело знало, что ему нужно. Тело стремилось к жизни.

После завтрака Ноа и Джулиан молча прибрались и помыли посуду. Ноа дал Майло еще одну двойную дозу лекарств и проверил его на наличие симптомов.

Майло настаивал, что с ним все в порядке.

Он сидел на одном конце острова и работал над книжкой-раскраской. Его плечи были сгорблены, выражение лица замкнутое. Он раскрашивал одно и то же дерево, снова и снова, красным карандашом. Лицо у него было бледное и осунувшееся.

Квинн сидела рядом с ним, уставившись в какую-то невидимую точку в отдалении, ее глаза были безучастны. Она не произнесла ни слова. Майло тоже не говорил.

Ноа беспокоился о нем, о них обоих. Физически, но также и эмоционально. Обоим детям требовалась психологическая помощь. Они пережили ужасную травму.

Обычно у него имелся доступ к множеству профессионалов, к которым он мог бы обратиться за помощью. Но сейчас? Никаких телефонных номеров, чтобы позвонить. Нет электронных баз данных, к которым можно обратиться. У него не имелось адресов, чтобы

лично посетить детских психологов.

Через некоторое время Квинн попросила вернуть ее в дом бабушки. Поскольку «Оранж Джулиус» все еще оставался припаркованным у Молли, Розамонд предложила одолжить ей один из внедорожников, которые Тине Ганди удалось снова заставить работать.

Свойственная Квинн угрюмая хмурость исчезла — на время. Она выглядела моложе и гораздо более уязвимой без тяжелого макияжа глаз. Даже с опухшими фиолетовыми синяками и порезами на лице, она могла сойти за эльфийку лет тринадцати, а не шестнадцати.

Ноа восхищался этой девочкой-подростком. Такая юная и уязвимая, такая крепкая и стойкая. Она выжила. Она была сильнее и храбрее, чем все считали.

Майло возился со своим медицинским браслетом. Он поднял голову.

— Не уходи, Квинн.

— Я тебя не брошу, Мелкий. — Квинн вскочила из-за стойки, крепко обняла Майло и что-то прошептала ему на ухо, чего Ноа не смог расслышать.

Майло не улыбнулся, но кивнул и дал ей уйти.

— Я знаю местного психотерапевта, — сказала Розамонд после ухода Квинн, тихо, чтобы Майло не услышал. — Вчера вечером офицер Труитт поехал в дом Шен Ли и привез его. Он осмотрел детей. Майло не пострадал — физически. Мы не можем проверить уровень его гормонов, но он рекомендовал тебе продолжать удваивать дозу Майло еще несколько дней. Квинн получила удар по голове и у нее легкое сотрясение мозга. Ее нос на первый взгляд сломан, но это не так. Физически она будет в порядке.

— Спасибо, Господи.

— Да. — Розамонд удалось натянуто улыбнуться. — И у меня есть еще кое-что для тебя.

Она вложила ему в руки бутылочку с таблетками по рецепту. Он в шоке уставился на нее, перевернул, прочитал этикетку и снова перечитал.

— Это... это гидрокортизон. Лекарство для Майло.

— Я знаю.

— Роберт Винсон сказал, что в аптеке оно закончилось.

— Я знаю.

— Где, ради всего святого, ты смогла достать его?

Она натянуто улыбнулась.

— Хорошо иметь друзей в высших кругах, Ноа. Помни об этом. Сейчас это важнее, чем когда-либо. Это от Маггиаса Сагтера. Моего кузена. Ты познакомишься с ним позже. Я рассказала ему о наших нуждах, и он сумел найти в соседнем городе аптеку, где это лекарство имелось в наличии, и выторговал его. Он принес его мне в качестве жеста доброй воли.

— Доброй воли для чего?

— Скоро увидишь. И это еще не все.

Ноа положил драгоценные таблетки в карман. Еще на месяц. Он мог бы прослезиться от облегчения, от благодарности.

— Ты так добра к нам, Розамонд. Как я могу отблагодарить тебя?

Она сжала его руку.

— Ты и Майло — достаточная благодарность, дорогой. — Она на мгновение повернулась в сторону кухни и прочистила горло. Когда она снова встретилась с ним взглядом, ее глаза блестели. Слезы размазали ее идеально наложенную тушь.

Ноа изумленно уставился на нее. Он сомневался, что за всю свою жизнь видел, чтобы Розамонд Синклер плакала. Она гордилась тем, что всегда сохраняет хладнокровие, что абсолютно контролирует свои эмоции. Но сейчас она себя не контролировала.

— Ты в порядке? — спросил он.

Джулиан поднялся со стула. Все утро он вел себя необычно тихо, его лицо осунулось, глаза налились кровью.

— Мама?

— Ты не представляешь, как я волновалась. Просто безумно за тебя. За всех вас. — Ее взгляд метнулся к концу острова, где сидел Майло, затем к Джулиану и снова к Ноа. — Я уже сказала это своему сыну, но мне очень, очень жаль. То, что случилось прошлым вечером... подумать только, это едва не случилось с Майло. Я просто...

Ее руки дрожали, когда она вытирала нос салфеткой. Она вытерла глаза.

— Я думала, что делаю все возможное, чтобы защитить нас, а потом это произошло. При мне. Может быть, мне стоит уйти в отставку. Может быть, я не тот человек, который может обеспечить нашу безопасность.

— Мам, — сказал Джулиан резко, — не говори так.

Ноа обнял Розамонд. Для такой грозной женщины она была невысокого роста, доходила ему только до подбородка. Он отстранился.

— Джулиан прав. Ты делаешь все, что в твоих силах, и даже больше. Вчера мы все потерпели неудачу.

Розамонд кивнула и фыркнула.

— Спасибо, Ноа. Ты всегда знаешь, что сказать. Вот почему ты так важен для меня. Ты — все, что у меня осталось.

Джулиан напрягся. По его лицу пробежала тень.

Ноа знал, что она остро переживает исчезновение своего старшего сына. Тот был ее правой рукой. Ее доверенным лицом.

— Он просто застрял где-то, как миллион других людей. Он вернется домой.

— Я знаю. — Она выпрямилась во весь рост и расправила плечи. — Он умный и находчивый. Он будет здесь, как только доберется. Хотя мне бы не помешала его помощь. Гэвин всегда оставался надежным. — Ее взгляд остановился на Джулиане. Уголок ее рта дернулся. — Теперь тебе придется действовать.

Выражение лица Джулиана смягчилось.

— Я уже это делаю.

— Конечно, дорогой. — Розамонд слабо улыбнулась, уже отстраняясь от Джулиана, и повернулась к Ноа. Она разгладила рукава своего лавандового брючного костюма. — Остальные члены совета скоро придут на экстренное совещание.

— Я обещал Аттикусу Бишопу, что мы добьемся справедливости для его семьи, — сказал Ноа. — Для всех семей.

Розамонд поджала губы. В ее глазах вспыхнул темный гнев.

— Я позабочусь о Фолл-Крик. Доверься мне.

Глава 56

Ноа

День восьмой

— Это не самый лучший выход, но и не самый плохой, — серьезно сказала Розамонд.

Она сидела на высоком стуле в гостиной, остальные члены совета расположились по кругу. Ноа и Джулиан сидели на диване рядом с Хейсом. Дэйв Харрис стоял по другую сторону от него, рядом с Аннет Кинг и Майком Дунканом.

Незнакомец сидел на табурете перед островом рядом с суперинтендантом. Крупный белый парень в зеленой камуфляжной форме с нашивкой Саттер на левой стороне груди, нашивкой Милиция США на правой, АК-47 через одно плечо.

Он выглядел примерно на шесть футов три дюйма и двести пятьдесят фунтов, крупный мужчина, с мощными бедрами и руками. У него была бочкообразная грудь, толстая шея, лысая блестящая голова и бледно-голубые глаза, утопленные в мясистом лице.

Маттиас Саттер из бригады добровольного ополчения юго-западного Мичигана сидел неподвижно, молча, не шевелясь, его глаза медленно обшаривали комнату, вбирая все вокруг.

Ноа почувствовал, как маленькие волоски на его шее слегка приподнялись. Брат Розамунд не произнес ни слова, но уже нервировал.

— Мое сердце разрывается от злодеяния, которое произошло вчера вечером, — продолжала Розамонд. — Разбито совершенно. Сорок семь жизней. Восемнадцать из них — дети. Восемнадцать! Они ходили с нами в школу, делали покупки. Они были нашими коллегами и друзьями. Это бессовестно. Мы должны сделать все, что в наших силах — все! — чтобы это не повторилось.

Слезы блестели в уголках ее покрасневших глаз.

— Никто из нас не ожидал этого. Никто не был готов. Электричество отключилось, и мы думали, что все будет продолжаться, как прежде. Но мы ошибались. Мы не можем делать те же вещи, что и раньше, потому что наш мир меняется на наших глазах, и не в лучшую сторону.

— Я не знаю, сколько времени потребуется для восстановления электричества. Шесть месяцев. Может быть, шесть лет. Если мы хотим выжить до этого времени, мы должны измениться. Мы должны адаптироваться. Иначе выживут те, кто готов действовать более жестоко и свирепо, чем мы. И я не допущу этого. Я не позволю этому случиться в Фолл-Крик.

Розамонд вздохнула, как бы успокаиваясь, и обвела взглядом комнату.

— Учитывая все вышесказанное, я взяла на себя смелость пригласить сюда Маттиаса Саттера, чтобы поговорить с вами. Он согласился собрать пятьдесят три человека под своим командованием, чтобы вместе с полицейским управлением Фолл-Крика завтра на рассвете устроить облаву на лагерь Картеров. Они помогут нам привлечь Рэя Шульца и братьев Картер к ответственности. Ибо мы требуем правосудия. И мы не успокоимся, пока не добьемся его.

Комната наполнилась тихим, напряженным ропотом. Горе, тревога и страх отражались на всех лицах. И гнев. Все испытывали одновременно ужас и возмущение.

Несколько членов совета открыто плакали. Шеф Бриггс выглядел мрачным и потрясенным. Лицо Аннет осунулось и побледнело. Даже Дэррил Виггинс сгорбился на своем месте, его волосы растрепались, лицо было небритым и выглядело подавленным.

Каждый знал погибших. Трагедия затронула абсолютно всех.

Сосед Майка Дункана. Невестка Хосе Рейносо. Полдюжины учащихся и бывших учеников Аннет Кинг. Два сотрудника Дэйва Фарриса.

Настроение членов совета изменилось с момента их последней встречи всего несколько

дней назад. Ощущение безопасности только что вырвали у них из-под ног.

Понятие о безопасности исчезло в момент удара ЭМИ, но люди наконец-то начали понимать, насколько радикально все изменилось.

— Мы здесь не для того, чтобы захватывать власть. — Голос Саттера прозвучал тихо, но властно. В его голосе чувствовалась сила, естественная уверенность. — Мы здесь не для того, чтобы занимать чьи-то места. Мы хотим помочь. И да, я не буду лгать. Теплый дом с электричеством и горячим душем — огромный соблазн. Мы тоже кое-что от этого получаем. Но это не помешает нам работать вместе в партнерских отношениях.

— Мы готовы и хотим поставить свои жизни на кон, чтобы защитить прекрасных жителей Фолл-Крик. С завтрашнего дня мы будем устанавливать и охранять блокпосты на въезде в город и выезде из него. До сих пор вам везло, поскольку вы маленький городок и находитесь в стороне от шоссе. Мы сделаем этот город безопасным. Начиная с мести кучке убийц.

Аннет Кинг кивнула в усталом согласии.

— Мы должны быть в безопасности.

— Мы не можем допустить, чтобы что-то подобное произошло снова, — поддержал Дэйв Фаррис.

— Розамонд была права все это время, — мрачно заметил Виггинс. — Нам следовало проголосовать за нее в прошлый раз, и нам, черт возьми, лучше сделать это сейчас.

Ноа поднялся на ноги.

— Я согласен.

Все затихли. Все смотрели на него, внимательно слушая. Все знали, что он был на месте бойни в церкви Кроссвей. Все знали, что Майло Шеридан стал одним из немногих выживших.

— Суперинтендант совершенно права. Мир меняется на глазах, и мы должны быть готовы меняться вместе с ним. Мы не только пытаемся выжить в условиях стихии, обеспечить пищу и кров для наших близких, но и сталкиваемся с такими угрозами, с которыми никогда не сталкивались.

— Я думаю, мы все согласимся, что это выдалась самая длинная неделя в нашей жизни. В магазинах опасно мало продуктов. Кладовые пусты. Люди начнут голодать. Они увидят, что их дети голодают, и что они будут делать? Мы должны быть уверены, что сможем защитить себя от этой опасности.

Он вздохнул, подумал о Майло.

— Что касается меня, я готов сделать все для своего сына. Все, что угодно. Думаю, мы все сделаем то же самое. Если это означает приветствовать бригаду добровольного ополчения в качестве поддержки местных правоохранительных органов, то это то, что я готов сделать.

Маттиас Саттер склонил подбородок в знак признательности Ноа.

— Спасибо, офицер Шеридан, — проговорила Розамонд. — Он сказал все, что я хотела сказать вам, и даже лучше.

— Мы делаем то, что должны делать, — властно заявил Виггинс. — Чего бы это ни стоило.

— Мы должны защитить город, — хрипло произнесла Аннет.

— Я думаю, мы готовы к голосованию. — Розамонд сцепила руки на животе. — Что скажете?

Через несколько секунд голосование завершилось. Быстрое поднятие рук показало, что большинство выступает за вступление ополчения.

Только шеф Бриггс держал руки на коленях, выражение его лица оставалось напряженным.

— Итак, значит, «за». — В ее голосе не слышалось ни следа победы или волнения — только обычный спокойный, размеренный тон. — Спасибо всем. И спасибо тебе, Маттиас.

Ноа подавил собственное беспокойство. Ополченцы обеспечат безопасность Фолл-Крика. Они будут оберегать Майло.

В конце концов, разве не это имело значение?

— Завтра все это закончится, — сказала Розамонд. — Мы будем оплакивать наших мертвых, но мы будем в безопасности. Мы сможем укладывать наших детей спать с уверенностью, что утром они проснутся целые, невредимые и под защитой. Перед нами стоит трудная задача, но люди Фолл-Крика из крепкого теста. Мы выживем. И мы восстановимся. Мы справимся с этим!

— Вот, вот, — подхватил Виггинс.

Остальные кивнули.

Розамонд прочистила горло и оглядела совет. Она подождала, пока все взгляды не устремились на нее. Пока не стало так тихо, что казалось, можно услышать, как упадет булавка.

— Вы для меня семья. Каждый из вас. Надеюсь, вы это знаете. — Она улыбнулась своей теплой, материнской улыбкой, в ее глазах все еще блестели слезы. — У нас в «Винтер Хейвене» тридцать пустующих домов. Мы не можем позволить такому ценному ресурсу пропасть. И для каждого из вас — лидеров этого сообщества, находящихся здесь, в этой комнате — эти дома выделяем для вас и ваших семей. За все, чем вы жертвовали и будете жертвовать, чтобы сохранить этот город безопасным и единым, вы заслуживаете этого.

Все поднялись на ноги и зааплодировали. Их изможденные лица светились горем, страхом и беспокойством, но также и надеждой. Они отчаянно нуждались в ней.

Шеф Бриггс молча встал с места и направился к входной двери. Он снял пальто с крючка, натянул ботинки и ушел, не сказав ни слова.

Розамонд едва взглянула на Бриггса, когда за ним закрылась дверь. Уголок ее рта дернулся. Ноа знал ее достаточно хорошо, чтобы понять, о чем она думает. У нее был Совет. Они поддерживали ее на всем пути. Ей не требовалась поддержка шефа полиции, не в этот раз.

Ноа хлопал вместе со всеми. Тем не менее, он не мог избавиться от тревоги, подкатывающей к его животу. Он не мог выбросить из головы слова Бишопы.

Это чувство, глубоко в его душе. Которое он ненавидел, но от которого не мог избавиться.

Что бы это ни было, оно не закончится смертью Рэя Шульца и братьев Картер.

Это еще далеко не конец.

Глава 57

Ноа

День восьмой

В ту ночь Ноа оставил Майло с Синклерами.

Он устал, измучился, душа его изнывала, но он не мог успокоиться. Всякий сон, какой

ему снился, был полон кошмаров: скамьи, залитые кровью, Дафна, Хлоя и Юнипер, взывавшие к нему, жалобные призраки, требовавшие знать, почему они мертвы, почему он не защитил их.

Вместо того чтобы спать, он взял «Кавасаки», заправил его из канистры, припрятанной в гараже Розамонда, и прицепил его к одному из больших прицепов, которые Джулиан позаимствовал у горожан. Он взял лопату, брезент и длинные прямоугольные санки, которые тоже нашел в гараже.

Ноа направился на север из Фолл-Крика в сторону Каламазу по Старому шоссе 31 и шоссе I-94. Температура держалась намного ниже нуля. Со всех сторон надвигалась темнота.

Над ним простиралось огромное небо, усыпанное звездами. Никогда еще они не казались такими яркими. Острые осколки льда рассыпались по черному бархату. Луна стояла полная и круглая и отражала голубой свет от нетронутого снега.

Он заставил себя сфокусироваться прямо перед собой. Ограждения исчезли под огромными сугробами. Только горбы снега, задушившие брошенные машины, и случайные дорожные знаки, торчащие из бесконечного белого поля, указывали ему на местонахождение дороги.

Шоссе не чистили. Не чистили последние восемь дней. С момента катастрофы. Черное Рождество, называли его люди. Ему плевать на то, как это называется.

Когда добрался до горнолыжного курорта Биттерсвит, он заехал на стоянку, выключил снегоход и переложил лопату, брезент и веревку в сани. Снял шлем и оставил его на снегоходе. Он включил захваченный с собой налобный фонарик и зашагал вперед.

Жестокий холод проникал прямо сквозь его снаряжение. Его брови и ресницы замерзли. Движения стали скованными и неловкими, но он продолжал идти.

Обгоревший и почерневший остов домика вырисовывался из темноты. Ноа обогнул его. Снег приглушал уродство, как и звук. Тишина громко звучала в его ушах. Дыхание вырывалось изо рта в бледно-белом тумане.

Он чувствовал себя единственным живым человеком на многие мили. Ощущение не из приятных.

Ему нравились люди. Ему требовалось знать, что они рядом. Он никогда не любил одиночество. Слишком много мрачных мыслей и преследующих воспоминаний, которые закрадывались в его мозг и поселялись там.

Ноа дал обещание. Он обещал Квинн. Он не был героем. Он не был выдающимся человеком. Он потерпел неудачу. Он несовершенен. Он совершил слишком много ошибок, чтобы их считать. Ошибок, которые стоили жизни.

Но Ноа любил своего сына. И он старался держать свое слово. Он надеялся, что этого будет достаточно.

Таща за собой сани, нагруженные припасами, Ноа начал долгий, трудный путь к вершине *Roket Launcher*.

Он карабкался. И карабкался. Упорно пробиваясь сквозь глубокий снег, его ботинки пробивали корку, дыхание сбивалось, легкие горели холодным огнем.

Когда он почти добрался до вершины холма, найти кресельный подъемник не составило труда.

У него были часы, чтобы запомнить форму деревьев, то, как склон резко поворачивает влево сразу за тем торчащим пнем. Разрыв в красном ограждении, с помощью которого они с Квинн спасли Майло и Фиби.

Ноа пересчитал кресельные подъемники между башнями, нашел нужные. Подъемники оказались пустыми. Он вздохнул с облегчением, что-то ослабло в его груди. Должно быть, снежная буря свалила тело старика.

Он не знал, как ему достать тело с кресельного подъемника. Он просто знал, что должен подняться сюда. Должен попытаться.

Достав лопату из саней, он начал копать в глубоких сугробах. Ноа не останавливался на отдых, пока не нашел и не раскрыл их обоих — Брока Мейсона и Донг В'ан Д'инга, деда Квинн.

Ноа с болью смотрел на тела.

Он служил в правоохранительных органах. Он должен был выполнить свою работу лучше. Он должен был спасти их. Так же, как он должен был спасти жертв бойни в Кроссвей. Он должен был быть умнее, лучше, быстрее. А он оказался не таким уж и хорошим полицейским.

Он даже не смог защитить своего сына. Не смог защитить семью своего лучшего друга.

Ноа не плакал. Его лицо слишком заледенело, чтобы плакать.

Напрягая мышцы, хрипя и задыхаясь от усилий, он завернул каждое жесткое, покрытое льдом тело в брезент, погрузил их на сани и привязал веревкой.

Обратный путь будет труднее, чем подъем. Предстоящий путь станет только сложнее, причем не только в одном смысле. Теперь он это понимал.

Выживание в этом новом мире, разрушенном ЭМИ, потребует от него всего. А потом потребуются еще больше.

Все испытания и трудности, которые он уже пережил, будут ничто по сравнению с тем, что ждет его впереди.

Но он сделает это. У него нет выбора.

— Я сделаю все, что должен, — поклялся Ноа вслух, обращаясь к бесконечной ледяной тишине. — Чего бы это ни стоило.

Конец второй книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net